

Виктор Мишин

ВТОРОЙ ШАНС

Начало

Снайпер

Счастливчик

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Виктор Мишин

**Второй шанс: Начало.
Снайпер. Счастливчик**

«Издательство АСТ»

2016, 2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мишин В. М.

Второй шанс: Начало. Снайпер. Счастливчик / В. М. Мишин —
«Издательство АСТ», 2016, 2017 — (Коллекция. Военная
фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-113418-1

Он потерял всё, но получил Второй шанс. Шанс прожить жизнь так, как подобает настоящему честному человеку. Он – Сергей Новиков. Во время перезахоронения останков деда, пропавшего во время Великой Отечественной войны и найденного через семьдесят лет, Сергей случайно гибнет от разрыва гранаты времен войны и волею случая оказывается в прошлом, в далеком и тяжелом сорок первом. Встав плечом к плечу с предками, Новиков быстро втягивается в тяготы войны и становится командиром взвода разведки. Ему предстоит воевать в блокадном Ленинграде и в его окрестностях, тяжелые бои во вражеском тылу и в разгромленном Сталинграде. Кажется, нет такого дела, с которым не справилась бы группа Новикова. Его ждут новые опасные и порой невыполнимые задания, но лучший снайпер Советского Союза из спецгруппы Ставки с честью и невероятным везением выходит из всех передраг. Он раскрывает заговоры и уничтожает пособников Гитлера, которые не хотят допустить нашей Победы, и, наконец, добивается того, для чего и попал в прошлое, изменения истории в ту сторону, в какую и хотелось Сергею.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113418-1

© Мишин В. М., 2016, 2017
© Издательство АСТ, 2016, 2017

Содержание

Начало	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	47
Глава 9	51
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	68
Глава 13	76
Глава 14	80
Глава 15	85
Глава 16	91
Глава 17	98
Глава 18	106
Глава 19	111
Глава 20	117
Глава 21	124
Глава 22	130
Глава 23	133
Глава 24	143
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Виктор Мишин
Второй шанс. Начало.
Снайпер. Счастливчик

© Виктор Мишин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Начало

Глава 1

Этот день был обычным. Одним из многих однообразных, ничем не запоминающихся дней. Проснулся, позавтракал, поехал на работу. Вернувшись вечером домой, поцеловал жену и маленькую дочь.

- Как дела? – спросила супруга.
- Да как всегда. Вы дома, остальное придет.
- Что-то ты злой какой-то сегодня? – слегка насторожившись, спросила Светлана.
- Ничего, не бери в голову. Просто устал, настроение не очень.
- Иди ужинать, все горячее.
- Спасибо, сейчас почту посмотрю и приду, – ответил я, запуская «ноут».
- Опять засядешь на весь вечер, – тихо сказала жена, но я расслышал.
- Нет, честное слово, я быстро.
- Да кто тебе поверит? – усмехнулась Света.

Да, бывает, засяду и все, хрен вытащишь. А в последнее время «подсел» на «коп по войне», так увлекаюсь, вообще ничего вокруг не замечаю.

Зовут меня Сергей. Мне тридцать два, служил, участвовал, привлекался, да, было дело. Сейчас у меня обычная жизнь, женился не так давно, полгода назад жена осчастливила рождением дочурки.

«У вас одно новое сообщение».

«Ну, опять «спама» накидали, что ли»? – открывая в очередной раз «почту», я не думал совершенно ни о чем.

«Опять надо чистить», – думал я, удаляя всякую хрень, рассылки постоянно заполняют «ящик».

«Виктор Юрьевич прислал новое сообщение», – гласила надпись.

«О, а это может быть любопытным», – я с интересом открыл присланный файл.

Полгода назад я написал на одном поисковом сайте просьбу – хотел узнать что-нибудь о судьбе деда, пропавшего во время Отечественной войны – вот и приходили разные ответы. Кто-то писал – поищите там, запросите здесь – никакой конкретики. Но один пользователь оказался очень серьезным – он высылал карты боев с точностью до недели, когда и где они проходили. Боев, в которых участвовала 235-я стрелковая дивизия – именно в ней воевал мой дед, когда от него пришло последнее письмо, скупой солдатский треугольник.

Виктор Юрьевич нашел данные, что в сентябре сорок первого года дивизия попала в кольцо окружения. Последнее письмо дед отправил домой в начале месяца, выходило так, что оно оказалось предсмертным. Виктор Юрьевич считал, что это место и было последним, где дед оставался живым. Поэтому, когда открывал письмо, то меня уже терзал интерес – что же еще он узнал? А текст был таким:

«Сергей, сообщаю, что работающий по соседству с нами поисковый отряд обнаружил в болотах, на местах окруженной 235 сд, которой вы интересовались, множество останков, многие с медальонами, готовится братское захоронение.

Совершенно точно могу сказать, что у них есть данные о рядовом Потемкине Иване Васильевиче, 1915 года рождения. Возможно, это – Ваш родственник. Свяжитесь со мной по телефону – сообщу, когда состоится захоронение, если Вам все еще интересно!»

– Черт возьми, конечно, интересно! И даже – более чем, – я даже заговорил вслух. Взяв в руки телефон и набрав номер из письма, стал ждать ответа. Ответили сразу:

– Слушаю!

– Виктор Юрьевич? Вас Сергей беспокоит. Вы мне письмо прислали, с информацией о родственнике.

– Понятно. Сергей, значит, вас интересует – где будет происходить мероприятие?

– Да, я бы хотел приехать, если это возможно.

– Конечно, возможно! Это будет правильно, – голос в трубке как будто повеселел.

– Я тоже так думаю. У нас в семье принято чтить своих предков.

– Это замечательная традиция, не многие отзываются. Вы ведь в Ярославской области живете? Не близко ехать, но – ничего страшного, – дальше он подробно описал, куда и как нужно добираться.

На карте навигатора я проложил маршрут – около семисот километров, нормально. Если не спеша, то часов за десять доеду.

Захоронение было назначено на воскресенье, у меня в запасе имелось два дня. Завтра собираюсь и часиков в десять вечера отчалию, как раз рано утром приеду.

Всю субботу я провел в сборах. Сообщил родне, куда еду. Особенно обрадовалась бабушка, родная сестра того человека, которого я еду проводить в последний путь. Собрал немного еды, воды, в навигаторе еще раз поколдовал над картой, проверил машину, заправил пару канистр – не люблю ехать «на авось», в незнакомую местность. Проверил запаску, насос. Вроде все в порядке. Жена и дочь помогали собираться. Хотел взять их с собой, но ребенок у меня совсем маленький – куда ее в такую даль тащить. Плотно поел и выехал из города, как и планировал – в 22–00.

Июль себя показывал во всей красе: почти до двенадцати светло, а уже в три – опять светло. Люблю ездить ночью. Дороги свободные, машина едет легко, благодаря свежему, ночному воздуху – благодать! Мой «Меган» легко глотал плохонький асфальт, слегка раскачиваясь на волнах. Легкий, не мешающий гул ветра был приятным попутчиком. Даже не заметил, как указатель топлива дошел до отметки в четверть бака. Значит, проехал уже больше половины. Сбросив скорость, съехал на обочину, затем свернул на грунтовку и на окраине леса, остановившись, долил бак «под пробку». Перекурил, размял ноги, посмотрел на часы – можно не торопиться, приеду к шести. И точно, в 5–50 въехал в нужный поселок, навигатор просигналил – конец пути.

Сразу обратил внимание на суетящихся везде людей, народу было много, несмотря на ранний час. Кругом стояли машины, в основном хорошо подготовленные к бездорожью УАЗы и «Нивы». Найдя свободное место, приткнул свой «Рено» и подошел к первому попавшемуся человеку, одетому в военный камуфляж.

– Здравствуйте, я приехал на захоронение родственника, к кому можно обратиться?

– А вон, – мужчина указал вытянутой рукой в сторону, – видите, человек «большой» такой, в камуфляже. Это старший из поисковиков, подойдите к нему.

– Спасибо, – я приблизился к указанному человеку, он и правда был внушительных габаритов.

– Здравствуйте, – обратился я, – подскажите, пожалуйста, где состоится захоронение солдат – у меня вроде как деда нашли.

Большой человек подробно рассказал и показал, куда мне идти, а затем и вовсе позвал за собой.

– Пойдемте, я провожу. Немногие приехали. Не захотели, ну, или не смогли, – пожал плечами поисковик.

– Да многие, наверное, и не знают о том, что у них были такие предки, – предположил я.
– Точно, – большой человек, представившийся Алексеем Борисовичем, пока шли по деревне, рассказывал, что удалось найти.

– Документы чудом сохранились – лежали в сейфе, а его, видимо, засыпало сразу. А ваш дед был рядом – он, майор и политрук. Вы писали, что он был при штабе связистом?

– Да, мне так сообщили, когда я просил узнать, где он вообще служил. Ему было 27 лет, он был не совсем здоров, видимо, потому в связисты и попал.

– Ну, личным связистом командира батальона обычно были хорошо знакомые бойцы – простого призывника комбат к себе не подпустит.

– Может, как-то сдружился с командиром?

– Скорей всего. Да и по возрасту он не молод был, на войне 25 – уже старый. А за тридцать – и вовсе дедушка. В таком возрасте уже при обозах были да связистами.

– Он и на войну попал со сборов. Ушел в мае на 45 суток, а тут война началась, дальше – не известно.

– В письмах обычно нельзя было писать – где находишься. Вот мы и пришли. Скоро начнут!

На большой поляне собирался народ, были и представители церкви, милиции, солдаты – видимо, из какой-то воинской части привезли. В один ряд были выставлены 15 красных гробов, вдоль них стоял караул с автоматами. Погибших было найдено около пятидесяти человек и, как и бывает в таких случаях, в одном гробу хоронят останки сразу нескольких человек.

Захоронение прошло красиво, воинам была отдана честь и слава. Были произведены выстрелы в воздух. Пришедший из ближайшей церкви батюшка помахал кадилом. Прочитал молитву. Затем была установлена мемориальная доска, на которой указаны имена всех, кого сегодня наконец захоронили. Потом все стали разъезжаться. Ко мне подошел Алексей Борисович и предложил идти за ним.

– Тут есть кое-какие предположения о том, как проходили события. И еще – если интересно, не хотите ли съездить на место, где обнаружили блиндаж, в котором находился ваш дед, перед тем как погиб?

– Конечно, хочу, что за вопрос, – загорелся я.

– Ну, тогда поехали. Оставьте вашу машину здесь – она там не проедет.

– Хорошо, едем, – кивнул я в ответ.

Мы петляли по лесу около получаса, по таким дебрям, что даже не описать. Какое, на хрен, «не проедет ваша машина», да мой «Меган» умрет в младенчестве уже на подъезде.

– Как хоть догадались залезть в такую глушь? – спросил я, в очередной раз приложившись головой о потолок машины.

– Все дело в одной старушке – живет тут недалеко – она рассказала приехавшим ребятам, что в этих местах были бои. Она была маленькой, но помнит, как долго выходили из окружения наши бойцы. Кто поодиночке, кто – небольшими группами. Лес раньше был далеко, а здесь были поля и болота. Вот мы и решили проверить. Только зашли в лес, а металлоискатель захлебнулся от звона. Парни копали всего десять минут, как нашли первого. После того, как откопали шестого, остановились – решили прикинуть, как линия обороны проходила. Подумали, походили, копнули рядом с большой воронкой, а там – блиндаж.

– Сколько же вы времени потратили? Такая работа! – восхитился я.

– Почти месяц безвылазно в яме, но зато – какой результат.

– И часто так? – я обалдел, когда оглядел место раскопа.

– Да бывает... Тут, сейчас, почти как в сорок первом – все траншеи отрыли, три блиндажа, ячейки.

– Немцы-то были? – спросил я.

– Мало, несколько человек. Видимо, тут артиллерией все перемешали, потом танками прошли – в одном месте кусок «гусянки» нашли. Так что, когда подошла пехота, обороняться здесь уже было некому. Да и своих они выносили, – рассказывал Алексей Борисович, – в сорок первом всех своих вытаскивали.

– Страшно все это. Сколько же еще в земле вот так лежит? – задумчиво проговорил я.

– Я шестой год плотно работаю, уже со счета сбился. Много еще. Нашим детям останется.

– Если они помнить будут, а то фиг его знает.

– Ну, все не забудут, точно. С нами уже наши дети работают, так они и продолжают.

– Можно тут походить немного? – я обвел глазами местность.

– Хотите представить, как было? Не получится – такое не представить и в страшном сне. Походите, только грязи много. И не трогайте ничего, мало ли всякого валяется! Всего-то никогда не откапаешь – кто знает, сколько тут чего было!

– Я просто похожу немного, в мыслях покопаюсь.

– Дорогу назад сами найдете? Я пойду к ребятам, дел-то еще здесь очень много.

Я кивнул, показывая, что справлюсь сам.

Алексей Борисович пошел в сторону палаток, в которых жили поисковики, а я огляделся.

Не знаю, о чем я думал, спрыгивая в бывший окоп. Приземлившись, увяз в глине чуть не по колено – пришлось сильно тряхнуть поочередно ногами, чтобы скинуть налипшее «тесто», иначе и ноги не переставить. Сделав пару шагов, споткнулся и все-таки рухнул в самую жижу.

«Ну да, этого и следовало ожидать! Ну, и за что это я зацепился?» – выругался я про себя.

Нога была в петле, точнее – в винтовочном ремне, торчавшем из грязи. Вставая, я неловко дернул ногой – вместе с ремнем выдернулся кусок глины, отдаленно похожий на винтовочный ствол.

«Во блин, и я чего-то нашел!» Ковырнув кусок глины, в который уходил второй конец ремня, я выдернул то, что когда-то было сумкой от противогаза и тут – оп-па! Чугунную чушку Ф-1 ни с чем не перепутаешь. Хоть она и была облеплена глиной, взяв ее в руки – ну а что еще оставалось – отметил, кажется, даже вслух, чеки-то – нет. Обернувшись, увидел на краю окопа двух парней – оба побелели, а я, наверное, вообще был зеленым. Парни стояли, не в силах что-либо сказать, я глянул быстро в другую сторону и успел крикнуть:

– Ложись...

Глава 2

Темно. Не тишина, значит – еще живой. Вроде ничего не болит, хотя я лежу – может, просто не понял еще. Надо как-то глаза открыть. Открыл – не больно, но темно. Ага! Значит, вот почему темно – что-то было на голове. Поднял руку – не больно, протянул к тому, что посчитал головой. Железо! Когда это я успел каску нацепить и, вообще, откуда она взялась-то? Блин, да что же так в ушах-то гремит? Сдвинул назад каску – перед глазами земля. А, так я в окопе, а где граната? Повернул голову – рядом кто-то лежит на боку. Неужели кого-то все же зацепило? Подполз – вставать почему-то боялся. Человек был одет во что-то толстое и длинное – пальто, что ли? Какое на хрен пальто – шинель! Откуда?

В голове – каша: блин, ну ладно – книги, кино – но так ведь не бывает. Так, как там говорилось? Кто-то долетался, а я похоже – домечтался. Неужели я – на войне, на ТОЙ войне? Блин, это в книгах хорошо – «попал» и пошел себе гансов «валить», да со Сталиным чаи гонять, а мне-то что делать? Да, вот это я попал, да еще, похоже, прямо во время боя. Думать некогда, надо осмотреться и принимать меры. Для начала – постараться выжить. Да это, вообще-то и есть основная задача и – самая трудная: если я попал в то место и время, где погибнет дед, то это – сентябрь 1941-го, и мне – амба! Так как, вся 235-я сд здесь и ляжет. В сентябре они попали в «котел», из которого уже не вышли. Изучал, когда деда искал, путь этой дивизии. Да и какой путь-то – по ней прокатились дивизия СС «Полицай» и восьмая танковая дивизия вермахта. Дальше продолжать?

Так, вроде потише немного стало, надо высунуться и осмотреться. Надо скорей одежду скидывать, а то объясняй потом – кто я и откуда. Стоп, а одежда-то не моя! Посмотрел на лежащего бойца – «есть контакт», – в желудке теперь пустота, только во рту помойка. Нет еще привычки к покойникам, тем более – лежащим по частям. Набрав воздуха в легкие, достал из кармана убитого бойца красноармейскую книжку, раскрыл. Сидоренко Сергей Васильевич, рядовой, 1923 года рождения.

– Может, и у меня документы есть? – сам себе прошептал я и похлопал руками по карманам.

– Нету ни хрена, никакой – даже самой плохонькой – справочки, – я размышлял вслух. Я в телогрейке – пусть так, прокатит наверное. Штаны-то тоже – местные.

Вроде комплекция та же, что и у меня. Но вот судя по ощущениям, я намного моложе. Лет двадцать, не больше.

– Братуха прости, так надо, – я, подхватив винтовку убитого, отошел в сторону. И почти сразу полетел от удара в лицо обратно, в ту же грязь.

– Ты что, сука, спрятаться решил? – на меня смотрел какой-то злобный карлик, в фуражке и с нашивками на рукавах. – Я тебя прямо здесь кончу, трус!

Я ничего не говорил, а только смотрел на дико вращавшего глазами пигмея. Ростом ниже меня, а я сам-то всего метр семьдесят, но пошире в плечах. Особист он, или политрук – хрен их разберешь, чего-то ждал. Я решил ответить хоть что-то.

– Да не прячусь я, оглушило сильно, пока очухался, тут и вы уже – по роже. Теперь вот совсем очухался. – Мой неуместный юмор был явно лишним. Я быстренько прикусил язык.

Он выхватил у меня из рук винтовку и махнул пистолетом в сторону.

– А ну вперед, урод, тут таких контуженых – каждый третий. Лапки задрали и к врагу.

– Вы же меня в окопе встретили.

– Я таких, как ты, насквозь вижу. Пошел вперед, говорю.

Ну чего тут говорить – видно, в книгах и фильмах не врал: особисты – это что-то! Раз не убили в бою, значит – предатель, логика железная. Или, просто мне такой «подарок» попался.

Выбравшись из траншеи, под редкими взглядами других бойцов побрел в сторону видневшегося блиндажа. Глядя вокруг, видел людей, которым суждено погибнуть. Как мне с таким знанием находиться рядом, но ничем не помочь? Ну, вот уж хрена лысого. Чем смогу – обязательно помогу. Да и навыки разные есть, даже поделиться есть чем. Не Рэмбо ни разу, но послужил свое, чуток поучаствовал. Да и просто – голова не для шапки.

Войдя в блиндаж, увидел командира и бойца с рацией. Командир о чем-то заговорил с «особистом» у меня за спиной. Я не слушал их – не мог оторвать глаз от радиста. Нет, я никогда не видел даже его фото, но был уверен – настолько он был похож на мою бабушку. Я чуть не вскрикнул.

– Потемкин, свободен, позову.

Радист поднялся из-за стола с рацией и вышел. Я хотел поглядеть ему вслед, но этот садюга «особист» сильно толкнул меня в спину пистолетом. Ребра отозвались болью.

– Полегче, товарищ политрук. Давай хоть спросим его – кто он такой.

– Чего его спрашивать – шпион, трус и предатель, – прошипел сзади мой истязатель.

– Ого, вот как? Ну, а зачем привел тогда? Ты кто? – это уже мне.

– Новиков. Доброволец я, из первого полка третьей дивизии народного ополчения. – Этот полк был в составе группировки наших войск, сражавшихся где-то рядом. Воспоминания были свежи.

– А как ты здесь оказался, вы ведь западнее стояли?

– Стояли. Соседи наши – 177-я дивизия – еще держится, а нас разбили. Выходили – кто как сможет. Рвануло что-то рядом – а тут товарищ политрук.

– Сколько лет тебе – выглядишь лет на двадцать? – командир со знаками различия капитана спрашивал спокойно, «особист» налил себе чай.

– Восемнадцать в октябре будет. Добровольцем взяли, не хотели сначала – мамка одна, а нас у нее четверо. Я – самый старший, отец – командир, но мы уже похоронку получили на него. Из дому я сбежал. Ходил по лесу, искал хоть кого-нибудь. Когда бомбежка началась, меня бойцы к себе в окоп и стянули. Патроны подавал, а как последнего убило, я его винтовку взял, но выстрелить ни разу не успел. Тут меня по роже и приложили.

– Да врёт он как сивый мерин – драпать собирался.

– Почему драпать? – я недоуменно смотрел на политрука. Чего он злой-то такой?

– Заткнись, курва! – Ну вот опять. Блин, он чего, вообще не знает других слов, только «лается» все время.

– Ты не кипятись, политрук, сам-то где был во время налета? – устало произнес капитан.

«Особист» аж в лице изменился:

– Как это «где»? Вместе со всеми, в окопах. – Глаза политрука бегали из стороны в сторону.

– Ну, так и он – в окопе, ведь так, боец? – Капитан перевел взгляд на меня.

– Так точно, товарищ капитан.

Капитан с некоторым удивлением посмотрел на меня и продолжил:

– Присягу принять успел?

– Да, неделю назад, – блин, я чего ляпнул-то, какое «Так точно»? Здесь еще так не говорят.

– Значит – в строй! – категорично заявил капитан, не обращая особого внимания на сказанную мной фразу.

– Так нельзя, еще проверить надо, – не унимался особист.

– Вот задачу выполним, тогда и проверяй – у меня каждый штык на счету, немец бьет, а тут ты им еще помогаешь. Все ясно, боец? – капитан вновь взглянул на меня.

– Да, разрешите выполнять?

– Ты в таком виде собрался воевать? – капитан придирчиво оглядел меня. – Потемкин, – в блиндаж заглянул мой дед.

– Отведи его к старшине, пусть подберет ему обмундирование, патроны и винтовку получишь позже. Кругом, шагом марш!

Я лихо развернулся и пошел к выходу, было слышно, что политрук еще что-то шепчет ротному, но тот шикнул в ответ. Дальше я уже не слышал – шел за своим дедом и поверить не мог, что я его вижу. Он выглядел солидно – чистая форма – в штабе сидит, понятно. Да, искал деда, а теперь меня найдут вместе с ним. Ни хрена не весело. Ладно, что уж теперь, будь, что будет. А капитан – МУЖИК! С политруком быстро утряс.

Старшиной оказался седой дядька лет сорока пяти, а может – и пятидесяти пяти, с огромными, как в это время говорили, «буденовскими» усами. Как-то недовольно посмотрев на меня и прищутив один глаз, сказал:

– Ну, чего приперся? – Серьезные тут люди, да и понятно – в такой жопе находятся.

– Иваныч, пополнение прибыло, – с ухмылкой произнес мой дед.

– Да какой от такого пополнения толк-то будет? – старшина окинул меня презрительным взглядом и махнул рукой.

– Ну, батя, может, и сгожусь. Тебя же к делу приставили, глядишь – и я осилю. – Я широко и приветливо улыбнулся.

– А борзый-то какой, – старшина посмотрел на деда и кивнул в мою сторону. – Никакого уважения к старшим. Под каким забором тебя нашли?

– Да не злись ты, батя! Шучу же, – я уже пожалел, что ляпнул сгоряча. Надо за речью следить. А еще лучше – вообще молчать.

– Смотри, дошутишься. Народ сейчас нервный, шуток не понимает.

Продолжать лаяться совершенно не хотелось, хотя старшина был еще тот фрукт, но, наверное, они сейчас все такие. Надо думать, как выкручиваться буду.

– Ваня, чего ему выдавать-то? – старшина посмотрел на деда.

– По-полной, только патронов и оружия не надо, пока, – заключил Иван.

– Иди сюда, вояка хренова. – Старшина скрылся в землянке, я нырнул за ним.

«Может, конечно, меня еще замордуют «кровавые» НКВДэшники, но пока все идет неплохо», – думал я, затягивая ремень и сгоняя складки.

Около землянки недовольного старшины меня поджидал Иван Васильевич, мой дед. Блин, в голове не укладывается. Я – на войне, встретил деда, можем погибнуть уже сегодня, а настроение фестивальное. С ума, что ли, схожу? Или уже сошел?

Через некоторое время было построение, политинформация. На построении огляделся: вокруг собрались усталые, с обреченным видом, не поднимающие голов люди. Политрук пел соловьем о том, как мы уже почти разгромили фашистов, как простой народ поднимает восстания в Европе. Короче, гнал так, как их и учили. Блин, а я думал, чего так долго отступали в сорок первом – так когда же было учиться воевать как нужно, если приходилось сидеть и слушать подобную ересь. Лучше бы учили бойцов стрелять точнее. Делая вид, что слушаю, я продолжал разглядывать людей. Это же надо, живыми увидеть наших героев. Без преувеличения. Люди выглядели по-разному: кто-то дымил самокруткой, кто-то просто сидел на земле, видимо, размышляя.

Меня одолела мысль: надо с ротным поговорить, наедине. Как тут это проверить – даже не представляю. Нет, кричать и трясти руками, что «все знаю» – я не собираюсь. Тот же политрук меня с удовольствием к стене прислонит. И тут, о чудо, как по заказу подошел Иван – я уже стал его так называть, ему 28, а мне, до того как оказался здесь, было 32. Иван, махнув рукой и подзывая меня, сообщил, что меня зовет капитан Афанасьев. Я быстро пошел за ним.

В землянке командир был один, я, увидев это, обрадовался.

– Красноармеец Новиков по вашему приказу прибыл.

– Вольно, боец. Как тебя по имени-то? – капитан прикурил самокрутку.

– Сергей я, – осторожно ответил я.

– Тезка, значит. Слушай сюда. Ты, когда лесом пробирался, видел кого-нибудь или что-нибудь? Немцев или наших? Чего-то соседей наших не слышать?

– Можно карту посмотреть, товарищ капитан? – осторожно спросил я.

– Ты умеешь работать с картой? Однако какие добровольцы у нас по домам сидят! – капитан хмыкнул.

– Да немного. А мы где? – спросил я и, склонившись над картой, увидел почти ту же картину, что видел в интернете, когда изучал путь дивизии деда.

– Мы вот тут, между тремя поселками: Каушта – на севере, Клетно – на юге и Мины – на северо-западе. С флангов соседи не отзываются. Перед нами фрицы: пехотная дивизия – с юга и танковая – с запада. Но в лоб нам они бить не будут – не очень удобная местность здесь.

– А здесь и не надо. Связи с другими частями нет? – я осекся, нельзя так умничать.

– Да с утра тишина, – махнул рукой капитан, не обращая внимания на мои слова.

– Товарищ капитан, разрешите предположить?

– Говори, – брови капитана поднялись, но кивнул он одобрительно.

– Когда я ползал по лесу, то слева канонада была громче. Думаю, гитлеровцы уже смяли левый фланг и теперь могут ударить нам сбоку или вообще – в тыл.

– Ну, это – если смогли смять, там силы хорошие, – недоверчиво проворчал ротный.

– Товарищ капитан, может, разведку послать, посмотреть – есть наши в районе Дивенского, – я глянул в карту, – на фланге, или уже нет. Если там немцы, то надо что-то делать. Может, отойти – тогда немцам опять нас с ходу не взять будет, – не мог же я прямо сказать, что наших там почти не осталось.

– Да нет у меня разведчиков – вчера не вернулись. Тебя, что ли, посылать? – устало отмахнулся ротный. В точку, я аж ухмыльнулся про себя.

– Готов выполнять. Я, конечно, не разведчик, но местность знакомая. Справлюсь, – только бы согласился, а уж я очень постараюсь принести данные о прорыве обороны. Ведь все помню, что изучал. Да и свои навыки вспомню. Хотя тут война идет, не ясли ни фига.

– Ты очумел, ты хоть винтовку заряжать умеешь? – вскинулся капитан.

– Я думаю – там тихо пройти надо и посмотреть, а не в войну играть, – пожал я плечами.

– Так-то оно так, но..., – капитан задумался, он ведь меня совсем не знает, если что, его политрук с дерьмом смешает, – выполнишь задание, я тебя этим, – капитан кивнул в сторону выхода, – не отдам, можешь поверить. Документы сделаем, пока твои не придут.

– Товарищ капитан, сделаю все, что смогу. А там, может, и особый отдел поверит, – ответил я.

– Одного не пушу – дам двух человек. Они местности не знают, пойдешь старшим. Далеко не ходи, 111-я стояла в трех километрах. Сейчас, – командир взглянул на часы, – шесть вечера, немцы, наверное, уже не полезут до утра. Вам нужно вернуться как можно быстрее – больше времени останется для решений!

– Все ясно, разрешите идти? – вытянулся я.

– Давай, осторожней. Оружие получил?

– Нет пока, политинформация же была, – улыбнулся я.

– Ясно, важнее ничего и быть не может. Потемкин!

– Слушаю, товарищ капитан, – вошедший в блиндаж Иван встал перед ротным.

– Ваня, проводи бойца – пусть дадут оружие, патроны. И позови мне Зимина.

– Разрешите просьбу, товарищ капитан? – решил я воспользоваться доверием ротного.

– Давай, – кивнул капитан.

– Нож и пару гранат, если есть, – сказал я и уставился на ротного – откажет, так откажет.
– Да есть вроде. Ты вроде сказал, что воевать не надо будет? Ладно, Ваня слышал?
– Слышал, разрешите выполнять?
– Выполняйте. Удачи вам, – капитан посмотрел на меня с такой надеждой, что мне захотелось бегом на задание бежать.

Я побрел за Потемкиным – за дедом. А к блиндажу подошли двое: один, перекинувшись с дедом парой слов, нырнул внутрь.

– Здравия желаю, товарищ капитан, – произнес красноармеец.

– Зимин? – поднял глаза на вошедшего бойца капитан Афанасьев.

– Красноармеец Зимин по вашему приказанию прибыл, – вскинул руку к пилотке боец. Парень был среднего роста, белобрысый и с голубыми глазами, «истинный ариец» – мечта фюрера. Шутка.

– Такое дело, Александр, идешь в разведку. С тобой Синицин? Он вроде толковый парень. С вами пойдет один боец, он – новенький. Парень неплохо знает местность, но ты, Зимин, будешь за ним приглядывать. Вернетесь – доложишь свои наблюдения. Все ясно?

– Разрешите выполнять? – снова вскинул руку Зимин.

– Вперед, и главное – дело сделайте, – капитан устало опустил на лавку.

Глава 3

Я решил замутить это дело для того, чтобы попытаться предотвратить полное окружение 235-й дивизии. Если удастся довести до капитана свои мысли. Конечно, дивизией-то не капитан Афанасьев командует, но хоть что-то сделаю. Так как я хорошо знал, что здесь произойдет, буду пытаться достучаться всеми правдами и неправдами. Карты-то изучал, было очень интересно, когда искал сведения по боевому пути деда, вообще множество карт боевых действий лежало даже в простой Википедии, в свободном доступе, эх вот бы знать, изучил бы более точно, хотя немало помню, не наизусть конечно, поверхностно, но все-таки.

Когда вернулся к командирскому блиндажу с оружием, увидел двух бойцов, оба стояли возле командирского блиндажа. Мне выдали настоящую, легендарную «мосинку», тяжелая, с... однако. Парни были вооружены как и я, только я еще ТТ выпросил. Самое смешное – дали. Быстренько познакомились с ребятами. Один, высокий и худой парень, звался Игорем Синицыным, рассказал, что воюет с первого дня. Угрюмый взгляд серых глаз из-под черных бровей говорил о том, что хлебнул парень – по уши. Второй был с меня ростом, но гораздо шире в плечах, назвался Александром Зиминим. Этот был полной противоположностью, улыбчивый, с открытым честным взглядом. Нравятся мне люди, смотрящие именно так, не лживо. Что касается меня, я вообще-то габаритами не вышел, но зато шустрый, блин, что понос.

– Парни, вам сказали, куда идем? – я взглянул в глаза каждому.

– В округе пошастать? – Игорь сделал неопределенный жест рукой.

– Точно, но по-тихому. Везде могут быть вражеские войска. У вас оружие пристреляно? – ляпнул, а сам подумал: «опять умничаю».

– Да, а фрицев здесь точно хватает, когда идем? – спросил Саня.

– Да уже идем, вы готовы? А то мне бы винтовку пристрелять, – я окинул их взглядом.

– Да, а винтарь у леса можешь попробовать. Все туда ходят, – почти хором ответили оба бойца.

– Тогда попрыгали и вперед, времени мало, – я подпрыгнул, а парни с удивлением смотрели на меня.

– А прыгать зачем? – с каким-то подозрением, что ли, спросил Синицын.

– Попрыгаем и послушаем, насколько километров вокруг нас слышно будет, – серьезно заявил я. Парни подтянули ремни, подпрыгнули. Сам сделал то же самое еще раз, норма.

– Мужики, каски оставьте, только лишний вес, а толку ноль, не в окопе сидеть. В ближнем бою не поможет. Гранаты взяли?

– По две штуки старшина выдал. – Ребята сложили свои каски рядом с моей, прямо у блиндажа.

– Надо же, не разорился? – с улыбкой спросил я.

– Да он нормальный у нас, только поворчать любит, – заметил Игорь, – с первого дня на фронте и в Финской участвовал.

Я понативно кивнул в ответ, и мы устремились к лесу. Дойдя до первых деревьев, увидели несколько человек в форме бойцов РККА, люди возвращались откуда-то.

– Вот, тоже стрелять ходили, вон там давай остановимся, – заметил Зимин.

Выпустив пять пуль, слегка охренев от отдачи и убедившись, что винтовка не кривая, я снова зарядил «ствол». Спустя пару минут мы продолжили свой путь. Пройдя около двухсот метров, направились вглубь, хотя лесок тут был не особенно густой. Пройдя пару километров, наткнулись на ручей, с виду вполне себе большой.

– Серега, смотри, а тут следы есть, – нарушил тишину Синицын.

– И много, за водой, что ли, кто ходил? – Саня прошел немного дальше. – «Серый», сюда подойди.

Приблизившись, я взглянул на землю. На траве явно кто-то недавно лежал, потом увидели кровь, ее было много. Даже не впиталась в землю. Слегка зашумело в голове. Трава, земля, кусты и ветки на елках были алыми, просто охренительно много крови. Странно, но трупов нигде не видно.

– Наверное, наши соседи отступали, но видимо, оторвались, или погони не было. Гильз стреляных нет, – предположил Игорь.

– Сань, пройди немного вперед, погляди, – махнул я в направлении кустов. Александр молча скользнул за ближайшие кусты, а я решил посмотреть с другой стороны.

– Игорь, сиди здесь, смотри в оба, я сейчас, – повернувшись к Синицыну, бросил я.

Игорь в ответ лишь кивнул и спрятался в кустах, а я двинул в сторону, противоположную той, куда ушел Саня Зимин. Пройдя всего метров сто пятьдесят, наткнулся на убитого красноармейца, парень лежал на боку, по виду умер совсем недавно. Оружия при нем не было. Документов тоже. Наверное, кровью истек. Походив еще немного, нашел еще одного и тоже обобранного. Только подумал, что надо возвращаться, как рядом раздался тихий хруст ветки, я мгновенно упал на землю, перекатился в сторону и замер. Хорошо, что мох подо мной, не слышно, как я тут ворочаюсь. Свои? Немцы? Хрен их знает, даже если свои, шмальнуть с перепугу могут и те, и другие. Я бы так и сделал, наверное.

Лежу. Даже дышать страшно, это ни фиги не кино. Если немцы, придется драться, возможно, убивать. Готов ли я? Рядом кто-то шел, причем не таясь. Ветки уже хрустели отчаянно. Так ходят, когда не боятся – как у себя дома. Чуть приподняв и повернув голову, увидел фрица, самого настоящего, в каске и с карабином в руках. Тот шел во весь рост и поглядывал по сторонам. Явно не один он здесь, раз так свободно гуляет. Убейте меня поленом по голове, немчура лес прочесывает, наверное, ищут недобитых, тех, кто смог уйти. Блин, ну я и вояка, винтарь-то оставил рядом с трупом. Осматривая убитого, положил рядом, а шум услышал, кувырнулся, а про винтовку и не вспомнил. Выговор мне, с занесением в грудную клетку. Пистолет вынимать не буду, все равно бесшумно затвор не передернуть.

Грохнувший где-то выстрел, вывел меня из ступора, о, вот еще один и еще. Кто-то стрелял, недалеко. Только бы парней не нашли.

Я медленно посмотрел по сторонам, затем на немца. Тот стоял напрягшись, прислушивался, вытянув шею и направив карабин в сторону выстрелов. Его широкая спина требовала от меня действий. Хрен ли я жду, сам-то он не застрелится. Ладно, Новиков, хватит валяться, рано или поздно это все равно бы меня зацепило. На войне не отсидишься. Рано или поздно, но придется и самому убивать. Начнешь думать – самого завалят, вот так. А хрен вам во всю спину, уж одного, но завалю, а больше я пока и не вижу. А надо бы поглядеть.

Медленно, кажется, даже не дыша, я вытянул нож из-за голенища сапога. Присел, приподнял руку с ножом на уровень плеча и, выдохнув, рванул вперед. Хоть это и солдат, но все же он человек, а с человеком справлюсь. Мысли пронеслись вихрем. До немца было всего метров пять, но я пролетел их за секунду. Фашист услышал меня и резко повернулся. Но я, даже не успев испугаться или задуматься, всадил немцу финку прямо в грудь. Фашист хлопнул глазами, успел, даже не вскрикнуть – глухо простонал, а я надавил на нож со всей пролетарской ненавистью. Треснула ткань одежды, лезвие вошло по самую рукоятку. Фриц ловил ртом воздух, но, сука, не умирал. Глаза, бешено выпучившись, с ужасом смотрели прямо на меня.

Мне как-то приятель, опер, объяснял, почему те, кто убивает ножом, наносят множество ударов. Оказалось, обычный страх, бьешь, а человек не умирает. Сложно это, вот так просто убить человека, а ножом тем более. Есть, конечно, такие места на теле, куда и одного удара хватит, но для этого нужны тренировки.

Наконец из горла немца донесся булькающий звук, и он начал заваливаться прямо на меня. С силой потянув нож обратно правой рукой, левой стал толкать раненого в грудь. Кровь брызнула из раны на руки. Фашист рухнул на землю, звякнув тубусом противогаза о землю. Не

успел я осмотреться, как меня опять мучительно вырвало. Очень тяжело убить человека. Даже врага. Бляха муха, как же мне противно-то, но надо сваливать. Вытер руки сначала о мох, а затем о немецкий френчик. Задавив новый порыв рвоты, я быстро обшмонал труп. Разжился двумя «колотушками» и снял ножны со штыком. Патроны к карабину были в подсумках на ремне, пришлось перерезать ремень, документы ганса я обнаружил в кармане на груди и, подхватив его карабин, ушел к ручью. Ранца у фашиста не было, наверное, где-то недалеко они расположились. На ходу сунул все взятое в сидор, все, кроме гранат. Стрельбы кстати, давно не слышать, интересно, парни живы?

У ручья никого не было, блин, да где вы есть-то? Пошел медленно по следам, как вдруг откуда-то меня тихо позвали.

– Саня, ты? – ответил я, узнав голос Зимина. Остановившись, стал осматриваться по сторонам.

– Игоря взяли, увели с собой, – спустя пару минут рассказывал Саня. – Я нарвался там, одного подстрелил и спрятался. Немцы чес устроили, наверное, прямо на Синицына и вышли...

– Ты сам видел? – спросил я.

– Да, испугался он, похоже, даже стрелять не стал, они его сначала втроем ногами пинали. Потом связали. Своего дохлого тоже забрали.

– Так их только трое? Или ты больше не видел, – я удивленно вскинул бровь.

– Думаю трое, там дальше дорога, на ней два мотоцикла. По двое на каждый, так думаю.

– Больше их, но вот, сколько точно? – я задумался.

– Да с чего ты взял? – недоверчиво посмотрел на меня Зимин. Я рассказал ему, как снял одного.

– Ну, значит пятеро, – подвел итог Саня.

– Скорее шесть, один, наверное, у мотоцикла оставался.

– Вот черт, а может и так, – Саня почесал затылок, сдвинув пилотку на глаза.

– Куда они пошли? – я взглянул на товарища.

Александр встал, махнул мне рукой и, показывая направление, пошел вперед. Не дойдя до дороги, мы услышали немецкую речь. Посмотрев в сторону, откуда слышался разговор, я увидел два байка на дороге и четырех стоящих возле них фрицев. Игорь лежал на земле и корчился от боли.

– Говорят, надо вызвать подкрепление и прочесать лес, – прошептал мне на ухо Зимин.

– Ты чего, немчуру понимаешь? – я удивленно вытаращил глаза на парня.

– Да немного, мама учителем немецкого языка в школе была, – так же тихо ответил Саня.

– Молодец у тебя мама, нельзя немцам дать уехать, «друзей» приведут. А так мы выясним все, что нам надо.

– А чего мы можем сделать? – несколько растерянно спросил Зимин.

– Ты как стреляешь, Саня? – в свою очередь спросил я.

– С такого расстояния и слепой попадет! Тут же метров пятьдесят всего, только вот, много их.

– Отлично, – не обращая внимания на сомнения Зимина, я уже просчитал, как нужно действовать, – бери пулеметчика, а то он уже в коляске сидит, не попадешь – нам край.

– Хорошо, ты сам выбирай, – произнес Саня, беря свою «мосинку» на изготовку.

– Не волнуйся! – коротко бросил я и добавил: – Хорошо, что каски они сняли.

Я отполз на пару метров правее и прицелился из немецкого карабина. Патроны я проверил ранее. В работоспособности карабина я даже не сомневался, у немца же взял. У этих порядок, прежде всего. А ничего так, ухватистый ствол. Поймав голову одного из фрицев, стоящего ко мне спиной, выбрал свободный ход спускового крючка. Расстояние очень маленькое,

промахнуться будет трудно, но, все-таки подумав, в голову решил не стрелять. Оружие для меня неизвестное, как оно пристрелено – загадка.

Гулко хлопнули два выстрела. «Мой» фриц кулем осел на землю, а пулеметчик, в которого стрелял Зимин, откинулся на спинку люльки. Оставшиеся фрицы тут же упали и открыли ответный огонь. Хорошо, что сразу вывели пулемет, а у того, что я свалил, был МР-40. Вдруг с дороги вскочил Игорь и рванул в сторону, один фашист поднялся на колено, но выстрелить не успел, я целился как раз в его сторону, получилось как в игре, только отдача реально отбила плечо. Саня тем временем что-то выкрикнул на немецком, из-за мотоцикла показалась голова и пустые руки фрица, который что-то кричал в ответ. Игорь подбежал к нему, уже с немецкой винтовкой в руках и принялся его месить. Мы поспешили его остановить, еще бы чуток и фрицу кирдык. Озверел Игорек малехо.

– Твою дивизию, Синицын, отстань от немца, – орал я.

– Эта гнида меня ногами пинала больше всех, убью суку! – Игорь рвался, надо срочно успокоить его.

– Я чего сказал, быстро. Собрать оружие, осмотреть мотоциклы, грузимся и сваливаем. И так пошумели, бля, что теперь не до разведки.

– А куда едем-то? – спросил Саня.

– Возвращаемся, не хрен тут больше делать. Обстановку более или менее и этот хлопчик нам поведает. Грузите его, связали хоть? Молодцы. – Парни действительно уже успели упаковать фрица.

– Серег, а мне чего теперь, трибунал? – спросил Игорь, когда мы уже подъезжали к расположению.

– Это с какого перепуга? – я как-то не въехал даже, о чем он говорит.

– Ну, я ведь сдался, струсил. Политрук говорил, что красноармейцы не сдаются.

– Это тебе политрук сказал? – скривился я.

– Ну, а как же, ведь сдался же? – Игорь отвел глаза.

– Мы провели операцию по захвату языка, ты отвлекал немцев, мы выполнили захват. Все так и было Саня? – я взглянул на Зимина в надежде на его сообразительность.

– Так и было! – мотнул головой Зимин.

– И ничего другого, ты все понял? – это я уже Синицыну.

– Да, ребята. Такого больше не повторится? Лучше пулю получить, – уверенно произнес Синицын.

– А вот это глупо, – прервал я, – пулю и дурак выпросит, а кто воевать будет? Немец полстраны подмял, кто его назад гнать будет. Если мы все ляжем, здесь могильник будет, а не наша родина. Думайте, парни.

Мы подъехали к позициям нашей дивизии и были остановлены солдатами, которые от неожиданности нас чуть в расход не списали. Но все утряслось, вызвали нашего ротного, а когда он примчался, нас потащили в штаб дивизии.

В поселке царил уныние, сидевшие тут и там бойцы пытались заниматься кто чем. Где-то слышались негромкие звуки гармонии, тоскливые и скребущие душу. И я прекрасно понимал, почему.

В блиндаже нас встретил комдив и, конечно, представитель особого отдела. Мрачные командиры выслушали краткий отчет о наших похождениях и отправили меня писать рапорт. А вот парней попросили задержаться.

– Докладывайте, красноармеец Зимин.

– В лесу, рядом с бывшими позициями наших соседей, напоролись на немецкий патруль. Фашисты были на двух мотоциклах, всего шесть солдат. Вынуждены были открыть огонь. После короткой перестрелки, пятеро врагов было уничтожено, один захвачен в плен и доставлен в расположение дивизии.

– Что по моей просьбе? – дождавшись паузы, спросил Афанасьев.

– Красноармеец Новиков в бою показал себя хорошо. Не растерявшись, подкараулил и тихо снял одного немца, убил ножом. Грамотно спланировал нападение на патруль, в результате был захвачен язык.

– Ничего странного за ним не заметил? – а это уже кое-кто постарше звездами.

– Знает много. Говорит чудно. Когда раздавал указания, я даже подумал, что передо мной – командир. В смысле, минимум лейтенант. Отлично стреляет, умеет выбирать позицию. Верно распределил цели по важности. Как я уже сказал – соображает очень быстро и четко.

– Вот как! – удивленно воскликнул комдив. – Хорошо бойцы, можете идти. Подробнее укажите в отчетах.

– Зимин и Сеницын, дружно развернулись и вышли.

– Вот про это я и говорил, – прозвучало за спиной парней.

Глава 4

Часа два нас не трогали, я даже поспал часок и поел, а то в желудке давно ничего не было. Ведь чуть не обделался, когда немца резал. Хотя, что уж там, блеванул знатно. Вот, опять подошло, как вспомнил. Блин, надо отвлечься. Разобрал трофейный немецкий карабин, вычистил, из своей-то винтовки я почти и не стрелял. Хотя надо и ее почистить. Хорошая вещь, этот немецкий штуцер, и полегче, и поухватистей нашей «мосинки», да и отдача приемлема. «Мося» уж больно лягается, мощи слишком много. А тут – в самый раз.

– Новиков, к командиру! – раздалось рядом. С призывом так, властно. Сразу захотелось бежать и выполнять. Я вскочил, поправил гимнастерку, надел пилотку и вылез из землянки.

– Давай, дуй быстрее, комдив злой как черт. – У входа стоял красноармеец с винтовкой.

– Во, блин, попал, а чего я сделал-то? – выпучив глаза, проговорил я.

– Да они немца как допросили, так и орут уже третий час.

Посыльный оказался разговорчивым парнем, рассказал, что мне бояться нечего, командиры что-то придумали, он краем уха слышал. Блин, я теперь каждого окрика или взгляда опасаюсь.

– Во дела, там же целый майор госбезопасности сидит, сейчас прицепятся...

– Да нужно ему больно, – оборвал меня посыльный, – он, кстати, нормальный мужик, в отличие от нашего политрука. Но не выдавай меня! – парень осекся и испуганно посмотрел на меня.

– Да мы с тобой и не разговаривали.

– Вот и я об этом.

Подойдя к блиндажу комдива, собрал складки на спине и вошел.

– Товарищ комдив, красноармеец Новиков по вашему приказанию прибыл, – четко отпартовал я и, вытянувшись в струну, уставился перед собой.

– Молодец Новиков. Капитан, а ты говоришь у тебя разведки нет, а это кто? – Ротный тоже был здесь и стоял навтыжку. Комдив мне почему-то сразу понравился. Было в нем что-то располагающее к себе. Простой, с намечающейся лысиной, еще вполне себе молодой.

– Боец третьей роты, из полка народного ополчения, товарищ генерал-майор.

– Зачислите его к себе. Ведь от их полка никого и нет уже. Выдайте петлицы, приказ сейчас подпишу. Пусть отделение под свое крыло берет и воюет.

– Есть, товарищ генерал, младшего? – уточняя, чуть растерянно спросил Афанасьев.

– По-моему, полноценный сержант, – подмигнув мне, ответил генерал. А я ошалело вылупил на него. – Для такого бойца можно и перескочить.

– Есть, присвоить сержанта, я и сам хотел просить, – смутившись, добавил капитан.

– Так, с церемониями потом. Смотри сюда, сержант. Вот здесь мы, – генерал ткнул карандашом в карту, и я, склонившись, посмотрел. Вот это завертелось, только что политрук расстрелять хотел, а сейчас с комдивом лоб в лоб над картой стоим.

– Здесь и здесь, по сведениям вашего языка, немчура собралась. Надо бы узнать, что у нас с правым флангом. Если мы развернемся, то тыл у нас должен быть чист.

– Товарищ комдив, там мост как раз, я думаю, что там уже фрицы. – И куда я лезу-то? – Мы слышали, как два фашиста разговаривали, где-то здесь должна пройти дивизия СС, а там не такие вояки. Мост они в первую очередь возьмут.

– Ты сам слышал? – уставился на меня комдив, вперив в меня орлиный взгляд.

– Ну, – протянул я, – мне Зимин перевел, он расслышал, что скоро их пехтуру придадут эсэсовцам. Я просто вывод сделал.

– Тем более, надо скорее проверить, если это так, нам нужно немедленно действовать. Не выстоим мы и получаса, у них по сотне танков в дивизиях, а у нас всего десяток остался и

снарядов почти нет. Придется северо-восточней отходить, немцы уже в Новинке, вот здесь, – он показал на карте, – в Сусанино наши развернуться должны.

– Может, уже готовиться? – произнес капитан Афанасьев.

Как бы ему объяснить, чтобы не заподозрил, что я УЖЕ знаю, ЧТО тут будет. Ведь нас сейчас обходят и не сегодня – так завтра, мы в мешке будем.

– Товарищ комдив, пока туда-сюда, не успеют войска отойти, – тихо проговорил я.

– Ты сержант не забывайся, – сказал он строго, но без эмоций. – Просто так никто не отступит, Родина нам не простит. Стоять нужно твердо и любой ценой громить врага.

– Родина простит и поймет, когда мы уцелеем и врага разобьем, – пробурчал я под нос.

– Вот ты и сделай так, чтобы мы все успели! – все же услышав меня, отрезал комдив. Генерал был непреклонен, да и как я могу послушаться.

– У меня – приказ, обороняться здесь, мы прикрываем отход других частей, наша дивизия, вместе с 24-й танковой, 177-й стрелковой и остатками полков народного ополчения, отходит в последнюю очередь. Чем быстрее ты мне принесешь данные, тем быстрее мы свяжемся с командованием корпуса, – все-таки пояснил командующий, хотя и не должен был.

– Разрешите выполнять?

– Вперед, сержант, и возвращайся скорее, – одобрительно кивнул комдив. Я был сильно удивлен такой откровенностью командиров. Думал тут наоборот – молчат все как партизаны, а мне полный расклад дали.

Я развернулся и вышел, надо людей собирать. Как-то все-таки странно все это. Не успел осмотреться, как мало того, что сразу в бой, так еще и в разведку, и звание уже присвоили. Быстренько я взлетаю, как бы ни упасть еще быстрее.

Мне дали отделение, в котором были уже знакомые два бойца, Синицын и Зимин. Оказывается, у них сержанта убило, ну мне и дали их отделение. Ребята обрадовались, когда узнали, что я теперь с ними, а когда мне дедушка, тьфу ты черт, все не привыкну, Иван Потемкин, принес новые петлицы, обалдели.

– Ты, Серега, у нас командиром стал, что ли? – Саня аж присвистнул.

– Да, вопросы потом, быстро построились, давайте. Дело есть. – Парни не стали перечить или возмущаться. Быстро выстроились в шеренгу и приготовились слушать.

– Такое же, как и прошлое? – поинтересовался Зимин.

– Хуже и страшнее. А если серьезно, то от нас зависит, ляжет дивизия здесь или мы еще подергаемся, – я решил не шутить и сделался максимально серьезным.

– Даже так? – ребята переглянулись.

– Именно так. Немцы гонят большие силы на нас. Пехотная дивизия с одной стороны, да еще и танковая с другой, их голой жопой не остановишь. Раздавят, не поморщатся.

– И чего нам делать-то?

– Затариваемся под завязку, как в последний раз. Я выпрошу сейчас пулемет трофейный, да один и так должен быть, по штату. Гранат побольше, шинели на хрен, все лишнее выбросить, жратвы немного, боеприпасы главное. Хотите жить – берите больше.

– Я тогда соберу ребят, пока ты трофей клянчишь.

– Давай, Саня. Собирайтесь, через двадцать минут выходим.

Трофейный пулемет нам, конечно, не дали. Хорошо еще был в отделении штатный пулеметчик с ДП – хоть что-то. Свою «мосинку» и немецкий карабин приказали сдать, вежливо так отняли. Дали ППШ, прям, мечтал о нем. Парни еще завистливо загомонили, а я сказал им, что посмотрю, как они завидовать будут, когда я его перезаряжать буду. Там надо немцам взятку давать, чтобы дали время на перезарядку. Ладно еще старшину уговорил дать два пустых диска, в придачу. Сначала долго подбирал подходящие, потом еще минут десять снаряжал, старшина подсказал, не заряжать полностью, а то патрон перекосит в самый «нужный» момент. Взрывчатки тоже не дали, нет.

Вышли через час, но в принципе нормально, зато успели собраться и поесть как следует. Шли как караван верблюдов. Некоторые ворчали, но не ругались. Парни все уже повоевали, знали, что оружия много не бывает. Через два часа вышли к мосту, точнее, остановились метров за триста. Естественно, он был уже захвачен. Фрицы службу тащили на совесть, два пулеметных гнезда, БТР, тоже с пулеметом, даже зенитку притащили. Хорошо хоть танков нет. И чего они тут таким табором?

– Серега, я пойду, посмотрю, посчитаю их.

– Не сейчас Саня. Надо парней посмотреть, кто у нас потолковей?

– Вон Мурата возьми, он стреляет хорошо и ходит очень тихо.

– Казах, что ли? – я с сомнением глянул на невысокого бойца с раскосыми глазами. Хрен его поймешь, сразу ведь не разберешься в человеке.

– Ага, толковый парень.

– Игоря возьму еще, и хватит.

– Может, другого кого? – теперь уже засомневался Зимин и посмотрел в сторону Синицина.

– Забыли, не помнишь, что ли? Не было ничего, – зло шикнул я.

– Как знаешь, тебе виднее.

– Позови их, – прекращая этот разговор, попросил я.

Зимин позвал двух бойцов, я объяснил, что от них требуется. Казах был маленького роста, шустрый, самое то в разведку.

– Мурат, ты по-русски понимаешь?

– Лучше тебя! – фыркнул с вызовом тот, на прекрасном и чистом русском языке. В уголках его щелок-глаз играла хитринка.

– Ну ладно, не обижайся, я не со зла. Просто, чтобы непонятки не вышли, – я поспешил сгладить обстановку, не хватало еще в таком выходе разозлиться.

– Чего не вышло? – раскрыл свои узкие глаза Мурат.

– А говорил, понимает, – Саня заржал.

– Тихо ты, конь. Я имел в виду, чтобы понимали все, всё и сразу, ясно? – выругался я на Зимина, хотя сам еле сдерживал смех. Ну, не говорят здесь так. Не захламили еще наш великий и могучий язык.

– Ясно, – тихо сказали парни.

– Остальным – рассредоточиться. Замаскироваться, как следует, и тихо ждать. Если мы не вернемся, а вы услышите стрельбу – к мосту не соваться, идете обратно, Зимин – старший, скажите, что все погибли. Все – поскакали.

О как меня распирает, приказываю так, как будто всю жизнь минимум взводом командовал.

От леса до моста было метров пятьдесят. Ближе не подойти.

– Командир, надо дальше пройти, там у реки поворот, проскочим к воде тихо, а потом по берегу, они и не увидят. Берег высокий, а на том берегу никого. – Мурата я уже уважаю, дельно придумал.

– Молодец, Мурат, так и сделаем. Пошли.

Речушка Оредеж изгибалась, как «бык пописал», и у нас получилось подойти к реке скрытно. На той стороне и, правда, было тихо. Берег реки с нашей стороны, высокий и обрывистый, удалось скрытно дойти до самого моста. Аккуратно выглянув с одной стороны, я начал считать фашистов. Пройдя под мостом, Игорь занялся тем же с другой стороны. Вышло два десятка. Трое у зенитки, по два у каждого пулемета. В БТРе пулеметчик и водила, видно было дым от сигареты на месте водителя. Двое стояли на мосту, и еще семеро нагребали землю и песок в мешки. Видать, основательно встают здесь. Готовят укрепления, а это значит, что танки еще не прошли, на фиг бы им мост тогда охранять и возню тут устраивать. Если танки

пройдут и ударят в тыл нашей дивизии, тут на пятьдесят, а то и сто километров вокруг не будет больше никого. Следовательно, бояться им будет нечего. А раз так, мост нужно уничтожить к «бененой» маме.

– Мурат, вернись к нашим, пусть Зимин начинает. Сначала пусть пулеметом причешут этих земледельцев. Остальные бойцы пусть стреляют прицельно, скажи, от того, сколько они положат первым залпом, зависят наши жизни, все понял?

– Так точно, я пошел? – Мурат вопросительно взглянул на меня.

– Да и пусть дадут тебе минут десять, ты сюда вернись. Поможешь. Передай, один залп и пусть внимательно смотрят. Мы здесь работать будем, чтоб нас случайно не покосили.

– Все ясно, – Мурат ушел.

– Ну что, Игорек, дадим фрицам по башкам?

– Дадим. Ты, командир, не думай, я не подведу.

– А я и не думаю. Подведешь, пристрелю! – без всякой злобы ответил я.

– Договорились, – сказал Игорь.

Через пять минут вернулся Мурат.

– Сейчас начнут.

– Мурат, я с этой стороны пойду, вы под мост и выходите с той стороны, только раньше не вылезайте, а то от своих прилетит.

– Ясно!

– На исходную, марш. – Сам вынул две гранаты. – Сейчас посмотрим, так ли страшны эти черти, – добавил я уже сам себе.

Вроде ждал начала, но треснувшая очередь из «дегтяря» заставила вздрогнуть. Даже не столько выстрелы, сколько лязг затвора режет слух. Вторая очередь, третья. Залп из винтовок, фрицы стали нестройно отвечать. Выдернул кольцо и бросил навесом гранату в сторону немцев, через секунду туда же полетела вторая. Грохнуло, по другую сторону моста раздалось два выстрела. Это уже мои, вскочил и стал вскарабкиваться на берег. Выглянув на мгновение, заметил, что Мурат с Игорем лежат и стреляют в сторону противника. На мосту два трупа, еще лежат несколько у дороги, осколками досталось, наверное. Дал очередь в сторону зенитки, расчет залег и стал стрелять в мою сторону. Краем глаза вижу, как кто-то кидает гранату, взрыв, зенитчиков больше нет.

– Ложись, дурень, – Игорь стоял во весь рост. Стреляю длинной, патронов на двадцать сразу, очередью в сторону БТРа, оттуда еще слышатся выстрелы в направлении леса. В ответ опять залязгал «дегтярь».

– Не высовываться, – пригибаясь к земле, делаю несколько быстрых шагов к БТРу.

– Н-на! – выдернув кольцо, кидаю гранату немецкому пулеметчику, тот в азарте даже голову не повернул, бахнуло. Вот почему наши из леса стали стрелять, по ним пулемет начал молотить. Огляделся, тихо.

– Чисто, Мурат, у вас как?

– Нет никого. Одни мертвяки, – со стороны леса уже шли наши. Зимин подскочил ко мне.

– Серег, все, у нас один убит и один ранен, легко.

– Как это? Вы чего там, во весь рост стояли? – я аж крякнул от удивления.

– Думали, что всех положили, только встали, а тут этот пулеметчик долбаный вылез, ну и...

– Блин, ну почему все через жопу-то? Так, быстро осмотреть трупы, если есть легкораненные – перевязать, руки связать веревками. Тяжелых – добить.

– Мурат, Игорь, вы собираете оружие, боеприпасы, особенно гранаты. Кто понимает в технике, осмотреть БТР, мотоциклы, – сам я пошел к зенитке. – Да, в БТРе прибраться надо.

– Серег, тут живой, чего с ним делать-то?

– Сань, а ну спроси его, чего они тут целым колхозом стояли?

Зимин что-то спросил у фрица, тот быстро лепетал в ответ.

– Говорит, что эти на БТРе, ждали какого-то майора, Ругге, что ли? Он куда-то дальше должен ехать. Скоро будет.

– Так, слушать всем. Планы меняются, – снять одежду с фрицев, ту, что почище. Скинуть трупы с обрыва и ко мне. Мурат, иди сюда – поможешь.

Когда казах подошел, мы с ним бросились к зенитке. Только успели ее развернуть в сторону моста и проверить заряжена ли, как прибежали парни. Раненого нашего оттащили в БТР, предварительно выкинув из него ошметки пулеметчика.

– Одеваемся, живо. – Мы быстро переоделись, нужны были в принципе только двое полностью одетые по форме, остальным хватило и кителей.

– Саня и ты, боец, – я ткнул пальцем в сторону одного бойца, – давай к мосту, будете за патруль. «Здоровый», возьми кого-нибудь и дуй к немецкому пулемету, – обратился я к нашему огромному пулеметчику. Мурат, мы на зенитку.

– Смотри, кто-то корячится? – Зимин вытянул руку в сторону, указывая на противоположный берег. Я повернул голову, на той стороне реки показались два мотоцикла и легковушка «Опель».

– Всем внимание, Саня, останавливаешь, дальше мы.

Парни у пулемета должны будут срезать мотоциклистов, а мы с Муратом наведем ствол зенитки на легковушку. Когда Саня махнул рукой и показал куда встать – ну чистый гаишник, только палки полосатой не хватает, – первый «байкер» проехал вперед и остановился, за ним пристроился «Опель», второй «байк» замкнул кавалькаду. Из открытого окна «Опеля» кто-то нетерпеливо и надменно выкрикнул, подзывая часового, и Саня, встав смирно, что-то бодро прогавкал в ответ. Высунулась рука с документами, Александр взял их в руки и поднял автомат.

– Валим их! – крикнул я пулеметчикам.

Прогремел МГ, Зимин выстрелил в водилу машины и перекатом ушел с линии огня. Второй наш боец тоже пригнулся, из легковушки пару раз выстрелил пистолет, но, видя наведенную на машину зенитку, бросил его в окно. Мурат очень быстро навел зенитку – веский аргумент.

– Саня, вытаскивай его! – Я уже бежал к ним.

Зимин вскочил и открыл дверь. Оттуда, весь сияя крестами и наглаженной формой, появился какой-то хрен и давай орать.

– Серег, он мне сдаться предлагает, жизнь обещает, – после небольшой дискуссии доложил Зимин.

– Это кто же нас в плен-то брать хочет, тот, что сам только что попался и стоит с поднятыми лапками? – усмехнулся я.

– Чего-то мелет, что нам всем уже конец и вообще мы свиньи.

– Ага, смелый, а для него все только начинается. Все мужики, хватит трепаться, вяжи его и в машину. Остальным собрать оружие, кидайте все в «Ганомат». Мотоциклы и трупы с обрыва. Мурат, ну а мы с тобой – фугас делать. Надо мост уничтожить, берег тут высокий, танкам так просто не переправиться. Хоть еще немного времени выиграем.

Закладку сделали из снарядов для зенитки, обложив их взрывчаткой, найденной в БТРе. Хорошо, что в кабине лежала и не взорвалась от гранаты в кузове. Саму зенитку тоже заминировали взрывчаткой. Когда все были готовы, отъехали метров на сто, а Мурат, с канистрой бензина, облил и поджег мост. Деревянный мост, горел замечательно, а когда дошло до взрывчатки, рвануло. Красиво, полностью обрушить, конечно, не получилось, но часть рухнула, остальное весело горело. Теперь немцам потрудиться придется, чтобы восстановить этот мост. А на это уйдет драгоценное время. Казах догнал нас, залез в БТР, и мы припустили во весь опор.

Посоветовавшись, приняли решение возвращаться. Дальше ходить не было нужды, кое-какие карты, а главное сведения и от майора получил. Второй раз мне уже «фартит».

Приехали в расположение уже в темноте. На трофейном БТРе мы произвели фурор. Люди привыкли уже, что их постоянно бьют, а захваченный трофей стал показателем, что и фрицев бить можно. Трогать сразу нас не стали, командиры очень обрадовались пленному. Майора утащили в штаб к комдиву, а мы рухнули спать.

Разбудили нас общим подъемом через два часа. Я еле-еле продрал глаза. Начальство требовало общий сбор. Остатки дивизии решено было срочно отодвинуть глубже в тыл. Наверное, немец чего-то нашептал. Потому что, отходили мы километров на десять и должны соединиться с мехкорпусом, встать у него на левом фланге. Это все мне рассказал командир роты, нормальный мужик, не зря он мне сразу понравился.

– И как прибудем, на доклад – к комдиву Лебедеву. Уж очень он послушать хочет.

– Ну, раз хочет, то конечно, – пожал плечами я.

– Молодцы, что погибшего увезли.

– Так на машинах возвращались, чего ж его бросать. А так хоть похоронили парня по-человечески. Сколько так осталось лежать и еще останется.

А останется много. Причем, охренеть можно, как много.

Глава 5

Дошли спокойно, отступить, не наступать. Один раз только в стороне самолеты пролетали – немецкие, конечно. Когда пришел приказ остановиться и занимать оборону, я отправился искать штаб. Остановились мы в какой-то деревне, местных почти не было, только парочка старух. По пути меня нашел сержант, порученец комдива, довел до деревянного дома, в котором расположился штаб дивизии, думаю, что ненадолго. Сержант вошел в дом и спустя несколько секунд вернулся, позвал меня.

Зайдя в дом, я поморщился от обилия звезд, ромбов и лампасов. Как на параде.

– Проходи, боец, – сделал приглашающий жест комдив.

– Товарищ комдив, красноармеец Новиков по вашему приказанию прибыл.

– Вольно, а почему красноармеец, я, кажется, подписал приказ о присвоении звания.

– Видно, в беготне не успели, товарищ генерал. Есть и поважней дела.

– На награды всегда должно быть время. Но, к сожалению, ты прав, сержант. Дел действительно много. Как показал захваченный вами майор, у немцев на нас такие силы собраны, что не расслабишься. Вы его с такой хорошей картой взяли, аж загляденье. Они идут прямым ходом на Ленинград, и войск у них, действительно много. Расскажи, как все прошло, немец уж больно обалдевший был от вашей наглости.

– Да ничего особенного, просто вежливо предложили проехать с нами, побеседовать.

– Ага, он аж захлебывался от возмущения. Они-то думали, что кругом свои войска, а мы – где-то в районе Гатчины. А тут вон как вышло.

– Ну, пусть они так всегда думают, нам проще, товарищ генерал, – высказался я и коротко обрисовал всю нашу вылазку в стан врага.

– Хорошо, сержант, свободен пока. Скоро будет работа, я думаю, пока отдыхайте, – генерал кивнул головой, видимо своим мыслям, а я вышел. Уходя, услышал слова комдива, которые мне очень понравились.

– Капитан, подашь на всю группу разведчиков представление, надо поощрить ребят.

Что ответил ротный, я уже не слышал.

А ночью всю дивизию подняли «как на пожар». Поступил приказ провести контрудар, с целью выбить немцев с тех высот, которые они оседлали. Якобы нельзя дать фрицам закрепиться.

– Серега, чего происходит, какое наступление, только что отступили, – это Игорь решил у меня узнать, что-нибудь. Как будто я знаю больше.

– Я думаю, что высокое начальство решило потрепать наступающего нам на пятки врага.

– Это как? Чем? У нас же ни танков, ни людей.

– Я думаю, они хотят, чтобы мы оттянули на себя побольше немецких войск, а затем ударить во фланг, ну это я так думаю.

– Значит все, здесь все и закончится?

– Ну, еще подергаемся, мысли шире.

– Так нас здесь всех и положат. У них же танков куча, а мы с голой жопой, – настрой Сеницына меня не удивлял. Если честно, я и сам думал так же. Но нужно держать марку.

– Сеницын, товарищ Сталин сказал: «Нужно быть очень храбрым человеком, чтобы быть трусом в Красной Армии!» – вот так, вспомнилась отличная фраза из хорошего фильма.

– Да я не боюсь, просто обидно вот так сгинуть, ни за грош.

– А ты подвиг соверши, – вставил свои пять копеек Зимин, – продай жизнь подороже.

– Хорош базарить, пошли собираться, – прервал я этот балаган.

– Где найти сержанта Новикова? – раздался рядом чей-то голос.

Мы все обернулись. Перед нами стоял красноармеец и, отдышавшись, проговорил:

– Срочно к командиру роты.

– Ну, пойдем, я Новиков, – ответил я и поправил ремень.

Солдат развернулся и быстро пошел, надо думать к командиру. Я так же быстро спешил за ним. Перед входом в штаб застегнул верхнюю пуговицу и, придерживая пилотку, вошел внутрь. Прищурившись и оглядев присутствующих, доложил:

– Сержант Новиков по вашему приказанию прибыл!

– Садись, сержант, – ротный кивнул на стол, там лежала большая карта, – смотри сюда. Станция Карташовская, перед ней лесок. А вот справа от леса есть небольшая балочка. Летом там болото, и вроде выходит, что немцев там нет. Но нужно проверить.

– Так сами говорите, что болото, значит и сейчас никого, дожди идут, там и не пролезешь, наверное.

– Вот ты и проверишь. Выходите прямо сейчас.

– Есть, разрешите идти? – Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Отдохнули.

– И еще, Серега, – перешел капитан с командного на обычный человеческий и прервал мои мысли, – языка бы взять, понимаю, что сложно, но ты у нас везунчик. Генерал Лебедев лично просил помочь. Дело такое, там уже пропала группа наших бойцов. Будьте предельно осторожны.

– Хорошо хоть предупредили, будем как мыши.

– Иди, сержант, удачи.

– Спасибо, тащ капитан.

Я вышел из землянки и задумался. Придя в расположение, сказал парням, что выходим, и достал карту. Минут десять вглядывался и пытался предположить, что там и как.

«Балочка, балочка, как ты к себе манишь. Что ж, попробуем».

Вышли мы через двадцать минут, идти было тяжело. Усталость давала о себе знать. Немцы стояли близко, предстояло обогнуть болото. В общем, дошли до начала оврага часа за два. Овраг глубокий и длинный, конца не видно. Можно танки спрятать, не то что пехоту. Блин, тишина, ни звука, ни огонька. Стоп, как ни огонька, а это что?

– Серый, впереди в кустах вроде кто-то сидит, как будто от сигареты огонь видел, – сказал Зимин и показал на кусты слева.

– Точно, командир, я тоже видел, – а это уже казах. – И запах чую.

– Блин, ну ты у нас фрицев за версту чуеть. Всем внимание. Рассредоточиться, наблюдаем.

Выходило, что любой, кто пойдет по оврагу, непременно окажется под огнем из этих кустов. Знать бы, сколько там немчуры и что там дальше?

– Мурат, Ваню, давайте назад и попробуйте сверху их обойти, только по болоту, слева. Там вы останетесь незаметными.

Ваню Ревивили, еще один наш боец, тот самый – «Здоровый». Грузин по национальности, но всю сознательную жизнь провел под Вологдой, обладал огромным ростом и широкими плечами. С его габаритами сразу же стал пулеметчиком, а кому еще? Парни ушли, а я задумался.

Чего бы это немцам в болоте сидеть, комаров кормить? Или тут у них «гнездо»? Парни пришли минут через двадцать.

– Там трое, при пулемете. Мы далеко не смогли пройти, болото.

– Твою дивизию, эти «туристы» нам все дело портят, другой дороги нет.

– Слышь, Серый, – предложил Зимин, – а может, сверху гранату им в подарок?

– И через минуту к нам десять прилетят. – Нет, они тут не просто загорают, там дальше железка где-то. Они передовыми стоят, скорее всего.

– Ну, если наш казах задом чует, то конечно, да. Так, слушай меня, идете обратно наверх, готовите пару гранат, увидите меня – сидите тихо. Если начнут дергаться или стрелять захотят, валите их.

– Ты чего задумал, командир? – спросил казах.

– А чего тут еще придумаешь, к ним пойду, спрошу, чего они тут сидят, может, скажут.

– Сдурел? Они же тебя в момент, даже чирикнуть не успеешь. Как увидят, что кто-то ползет, сразу и накроют.

– А я и не поползу. Все, вперед.

Сам встал, отдал ППШ Сане Зимину, снял ремень, нож оставил в сапоге и зажал в руке гранату.

– Серег, может, я пойду? Я и немецкий знаю.

– То, что мне надо им сказать, я и сам скажу, поймут, у меня аргумент есть. И показал гранату. Если, чего валите этих, посмотрите метров на сто и уходите домой!

Пройдя несколько шагов, я услышал возню и грозный окрик на немецком.

– Нихт шиссен, ниht шиссен! Капитулирен! Гуд млеко, яйки, сало! – выдал я.

– Ком, русише швайне, ком! – почти сразу мне ответил насмешливый голос.

Один из немцев вышел ко мне навстречу и, смеясь, встал в метре от их укрепления, в виде мешков с песком. Оружия при нем не было. Второй сидел за пулеметом, но не целился. А третий и вовсе сидел на ящике и не думал вставать. Наверное, я не первый.

Когда я подошел вплотную, то эфку подкинул навесиком к ним за мешки.

– Ахтунг, гранатен! – Те фрицы, что сидели за мешками, как-то быстро кинулись на землю, а тот, что вышел ко мне, застыл как статуя. Быстрым движением руки я выхватил из сапога нож и, распрямляясь, всадил снизу вверх немцу в живот, он даже не дернулся. Быстро перескочил за бруствер – немцы, лежа на земле, пялились на меня. Откуда им было знать, что граната без запала? Я заранее наделал себе разных штучек с феньками, как делали в моем мире, а скоро начнут и здесь. Подхватив лежавший на бруствере карабин, направил его на немчуру.

– Хенде хох! – Ко мне уже бежали все ребята. Быстро спеленав гансов, огляделись. Да, сам одурел от такой наглости. Ни фига ведь не осознаю, что я на войне. Какой-то дикий задор присутствует.

– Сань, давай спроси их, вон у того с нашивками фельдфебеля, что они тут делают и сколько их всего? Где железка и патрулируют ли ее? А я отойду, чего-то мне опять нехорошо как-то.

– Не привык еще, командир, – хмыкнул кто-то из ребят. Привыкнешь здесь...

Пока Зимин допрашивал немцев, остальные собрали оружие, спрятали под куст «готового» фрица и оцетинились стволами во все стороны. Ваню подхватил вражеский пулемет. Здоровья в грузине на четверых, пускай таскает. Я уже освободил и так не шибко нагруженный желудок, и прислушался к допросу пленных, все-таки повезло мне с Саней. Немчура наперебой заливалась соловьем. Через слово звучало, ниht шиссен, арбайтен, капитулирен и прочее – сдаюсь, сдаюсь!

– Чего они тебе втирают? – с усмешкой спросил я.

– Чего делают? – Зимин уставился на меня. – Серый, ты иногда так говоришь... Вроде по-русски, а ни хрена не понятно.

– Не бери в голову. Спроси лучше, когда у них смена и сколько до расположения?

– Восьмая танковая дивизия, стоят рядом, в километре. Они знают, что здесь болото, поэтому тут только два поста. Второй ближе к расположению, здесь передовой дозор. А охраняют подходы к железной дороге. Там вчера диверсия была, пути разобраны. А на путях эшелон с горючкой и боеприпасами. Горючее для танков. Оно в бочках. Под тентами.

– Во как! Это все он тебе рассказал? Связь у них есть? – Я лихорадочно соображал.

– Нет, передатчик вечером сломался, со сменой должны принести новый.

– Это мы удачно зашли. Когда у них смена?
– В шесть утра.
– Сколько идти до места, где хранят топливо? – я посмотрел на часы.
– Говорят, десять минут, максимум.
– Он знает, какая там охрана?
– Два пулемета и БТР, две зенитки. Двадцать человек, – Саня еще что-то спрашивал, а я думу гонял. Как бы туда пролезть? До смены час. Попробуем опять переодеться.
– Серега, чего задумал? Немец говорит, что будет большой шум, когда прибудет смена.
– Сань, спроси его, жить хочет?
Зимин спросил, немец затряс головой и что-то загавкал.
– Говорит, что поможет, если заберем с собой!
– Куда с собой? – не понял я.
– Так в плен говорит, берите, а иначе его расстреляют и родных посадят.
– Ладно, сделаем так: второго утащите и свяжите пока. Саня, переодевайся, Ваню, снимай с того, что побольше, одежду, должна подойти, с нами идешь.

– Серега, гасить смену будем?
Зимин воспользовался моим словечком, видно, запомнил когда-то.
– Да, спроси, разводящий у них есть?
– Он и так уже сказал, фельдфебель Кашке.
– Ну ладно, поклонник Тельмана, смотри. В страшном сне ты не видал такой смерти, какая тебе уготована, если что не так пойдет! – Зимин перевел, а фриц опять что-то залопотал и стал отчаянно трясти гривой.

– Смотри шею не сломай, – ухмыльнулся я.

Мы с Муратом укрылись в кустах, в темноте не увидят, а парни вместе с фрицем уселись за бруствером. Ровно в шесть утра показался сменный караул. Ордунг превыше всего! Солдаты шли спокойно, но без разговоров. Старший наряда грозно поглядывал по сторонам. Не доходя нескольких метров до поста, остановились, неужели что-то заподозрили? Прозвучала команда на немецком, спрашивал наш пленный. Ему ответил разводящий караула. Голос твердый, но не громкий. Новые солдаты направились к укрытию и, поравнявшись с нашими бойцами, что-то спросили. «Тельмановец» быстро ответил, что-то пробурчал Саня. «Сменные» подозрительно посмотрели, но Саня и Ваню уже прошли мимо и, подойдя к разводящему, который снимал карабин с плеча, кинулись на него. Остальные новоприбывшие были на нас. Мурат кинул нож в одного и бросился следом, а я уже подбегал к другому. Ни один не успел выстрелить или хотя бы заорать.

– Чисто, – крикнул Ваню.

– Чисто, – Мурат подтвердил.

Обойдя по кругу побоище, я с удовлетворением отметил, что все прошло отлично. Достав гранату, я подошел к разводящему и, скорчив грозную гримасу, засунул ее ему в карман. Снаружи оставил только скобу и кольцо, взял его двумя пальцами. Немчура попытался, что-то сказать, но с забитым в рот кляпом, сделать это как-то не получалось.

– Саня, скажи ему, будет орать, я выдерну кольцо.

– Он все понял, – Саня вырвал тряпку изо рта у немца и тот что-то проскулил.

– Пошли, – подталкивая фельдфебеля вперед, мы двинулись дальше. Пленного фашиста, которого взяли раньше, связали и оставили пока в кустах, обещая взять его на обратном пути. Шли недолго, Саня сразу сказал немцу, чтобы тот довел до железки. Железную дорогу еще не было видно, как немец показал на тропу, по которой ходил патруль. Мы ушли в сторону. Не доходя метров ста до тропы, фельдфебель указал на видневшуюся под деревьями колючую проволоку, натянутую на растущие деревья. Правее, возле забора стоял «Ганомат», пулеметчик виден не был.

– Спроси этого, чего здесь за заборы посреди леса и сколько охраны? – Зимин перевел мой вопрос, немец шустро ответил.

– Говорит, двадцать человек, но на посту только четверо, возле пулеметов. Их только что сменили. Те, что сменились, ушли в расположение. Остальные должны спать, так как опасности нет, немцы не предусматривают усиленный караул. Здесь немцы перегружают на грузовики горючку.

– Ага, как на курорте устроились, тем лучше. Саня, иди с ним к первому пулемету, Ваню, с ними иди. Режьте их по-тихому. А мы к дальнему посту пройдем.

Мы разделились, немцы у пулемета смотрели на нас, явно ожидая чего-то, но мы спокойно прошли мимо, направляясь к их коллегам. Те, решив, что мы свои, так как первые не подняли тревогу, расслабились. А зря! Когда мы приблизились на расстояние прыжка, немцы увидели Мурата. Нет, он не страшный, он казах и это они разглядели уже умирая.

– Вот и все, – сказал я, вытирая нож. В какой-то момент я заметил, что перестаю испытывать отвращение к убитым мною людям.

– Серый, палатки еще.

– И «ганомаг», – я был ближе к палаткам. Махнув рукой Мурату, двинулся к палатке и тут вылез ОН! Я не успевал никак. Оружия у него не было, и толстый фриц, в два меня, смотрел на меня и уже раскрывал рот, чтобы заорать. Нож пролетел мимо меня как молния, вошел в грудь борова, но не убил его. Иди, проткни такое сало. Но я был уже рядом и со всей дури, долбанул прикладом ему в лоб. Череп хрустнул так, что, наверное, за километр было слышно. Влетев в палатку, я просто дал длинную очередь, скосив всех. Те, кто уже вставал, и те, что еще лежали, даже не успели понять, что происходит. К ним просто пришла смерть.

Мурат аналогично поступил со второй палаткой. Да и глупо было рассчитывать завалить двадцать человек без стрельбы. Зимин просто кинул гранату в БТР, а потом добавил из автомата в раскрывшиеся двери.

– Оружие не берем, рвем отсюда!

Подбежав к вагонам, охраны рядом не было, рубанули издали очередь из МГ по бочкам, тут их под маскировкой, на целую дивизию. Быстро зажгли выливавшийся на землю бензин и стали драпать. Дойдя до бочек, огонь сделал свое дело. Бочки с горючим загорелись, а затем начали прилично бухать. Зарево поднялось, наверное, до небес. Сначала даже залюбовались. Бочки, как ракеты взлетали в ночное небо неся за собой огненный хвост.

– Хороший у немчуры бензин! – сказал Ваню. – Вон как горит.

Со стороны немецких позиций началась стрельба, полетели в небо осветительные ракеты.

– В кого они там стреляют? – Мурат говорил спокойно, несмотря на то, что мы уже минут десять бежали как сайгаки. В овраге прихватили оставшихся немцев и наших бойцов. Остановились только тогда, когда даже выстрелы почти смолкли.

– Во блин, старый я стал для такой физкультуры! – Я еле дышал – надо бросать курить, а то сдохну вот так, посреди болота.

– Все тихо, за нами никто не пошел.

– Так там не проехать ни на чем, – я сплюнул и, глотнув из фляги, сказал: – Дальше шагом. Вперед! Фрицы нас здорово стесняли, сам я выдохся и пленных уже давно тащили наши бойцы. Блин, такое молодое тело попало, а все прокуренное. С рождения, что ли, курил мой донор. Я в тридцать себя так ощущал.

Вернулись мы с рассветом, мне сразу пришлось идти на доклад. Парни сдали на руки особистам немцев и пошли спать.

– Вернулись?

Как-то тяжело спросил капитан.

– Задание выполнено, – командир явно недоволен, надо быть осторожным.

– Ну и дел вы наделали, товарищ сержант. Весь фронт на уши поставили.

– Когда это мы успели? – растерянно спросил я.

– А ты не дерзи! – раздался голос из угла землянки. – Больно ты разговорчивый.

– Виноват! Товарищ политрук. Просто не понял, что я такого натворил?

– Разберемся! – так же грубо бросил политрук.

– Вас послали тихо разведать пути подхода к позициям противника, а вы занялись самодеятельностью. Противник нас опередил, немцы начали наступление, а у нас войска не готовы к обороне. Мы же должны были наступать, – начал свой наезд капитан.

– Преступная халатность, расслабились. Как же, комдив похвалил, разведчики бя! – а это опять «любимый» политрук.

– Даже мысли такой не было, – я уже боялся вообще рот открывать. – Разрешите обратиться к товарищу капитану, товарищ политрук?

– Что, мало наговорил? – особист не унимался.

– Товарищ политрук, да вы немцев допросите, они рассказали, что утром будет наступление восьмой танковой дивизии вермахта. Именно на наши позиции. Они уже знали о наших планах, поскольку, к сожалению, взяли наших разведчиков, предыдущую группу. Этот разводящий фельдфебель сам участвовал в их задержании. Мы уже собирались нестись во весь опор обратно, но мне лично стало интересно, что они в болотах делают? Ну, а когда узнали об эшелоне и топливе, решили его сжечь, чтобы немцев осадить. Куда они без топлива? Думаю, что они и полезли-то только для того, чтобы попытаться у нас разжиться бензином. Просто у них его больше нет, там было очень, ну очень много бочек. Чтобы столько накопить, им теперь неделя понадобится, притом, что никуда ездить не будут. Решение принимал лично я, на боях вины нет, они выполняли приказ. Готов понести любое наказание...

– Что, все топливо сжег? – раздался голос за спиной.

Я резко повернулся и обомлел, на меня смотрел высокий мужчина, в кожаном плаще нараспашку, а под ним виднелись знаки различия майора госбезопасности. Ого, вот это птица. Наверное, из штаба армии, а то и фронта. Только этого не хватало.

– Ну, судя по тому, что было светло как днем, горело знатно, – я решил говорить, как есть.

– Так ты и есть тот удачливый сержант, который появился не известно откуда да еще и обстановку просчитываешь так, как не каждый генерал может? – подозрительно посмотрел на меня «Полковник», так и буду его звать.

– Да ну, это преувеличение, товарищ майор госбезопасности, – стушевался я, не зная, что сказать.

– Что, врут все, что ли? – улыбнулся и прищурил один глаз Полковник.

– Смотря о чем. Просто со своей «колокольни» пытаюсь анализировать и воплощать то, что по силам. Товарищ майор госбезопасности.

– Я, как ты заметил, майор госбезопасности, зовут меня Истомин Александр Петрович. Мне нужно с тобой переговорить с глазу на глаз.

О, как! Не допросить, а поговорить, да еще наедине.

Все тотчас же вышли из землянки. А майор огорошил меня с ходу, как только вышел последний. Причем огорошил, мягко сказано. Я просто впал в ступор.

– Откуда и кто ты? Про местного добровольца можешь не плести, сэкономишь время, которого нет. Ты – чужой! Все люди, с кем ты контактируешь, заметили это. Да и политрук твой шороху навел. Наши люди провели быструю проверку, твоя легенда – липа.

– Что, так заметно?

– Естественно. Говоришь, двигаешься совсем по-другому. А уж наглости у тебя на целую роту хватит! Вот блин, как это по-другому, я что, задом наперед хожу что ли?

С минуту я размышлял. Только успел здесь появиться, сразу в бой. Потом разведка, сержанта дали, все это пролетело как один миг. Да, не думал я, что так быстро раскроют, но,

видимо, пришло время все рассказать. Нет, можно дуру валять, конечно, но только долго ли смогу. Уберут с фронта, как пить дать, и кому я лучше этим сделаю?

Глава 6

– Я Новиков, Сергей Сергеевич. Товарищ майор государственной безопасности, не стреляйте в меня, по крайней мере до конца рассказа, – попросил я.

– Постараюсь. Только это зависит от тебя. Ну и потому, что мне очень интересно узнать о тебе, да и не только мне.

– Ну, так вот: фамилия, имя, отчество – настоящие. Родился я... в 1980 году...

Майор вдруг как-то странно сморщился, поперхнулся дымом папиросы, которую закурил. Глаза у него хлопнули, а челюсть поползла вниз. Я представил себя на его месте. Достал бы «ТТ» и хлопнул бы такого «рассказчика».

– Как это? Ведь это только через сорок лет будет, – чуть не по слогам проговорил он.

И я стал рассказывать все, что и как со мной произошло. Майор не перебивал, только когда за час выкурил всю пачку папирос, достал вторую из планшета и предложил наконец закурить и мне. Я не отказался. Когда я дошел до того, как первый раз говорил с ротным, предлагая сходить в разведку, и как подталкивал его к принятию мер против окружения, он остановил меня в первый раз.

– Значит, там у вас тоже была война?

– Да не там у нас, а здесь и была, идет сейчас – если точнее. Видимо, я провалился во времени. Может, там, в своем времени, я погиб от той гранаты. Получается, откуда-то свыше мне дали второй шанс, чтобы хоть чем-то помочь предкам. Я решил попытаться изменить ход событий. Все эти люди, солдаты и командиры, погибли в моем времени. У соседей вышло более удачно, так как отходили они первыми, планомерно с тяжелыми боями. А «наша» – 235-я, прикрывала их отход и не успела отойти. Дивизию расформировали в декабре 1941 года. А фактически ее не было уже в октябре. Потом ее снова соберут, второе формирование будет, по моему, в 1943-м, и все, кто сейчас здесь воюет, должны погибнуть. А мой дед будет числиться, как я уже говорил, пропавшим без вести. Не знаю как для вас, а меня корбило от этих слов.

– А дед-то жив еще? – майор смотрел на меня тяжелым взглядом уставшего и ошарашенного человека.

– Да, ведь он вместе со всеми служит. В батальоне связи, но я его знаю здесь, как связиста нашего капитана.

– Ну и каково это, видеть деда ровесником? – непонятно, смеется он или издевается.

– Да не совсем ровесником. Там мне было тридцать два, а здесь восемнадцать лет. А ему двадцать восемь.

– Все равно, небольшая разница.

– Да, поначалу все порывался назвать дедом, еле контролировал себя, а сейчас уже привык. Что теперь будет, товарищ майор?

– Даже и не знаю. По идее, лучше бы тебя убрать, по-тихому. Чтобы не болтал лишнего. Но в то же время вдруг чего полезного сможешь рассказать о будущем. Да и наверняка сможешь. Я обязан доложить, но пока не знаю как.

– Раз обязаны, тогда, конечно да. Надо докладывать. Там, – я показал пальцем вверх, – есть кому думать.

– Я выезжаю сегодня. Ты сиди тихо, никуда не лезь. Я предупрежу, чтобы тебя не трогали. И еще, не обращай внимания на этого идиота, политрука вашего. Не перечь, а то шлепнет еще, без всякого разбора. Он дальше собственного носа не видит. Дело вы провернули нужное, я лично представление напишу.

– Да что уж там, сделали то, что посчитали правильным. Война идет. И долго еще будет идти, – растерянно проговорил я.

– Когда кончится? – Я уж думал не спросит. Но полковник тут же передумал: – Нет, не говори, как-нибудь потом.

– Разрешите идти?

– Иди и позови мне этого воина, политрука вашего.

– Есть!

Майор посмотрел на меня с интересом, но даже не поморщился. Пусть привыкает, недолго осталось.

Я вышел как из бани, а если он доложит и ему поверят? Меня, наверное, в Москву повезут. А там трясти будут, как липку. Ну, в принципе-то ясно, такой шанс для нынешних руководителей, узнать хоть что-то из будущего. Я хоть и не профессор истории, и не изобретатель оружия, но историю всегда любил и помню многое. Тем более по деду занимался очень плотно, последние два года так вообще.

А наступление-то немцы остановили, видимо, запоздал у них общий приказ об отмене. Горючего-то у них – нет!

Меня встречали друзья разведчики. Да мы и вправду уже друзьями стали. Чего стоили в наши продажные двухтысячные – друзья, да не было их, настоящих друзей. Так, приятели, не больше. А здесь люди настоящие, не избалованные деньгами и разными благами. Каждый из тех, с кем я воюю, за меня готов пулю поймать. И я за них так же, не задумываясь. Подружились мы больше всего с Зиминим и казахом Муратом. Но меня все глодали мысли, что я их обманываю, не говорю, откуда я.

– Ну что, сильно продрали? – спросил Саня, когда я вернулся.

– Да нет, там сейчас интереснее будет.

– А чего там такое? – Мурат сделал удивленные глаза.

– Там майор ГБ нашего дебила политрука без вазелина пользуется. – Ребята уже привыкли к моим высказываниям. Все сказанное всегда оставалось между нами. Это, кстати, огромный показатель, ведь должны и обязаны в отчетах все писать.

– Так нам чего будет? А то у нас оружие забрали, напугали.

– Как будто у тебя, Мурат, больше ни одного ствола нигде не припрятано?

– Ну, отобрали-то они личное, которое выдавали.

– Угу! И трофеев мешок еще где-то припрятал, – не сдерживая смех, сказал я.

– Зачем так командир, это для всех, на всякий случай.

– Молодец, пошли в землянку.

Когда мы оказались в землянке, увидели картину. Ефрейтор Базаев, сидя в центре круга из зрителей, что-то напевал под аккомпанемент настолько расстроенной гитары, что я невольно передернулся.

Ефрейтор прервался, поймав мой взгляд, но я замахал руками.

– Продолжай, продолжай!

Парень запел дальше, а я, постояв немного, все же не утерпел. Протянул руку и потрогал за плечо гитариста.

– Дай гляну.

Тот без слова передал мне гитару, а мои товарищи взглянули на меня. Певец опять остановился.

– Исполните что-нибудь, товарищ сержант.

– Да я просто хотел гитару чуть подстроить, ведь звук как в кабинете у зубного врача.

Парень поет так душевно, а музыка сердце режет.

– Чего, типа настройщик? – зло спросил какой-то солдат.

– Да умею немного. А что, это плохо?

– Грамотные все больно.

– Да ладно, не рычи. – Злые все вокруг, да и понятно от чего.

Взял гитару и мельком осмотрел ее. Да, хоть и старая, но в приличном состоянии. Видимо, ее здесь берегут лучше, чем себя. Гитара была вообще не настроена, пришлось пару минут покрутить колки. Зато, отстроив, провел по струнам и увидел оживление у сидящих солдат. Затем увидел в углу землянки скромно сидевшего парня, с шикарной гармонью на коленях. Он тихо сидел и скучал. Я окликнул его:

– Гармонист, чего нос повесил? А ну, возьми аккордик!

– Как это? – парень, видимо, был самоучкой, как и все в этом времени. Глупо было думать, что многие знакомы с нотной грамотой. Я подошел и показал сочетание клавиш, которое мне было нужно.

Он послушно выполнил. Удовлетворенно кивнув, я быстро подтянул струны в унисон с гармошкой. Получилось на ура.

– Брат, тебя как звать?

– Красноармеец Петров, Олег, а чего?

– Сможешь подхватить за мной, будет – здорово. Давай потешим товарищей.

– Попробую.

И я провел по струнам, взяв первый аккорд:

Струйкой дым понесла тишина,
Запечалилась в небе луна.
Ну и пусть впереди западня,
Главное, что есть ты у меня!

И далее по тексту, да простит меня в будущем Матвиенко, Резник и Коля Расторгуев!

Когда закончил первую песню, в землянке было так тихо, что я даже вздрогнул. Первым опомнился Саня Зимин.

– И ты раньше молчал? – глаза у друга горели огнем.

– Так и некогда вроде было.

– А еще можешь? Чтобы так же за душу брало, – а это уже ворчливый солдат, который меня «настройщиком» обозвал.

– Да, пожалуйста! – И начал:

А на войне, как на войне
А нам труднее там вдвойне —
Пусть взойдет над сопками рассвет!
Мы не прощаемся ни с кем,
Чужие слезы нам зачем —
Уходим в дождь, уходим в ночь, уходим в снег.

Когда пропел «Батальонную разведку», подумал: «Теперь, наверное, про другую разведку в будущем напишут».

Парней надо было видеть. Все были в шоке, а гармонист, молодец, подхватил с первых строк. Получилось – закачаешься! Еще бы вторую гитару да пару барабанов...

Ну ладно, ладно, просто помечтал. Я ведь всю юность в ансамбле играл. По кабакам и небольшим клубам. Играл я, правда, хорошо, а научился сам, еще в десять лет. Взял гитару, попросил показать пару аккордов. Через месяц уже вовсю лабал. Потом недолго проучился в музыкалке, ушел, надоело классику играть. Знаю, дурак, сто раз уже жалел.

Когда в землянке стало нечем дышать, народу набилось как селедок в бочке, вышли на улицу. Начальство прознало и тоже пришло, и хлопало наравне с солдатами. А уж ротный

хлопал так, что я думал, из штанов выскочит. Исполнял я в основном любимое: Любэ, что-то из ДДТ, Кино. Ну и прихватил немного песен этих лет.

Последней была «Темная ночь», Утесов с Бернесом и так известны, споют что-нибудь другое. Все были в шоке. Нас с гармонистом качали, подкидывая, как могли, все думал, вот сейчас не поймут и все, наказание за то, что присвоил чужие песни. Я ведь между делом сказал, что песни мои. Ну и ладно, что уж теперь.

– Ну, ты даешь, сержант, – хлопали по плечам и жали руки бойцы.

– Да я не один, вон Олег помогал, – я указал на гармониста.

– Но песни-то твои. Молодцы, ребята, – ротный сиял как самовар, который чистили неделю.

После обеда меня вызвали к энкавэдэшному майору. Тот сообщил, что закончил дела и убывает. Напомнил еще раз, чтобы я никуда не лез. Я обещал, сказал, что буду ждать своей участи и петь песни, может, в последний раз. На что он сказал, что я зря думаю плохо о высшем командовании.

– Если ты говоришь правду, а я-то в это уж точно верю. Половину из твоих песен можно написать только в мирное время. Их никто и никогда не слышал, вряд ли ты соврал. Как бы это не сказочно выглядело, но я тебе верю. И постараюсь сделать все, чтобы поверили другие. Ибо считаю, что это очень важно и необходимо. Ты можешь мне сейчас что-нибудь такое написать, что будет происходить где-нибудь на фронте в ближайшее время?

– Я уж и не знаю, стоит ли? Ведь я и так изменил ход истории. Может, уже она сместилась так, что все идет по-другому. Ведь все эти люди должны были погибнуть, может, и вы тоже, вашу фамилию я просто не встречал в книгах.

– Может, и так. Но я не думаю, что это настолько глобально.

– Да, я могу подсказать, какие ученые и в каком направлении работали так, чтобы страна скорее поднялась. Могу вспомнить и указать некоторых особо отличившихся военачальников. Некоторые сражения помню достаточно хорошо, только вот, сколько в них правды. Сведения, находящиеся в открытом доступе, содержат кучу неточностей. Знаю я, конечно, очень мало, но в чем-то помогу однозначно.

– Главное, что ты у нас оказался, а не у врага.

– А чего мне там делать, когда у меня здесь четыре деда – это только из самых близких – воюют на разных фронтах. А без вести пропасть должен был только Иван Потемкин.

– А остальные, погибнут?

– Да нет, вернуться. Двое из них, родные братья Ивана. Они мои деды, по материнской линии, а еще один по отцовской. Тот, что по отцу, будет дважды ранен и, очень долго будет лежать в госпиталях, а затем всю оставшуюся жизнь – лечиться. Он так и умрет, с осколком танкового снаряда в легком. Вот так. А то, что вы просите, я уже давно накидал на бумаге. То, что вспомнил, конечно.

– Можно взглянуть?

– Да вот, пожалуйста, – я достал из кармана, сложенный тетрадный лист, взял его у Ивана, еще пару дней назад.

Майор развернул бумагу и, прочитав первые строчки, поднял глаза:

– Вот только не надо, так на меня смотреть, да я знаю, что говорю. Дойдут немцы до Москвы, но не войдут, а в декабре мы откинем их от столицы. Но вот дальше нужно будет быть очень осторожными, чтобы не повторилось то, что было в моем времени.

– Ленинград точно не возьмут?

– Точно, но он будет в кольце блокады 900 дней. Город сильно пострадает от бомбежек и артобстрелов, умрет от голода и ран очень большое количество мирных жителей. Но город устоит! Опять же нельзя допустить многих ошибок, при попытках его деблокады. Они нам

аукнутся позже, когда появится Русская освободительная армия. Очень большой объем работы нужно провести.

- Я сам из Ленинграда, у меня там семья. Жена, родители, дочь!
- Будем надеяться, что все обойдется. Бадаевские склады...
- Уничтожены, да, вряд ли бы об этом знал, не будь ты из будущего.
- Вот и я про тоже.
- Ладно, иди, отдыхай и помни свое обещание. Я скоро вернусь.

Глава 7

Наше доблестное начальство решило воспользоваться удачным стечением обстоятельств. На следующий день после нашего рейда части 111-й дивизии, совершив небольшой марш-бросок, ударили во фланг и лоб восьмой танковой дивизии немцев. Давая тем самым возможность для удара нашей дивизии. И генерал Лебедев не упустил этот шанс. Так как 111-я ударила во фланг и приняла на себя удар, немцы были вынуждены реагировать и разворачивать войска для отражения этого выпада. Растянувшись и подставив таким образом другой свой фланг под прямой удар нашей дивизии. Топлива у немцев не было, и они были ограничены в маневре. А у нас все-таки была пехотная дивизия, с приданной в усиление 24-й танковой. Плюс успели подвезти немного снарядов для артиллерии. Танкисты брали пехоту на броню и с ходу проламывали немецкую оборону, так как те просто ее не успели создать. Контрудар получился, и это облегчило положение нашим войскам.

Меня отправили в обоз. По приказу большого начальства, участвовать в наступлении я не мог, хотя и просился. Во главе моего отделения поставили Зимина, он был достаточно умным человеком и повоевал побольше моего. А я тащился вместе с кухней, реммастерской и санитарями. Конечно, наступление не могло быть без жертв, но их было бы больше, если бы мы не уничтожили запасы топлива у фашистов. Все же было очень страшно смотреть на такое количество убитых и раненых. Я помогал перетаскивать и тех, и других. Стирал и кипятил бинты, делал много того, что не видят глаза солдата, стоящего в строю. Это очень страшно. Только бинтуют одному бойцу простреленную грудь, как он умирает, бинты сматывают, стирают и наматывают другому, едва они высыхают. Да, врачи и особенно девчушки санитарки очень выносливые. Обычному человеку такое зрелище не вытерпеть.

Наступление было задумано, как я понимаю, не для того, чтобы разгромить или отодвинуть врага подальше. На это просто не было ни сил, ни средств. А скорее для выбивания у немцев танков и уничтожения складов. Надо признать, Лебедеву это удалось. Хоть и ценой больших потерь. В первый же день боев наши вклинились на три километра в глубь немецкой обороны и, нанеся серьезные потери противнику, отошли, не давая себя окружить. Более того, отходя, устраивали засады и выбивали у немчуры танки, во время их контратак. Надо сказать, что мы уже учитывали свои промахи и старались вести себя умнее. 111-я дивизия, начавшая всю эту кашу, понесла более серьезные потери, не оголила наш фланг, а планомерно отступала вместе с нами. С какой-то стороны, мы зря это затеяли, но в то же время полнокровная танковая дивизия немцев превратилась в ничто. Ее придется выводить на переформирование. А это уже хорошо, так как сократилось количество танков, в непосредственной близости к Ленинграду. Какое-то время, у фашистов уйдет на переброску войск в этот район, но и наши подтянут свежие войска.

Через неделю, три последних дня из которой ушли на отдых, появилось высокое начальство. Известный мне майор НКВД нашел меня в санбате. Увидев его, я сразу понял, что он меня сейчас отсюда заберет.

– Здравствуй, Сергей, – устало произнес он.

– И вам того же. Как мои дела, совсем хреново?

– Не знаю, как это правильно оценить. У меня приказ доставить тебя в Москву.

– На Лубянку или сразу в Бутырку, куда там у вас сажают?

– К Лаврентию Павловичу. Хочет с тобой познакомиться.

– Блин, может, я здесь останусь? Здесь хоть пользу какую-нибудь принесу, а там просто сгину.

– Да не все так плохо, как ты себе рисуешь. Если бы хотели тебя просто вытрясти на предмет знаний будущего, то для этого было бы достаточно обычного следователя. Поверь,

разговорят, но тут дело другое. Товарищ Берия просто так к себе не позовет. Да расслабься ты, сержант.

– Вам легко говорить, а мне так тупо страшно. Такого про НКВД в наше время начитался и наслушался, так хоть живьем в гроб ложись.

– Собирайся, скоро едем.

– Нищему собраться, только подпоясаться, – процедил я сквозь зубы.

– И все потомки у нас такие остроумные? – заметил Истомин, прекрасно слышавший мою тираду.

– Большая часть, там жизнь такая. Кто не шутит, тот быстро зачахнет. Зато у вас слух хороший.

– Ну, готов?

– Пойдемте, по дороге с мужиками попрощаюсь и все.

– Хорошо.

Я быстро нашел Зимина, парни были недалеко, ждали. Я попросил Саню приглядывать за дедом, сказал ему, что поймет потом. Вот так, догадайся. Меня дружно похлопали по спине, и мы с майором уселись в машину. Ехать надо было километров тридцать, до ближайшего аэродрома. Без приключений не обошлось, отъехали от расположения дивизии на пару километров, в небе вдруг появился самолет. Долбанный «лаптежник» начал заходить нам в лоб, ревун у него, не дай бог услышать в мирное время – обделаешься. Как они сами в кабине от него не гадят под себя? Наш водила дал по тормозам, а мы вылетели из машины как наскипидаренные. Бросились в разные стороны и залегли на землю. Короче, дальше шли пешком. Эти суки так наловчились кидать свои бомбочки, что первой же расхреначили эмку «под орех». Благо мы отбежали немного. Но взрывной волной откинуло далеко, еле встал. Сначала и рукой пошевелить не мог. Тело все ныло после падения. Майор поднял меня, и, отряхнувшись мы устремились к ближайшей рощице. Водитель и еще один боец, охранник, наверное, бежали вслед за нами. Оружие было только у пресловутого охранника, да у майора пистолет. У меня лишь нож в сапоге, без него вообще никуда не хожу. Правда, есть еще заныканная за пазухой «фенька», но про нее я буду молчать. Если бы майор знал, уже бы отобрал. А гранату мне незаметно положил в карман Мурат, вот чертила, как знал, что пригодится. Теперь вот топать неизвестно сколько, без оружия на войне нельзя.

Шли по окраине леса, кругом было тихо. Вообще, опасаться стоило только самолетов, ибо здесь наш тыл, а сейчас не июнь. Тылы прочесывают постоянно. Когда уперлись в дорогу, майор несколько растерялся. Но, быстро сообразив, махнул рукой, указывая направление. Пыльная, заросшая по обочинам высокой травой дорога была прямой как стрела. Спустя час ходьбы послышался шум мотора. Все залегли на обочине, укрываясь в траве, а полкан послал охранника посмотреть. Машиной оказалась полуторка с ранеными, но нас взяли. Водила полуторки, старый хохол, с огромными как у таракана усами, покочевряжился немного, но увидев форму, а особенно удостоверение энкавэдэшника, сразу сник.

– Да ты не бойсь, отец. Мы свои, на аэродром идем, – простодушно сказал ему майор. – Машину у нас немцы списали, пришлось пешком топать.

– А документы покажите, – не трусая, все-таки попросил водила.

– Да, пожалуйста, – майор опять достал красную книжицу и раскрыл. Водила, прочитав, присвистнул и махнул рукой на кузов.

Мы запрыгнули в кузов, аккуратно, чтобы никого не задеть, уселись. Водила тронул машину. «Рыдван», подпрыгивая на кочках, медленно пополз вперед. Приехав в госпиталь, помогли разгрузить машину, меня удивил энкавэдэшник, который вместе со всеми носил раненых. И не меня одного, легко раненые даже отказывались от помощи, говоря, что могут сами, но тот их не слушал.

От госпиталя до аэродрома было около двух верст, мы прошли их пешком. Прибыв, майор ушел к летчикам, а мы остались сидеть возле ближайшего бомбовоза. Что за штука я не знал, наверное, какой-нибудь ТБ-3 или еще чего.

Майор появился через пять минут и объявил, что вылет прямо сейчас. Пришли летчики, запустили двигатели, нам была отдана команда на погрузку. Усевшись вдоль бортов, мы стали ждать взлета. Самолет, прогрев моторы, взревел так, что уши заложило, покатились на взлетку. Закончив разбег, при котором нас изрядно потрясло, самолет оторвался наконец от земли и стал набирать высоту. Полет прошел спокойно, даже подремать сумел, только под конец уши уже ничего не слышали и замерз сильно. Приземлились мы довольно мягко. Возле самолета нас ожидал какой-то военный с капитанской шпалой в петлицах.

– Здравия желаю, товарищ майор, следуйте за мной, – коротко отчеканил «кэп» и показал направление. Меня засунули на заднее сиденье между капитаном и Истоминным.

Как только оказались на подъезде к столице, я усиленно стал вращать головой, разглядывая город этого времени. Ничего того, что я видел в свое время, не замечал. Только когда приблизились к центру, стали попадаться дома, сохранившиеся в XXI веке. К Берии, конечно, сразу меня никто не провел. Завели в какой-то кабинет в конце коридора, дали бумагу и чернила. Перьевую ручку я даже взять побоялся.

– Можно мне карандаш? – растерянно спросил я.

– Не положено, но я спрошу, – пообещал майор, – карандаш легко стереть. Что, вообще не умеешь писать?

– Да писать-то умею, но не этим, – я указал на перо, – долго же я буду тут кружева выводить.

– Пиши, у тебя время до утра.

– Ладно, а поесть ничего нет? – Я давно хотел есть.

– Я скажу, принесут.

– Ладно, будем писать. Забыл спросить, а что писать-то?

– Все, что хотел бы сообщить, все, что вспомнишь, и даже то, чего не вспомнишь. Постарайся к утру успеть вспомнить побольше.

– Понятно, не вспомню, так помогут?

– Именно так!

– Утешили. Спасибо.

– Не за что. Кушай на здоровье.

Я осмотрел кабинет, он был небольшой, одно окно, два стула, стол, еще один стул у стола. Окно завешено толстой тяжелой занавеской. Свет через нее практически не проникает. На столе настольная лампа с большим абажуром, бумага и принадлежности для письма. С краю лежит папка со скромной надписью «ВНУК». Это мне уже прозвище прилепили? Нормально. Когда и успели-то? Майор, уходивший, пока я разглядывал кабинет, вернулся.

– Сейчас принесут ужин. Если что понадобится, стучи в дверь, принесут.

– А если в туалет захочу, тоже принесут?

– Шутник тоже мне. Постучишь, проводят. Увидимся утром, не теряй времени. – Истомин вновь исчез за дверями.

Я сел за стол, открыл папку, она была пуста, наверное, в нее надо будет сложить то, что напишу. Отодвинув папку, я взял лист бумаги и удивился толщине листа. Взял перо и, обмакнув кончик пера, тут же посадил огромную кляксу.

– Блин, ну говорил же! – пробормотал я сам себе и скомкал испорченный лист. Дверь открылась, вошел человек в военной форме, на петлицах два кубаря.

«Лейтеха еду носит, нормально тут живут», – подумал я.

Вошедший лейтенант молча поставил еду на край стола, на котором было свободное место, развернулся и хотел выйти.

– Извините, не могли бы вы принести какую-нибудь корзину для испорченной бумаги? – задал я вопрос. «Лейтеха» обернулся, бросил на меня короткий взгляд, кивнул и вышел. Через минуту вернувшись и поставив ведро возле стола, так же молча удалился. А я уже вовсю уплетал вкуснейшие котлеты, хоть и холодные, но офигенно вкусные. Запивая чаем, последнюю, пятую котлету, я лениво потянулся. Поспать бы теперь, так нет, работать надо. Ограничиться написанным, конечно, не удастся, как бы я не хотел. Все равно от беседы с каким-нибудь костоломом мне не отвертеться, а может, придется и с Верховным пообщаться. Ага, мечтай, мечтай.

Для себя я уже давно решил, если будут пытаться, попробую броситься на конвой, может, сразу пристрелят. Помочь я очень хочу, но не через силу. Когда все напишу и расскажу, буду проситься на фронт, как памятный герой книги Конюшевского. Когда читал книги о попавших, даже не представлял, что такое может произойти со мной, ведь у меня нет ноутбука с инфой, нет каких либо особенных знаний, я был обычным человеком, ничем не выделяющимся. Просто много читал и интересовался судьбой предков. Очень уж меня интересовали эти годы жизни моих родных, да и других людей, воевавших и живших в это нелегкое время. Начав писать, первым делом указал дату рождения, дату попадания сюда, как-то не заметил, что уже перешел на шестой лист, правда, писал крупно. Боялся, что чернила будут сливаться.

Написал о начале войны, разгроме первых дней и недель. Про битву под Москвой, мужество людей, обороняющих город. Про блокаду Ленинграда, где от голода и холода погибнет уйма жителей. Барвенковский выступ и показную браваду Тимошенко при наступлении на Харьков. Про героев Сталинграда. Дошел до Курской Дуги. Перечислил всех командиров, так или иначе показавших себя в войне, конечно, тех, что помнил. Подустав, решил, надо попросить курева. Очень хотелось курить, поганая привычка сохранилась и здесь. Постучав в дверь, хотел уже садиться обратно, но дверь открылась, передо мной предстал тот же лейтенант.

– Слушаю, – коротко произнес он.

– Товарищ лейтенант, а мне можно курить?

– Сейчас принесу пепельницу, папиросы есть?

– Нет, откуда?

– Хорошо, – ответил «лейтеха» и вышел. Вернулся он через пять минут, поставил на стол стеклянную пепельницу, а также положил пачку папирос и спички.

– Если не хватит, принесу еще, – закрыв дверь, исчез.

Посмотрев на закрытую дверь, я взял пачку и, достав папиросу, согнул мундштук. Раз пять чиркнув спичкой, наконец прикурив. Да! Это не сигареты из моего времени. Такой горлодер – аж душу вынимает. Прокашлявшись, стал затягиваться не так сильно. Выкурив папиросу, прополоскал горло остатками чая. Интересно, сколько времени? Уже так темно на улице. Я сел и стал писать дальше. Закончил про войну. А что еще писать, какой смысл? Если война пойдет по другому сценарию, значит, и после войны все будет не так, как было в моем времени. Будут спрашивать, расскажу, а писать не буду. Сидел и вспоминал то, что читал о войне и командирах. Под утро открылась дверь и вошел лейтенант, принес чай и булочку. Я с удовольствием перекусил и уснул прямо за столом.

Как ко мне входили, я не слышал. Разбудил меня майор, трясший меня за плечо.

– Извините, товарищ майор, заснул. Притомился что-то.

– Ничего, есть хочешь?

– Не откажусь.

– Сейчас принесут. Работу выполнил?

– Насколько знал, да. Вот, все здесь, – я указал на листы пальцем.

– Отлично, я на доклад. Поешь пока и отдыхай. Может, еще нескоро понадобится. –

Майор собрал со стола все листы, спросив у меня, в каком порядке их надо разместить. Я показал. Он сложил все в папку и вышел.

В дверях возник лейтенант, но уже другой.

«Сменили», – подумал я.

Мне поставили на стол поднос, на котором лежало печенье, хлеб, масло и стакан чая.

«Во блин, даже масло есть!» – хотя я ведь в тылу, здесь с питанием лучше. Все это я прокрутил в мозгах.

С аппетитом позавтракав, я закурил. Не успел докурить, как вернулся Истомин.

– Сейчас умоешься, приведешь себя в порядок и пойдем. Нас ждут.

– Лаврентий Павлович?

– Именно, он сам решил с тобой поговорить, а то, что ты написал, отвезет товарищу Сталину.

Меня проводили в уборную, где я нашел щетку для одежды и для обуви. Умывшись и почистив сапоги, я вышел в коридор. Мы прошли по коридору, поднялись на этаж выше и оказались у кабинета с большими дверями. Войдя в них и позвав меня за собой, майор что-то сказал секретарю. Тот поднял трубку телефона и произнес одно слово:

– Прибыли.

Истомин, молча расстегнув, снял ремень и, обернув вокруг кобуры, отдал секретарю. Я подошел к столу и, вынув нож из сапога, положил рядом. Гранату Истомин отобрал сразу, как приземлились. Оказывается, он прекрасно о ней знал. Секретарь внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал, а, подойдя к двери в кабинет Берии, открыл ее.

Войдя следом за майором, вытянулся в струнку, последовав его примеру. Берия я узнал сразу, очень уж внешность у него была запоминающаяся. Портреты я видел не раз в своем времени. Поблескивая стеклами пенсне, тот смотрел строгим взглядом прямо мне в глаза. Да, сила из этого человека так и прет. И – Власть!

– Так вы и есть тот самый «Внук»? – с усмешкой в голосе, спросил всесильный нарком.

– Здравствуйте, Лаврентий Павлович, да, это я и есть, – с Берией я решил не шутить, вдруг не поймет.

– Вы свободны, – сказал Берия майору – и тот, развернувшись, вышел.

– Расскажите мне, товарищ Новиков, как такое могло получиться, что так быстро, после смерти товарища Сталина, рухнул весь Советский Союз?

«Ни фиги, откуда начал!» – и чего говорить, хотя, как есть, так и скажу, по крайней мере о чем знаю.

– Лаврентий Павлович, некоторые люди, находящиеся сейчас в высших эшелонах власти, захотели жить красиво. Сейчас они стелются перед товарищем Сталиным, а затем у них случится «головокружение от успехов», – «ага, именно так, с кавказским акцентом я и сказал». – Кое-кто так возвеличится, что будет переписывать историю войны и партии в выгодном ему ключе. И благодаря этому завоевывать популярность у народа. За власть вся верхушка будет драться друг с другом, разве что без танков. И пока будет идти вся эта возня, страна перестанет быть той, какую вы строите. Людям просто нечего станет есть.

– Смелое заявление, вы отдаете себе отчет в том, что говорите? – нахмутив брови, говоря с легким акцентом, произнес Берия. Чего-то сразу стало как-то не по себе. – Кто эти люди, вы можете их назвать? – продолжал нарком, теребя в руках карандаш.

– Могу, товарищ Берия, но понравится ли это товарищу Сталину? – решил на прямой ответ я.

– Хорошо, что знаете, к этому мы еще вернемся. – «Ага, вернешься, просто боишься прыгать через голову генсека», – подумал я.

– Вот вы тут пишете, – Берия ткнул в исписанные мной бумаги, – что враг дойдет до столицы, отчего это произойдет?

– Товарищ Берия, я могу высказаться своими словами? Ведь я не историк.

– Говорите как есть. Выводы мы сделаем сами, – нарком кивнул.

– Я, конечно, не специалист-историк, но считаю, что причин было много. Это и отсутствие авиации, после «внезапного нападения», малое количество транспорта и топлива, оружия и боеприпасов. Перебои в снабжении. Даже нехватка продуктов питания, все это складывается в такой плачевный результат.

– Все так плохо? – Берия снял пенсне, потеряв переносицу, вернул на место.

– Товарищ Берия, мне известно, что в первые месяцы войны танкисты бросали абсолютно целые танки по причине отсутствия горючего. А что делают особы и другие «представители власти»? На Ленинградском фронте, в мое время, один из представителей Ставки, выступил перед строем с такими дикими тезисами, что уши в трубочку сворачиваются, и думается, а здоров ли он?

– Что же он такого скажет? – с интересом спросил нарком.

– На вопросы о снабжении, в частности продовольствии, заявит, что солдат должен питаться утром, когда еще темно, и вечером, когда уже темно. В обед удастся сухарь погрызть – хорошо, а нет, так и на том спасибо! Даже ширину шага показывал, каким должен ходить боец Красной Армии. Это голодный-то солдат, который ноги с трудом переставляет? Это как?

– И что, это правда? Маразм какой-то. Вы, – Берия ткнул пальцем в мою сторону, – вы знаете этого человека, его фамилию.

– Если будет нужно, назову, – спокойно ответил я. – Да только он разве один? У нас почему-то так повелось, что раз при власти, то царь и бог. А простые люди – быдло и рабы.

– Вы не забываетесь? Что, в ваше время все так плохо? Как же там у вас с людьми обращаются, что народ настолько озлоблен? – Берия спрашивал все это очень твердым голосом.

– Лаврентий Павлович, говорю как есть. Какой смысл мне врать? Я не выслуживаюсь и не заискиваю. Раз уж представился случай, расскажу то, что помню. То, о чем говорили и писали в мое время. Если мне будет дана возможность, сделаю для страны все, что только смогу.

– Я наслышан о ваших похождениях, вы, правда, настолько безрассудны, или это просто глупость? – Берия несколько отошел от темы.

– Нет, просто, находясь в войсках, я хотел показать ребятам, что не так страшен черт. Немца можно, а главное – нужно бить. И ребята мне поверили и дрались отчаянно. Просто нужно думать немного, а не наказывать солдат за здоровую инициативу. Если боец знает наперед, что его же крайним и выставят, то и делать ничего не будет. Такое войско превращается в стадо, уж извините за крайность, – я замолчал, переводя дух.

– Но вы очень сильно рисковали, ведь на передовой могут убить. А вы обладаете достаточно ценной информацией. Это, по меньшей мере – глупо. Если не сказать – преступно. Конечно, все еще будет проверяться и перепроверяться, но...

– Товарищ Берия, а как вы себе представляете, как мне нужно было поступить? Прийти к особисту и сказать: я из будущего, все знаю, везите меня в Москву? Много думал по этому поводу, решил, что все равно мне не поверят.

– Ну, конечно, не так прямо, но и идти на пулемет без оружия, тоже неправильно! – Донесли гаврики про мой выход к немецкому посту и фокус с гранатой. Хотя ведь и я отчеты писал. Я выругался про себя, а вслух добавил:

– Того требовала обстановка. Когда я появился здесь, меня чуть не расстрелял политрук. Ротный заступился и поверил в то вранье, что я наговорил. Спасибо ему за это. А я, в свою очередь, попытался доказать, что он поступил правильно, сохранив мне жизнь. Конечно, это было рискованно, но не думаю, что у меня были другие варианты.

– И превосходно доказали, представление вашего командира роты, а также генерала Лебедева лично, дошли до верховного главнокомандующего, и он, узнав о вашей аванюре, сначала ругался, но потом пришел к мнению, что вы поступили хоть и безрассудно, но смело и изобретательно. Товарищ Сталин приказал вас наградить. Нет, товарищу Сталину не обо всех рядовых докладывают, но больно уж вы выделяетесь из общей массы бойцов. А уж про

вашу удачливость и трюк с пулеметом. Такие случаи на фронте нужны, это поднимает настрой в войсках.

– Товарищ Берия, это было бы невозможно без бойцов моего отделения. – Я сделал самый скромный вид, на какой был способен.

– Да, да, награждены будут все участники, – кивая, успокоил меня нарком.

– Ну и хорошо, а то в мое время с этим была большая проблема, – я перестал смущаться и стал говорить все, что, так сказать, «накипело». – В первый год войны награждали вообще очень скупое. А ведь простые бойцы не виноваты, что Гитлер к нам приперся. Люди и воюют по-другому, когда чувствуют, что их судят по заслугам. Трусом надо наказывать, а героев награждать. Это хороший стимул. У нас даже через много лет находили фронтовиков и вручали скромные награды, честно заслуженные в бою. Хотя это очень грустно, что заслуги человека оценили только через полвека.

– Мы учтем ваше предложение, я думаю, что товарищ Сталин поддержит это дело. Были люди, что выдвигали такие же предложения.

– Отлично, извините за излишнюю наглость.

– Вот вы говорили про «грызню» после смерти вождя, а я в ней участвовал? Говорите правду, не надо смягчать, – Берия опять перевел разговор на скользкую тему.

– Правду? – я с любопытством посмотрел на Лаврентия Павловича и задумался. Никому не понравится такая правда, особенно от какого-то мальчишки.

– Конечно, правду, врать у нас, видимо, есть кому и без вас, – снова кивнул нарком, и я решил.

– Вас устранили самого первого, вы имели неосторожность, стать главным конкурентом одного не в меру активного товарища. Просто потому, что были умнее и пытались работать на благо страны. Но все ваши методы, прослушка телефонов и кабинетов, слежка и авторитет главного энкаведэшника сработало против вас как бомба.

– Это за кем же я следил? – с изумлением поглядел на меня нарком.

Я стал рассказывать, что в моем времени существовало много теорий про НКВД.

– Думаю, половина из них ложь, а может – и нет. Было и такое мнение, что некоторые ваши подчиненные просто прикрывались вашим именем, творя беспредел, зная, что их никто не проверит. Выслуживались, пытаясь пролезть во власть повыше. Уж слишком разная жизнь у простых людей и у тех, кто приближен к власти имущим. У нас везде кричали о том, что вся страна опутана вашими сетями. Люди даже дома, в кругу семьи старались держать языки за зубами. Я читал, что вы, Лаврентий Павлович, споткнулись на военных. Собирая компромат, постоянно следя за всеми, вы как бы оттолкнули их. К тому же многих устранили и другие были очень злы, да и просто опасались вас у власти. Многие будут просто ненавидеть вас. Когда наступит важный для вас момент, они, припомнив вам все, просто отвернутся от вас. Это будет последней каплей, вы останетесь одни, извините.

– Да, даже и не верится, что это про меня.

«Ага, а то ты ни за кем сейчас не следишь», – пронеслось у меня в голове.

– Я предполагаю, что это пошло еще с довоенных времен, когда и вправду было много всяких уродов, но палку перегнули. Как обычно. То же самое вышло и с учеными.

– А с ними что не так? – еще больше удивился нарком.

– Множество разных людей, пусть не гениев, но действительно талантливых, сидят по ложным доносам. Их облили грязью собственные соратники, помощники, ученики. Наговаривали только для того, чтобы место занять, а что еще и работать надо, они и не думали. Вспомните, ведь наверняка, читая чье-нибудь дело, закрадывались сомнения? Или человек, пришедший на место посаженного или расстрелянного, ничего дельного не может сделать, просто потому, что не его это идея или разработка, поэтому и не может довести дело до ума.

– Я сегодня же начну работать по этому вопросу, пересмотреть придется множество дел. Это работа не на один день. Есть какие-нибудь точные имена? Желательно, конечно, чтобы вы вспомнили и то, над чем трудились эти люди.

– Кого-то, конечно, помню, некоторые совершили такие прорывы в своих областях, что их будут помнить вечно. Например, Сергей Павлович Королев, отличный конструктор и основатель нашей космической программы.

– Он признал свою вину во вредительстве. Постоянно высказывает свое недовольство властью. Дерзок и неуправляем. Имеет дурные наклонности и барские замашки.

– Этот дерзкий человек выведет в космос первого человека, на его разработках будут летать в космос восемьдесят лет, а может и дольше, я просто дольше не прожил. Как ему не ругать власть, если его, самого талантливого и перспективного конструктора, держат по каким-то доносам в тюрьме. Признался, говорите, это со сломанной-то челюстью? Сейчас, когда он мог бы приносить пользу народу, он особенно нужен. Или вот конструктор Грабин, сделавший самое удачное артиллерийское орудие этого времени, а ему не дают его выпускать. Только потому, что один идиот, который сидит в комиссии военприемки, шарахается от всего нового как черт от лаdana! Да и Тухачевский здорово «помог». И таких, к сожалению, очень много.

– Может, составите список на бумаге? Хотя это, наверное, будет очень большой список, – задумался Берия.

– У меня немного другое предложение, разрешите Лаврентий Павлович?

– Слушаю.

– Найдется ли человек, который знает все про вооружение нашей армии, он мог бы составить список, хотя бы по родам войск, а я постараюсь вспомнить все, что, так или иначе возможно предпринять. Дополню тем, что пошло на «ура» в моем времени, но запоздало. Так может получится внедрить раньше и ситуация на фронте, да и в жизни улучшится. Просто для моей дырявой памяти так легче будет. Только не из военприемки, а действительно специалист.

– Давайте попробуем. Я отдам распоряжение, постараемся доставить сюда человека после обеда, я пришлю его к вам, вот вы и поработаете, идет?

– Отлично, Лаврентий Павлович, это то, что нужно.

Мы говорили еще два часа, мне показалось, что Берия остался доволен. Потом меня проводили в тот же кабинет.

Глава 8

Когда в дверях возник человек с майорскими шпалами, я присвистнул. Он принес с собой кучу бумаг в кожаных папках, в них содержались ТТХ различных видов оружия и техники. Разговор начался вяло, пришедший явно стремился узнать уровень моей компетенции. Но постепенно мы разговорились.

– Что можете сказать о танках? – Ага, дошло до тяжелой техники. Попробую ответить.

– Немного, большой процент выхода из строя танка Т-34, это повреждение мотора и ходовой части, – вспоминая прочитанное когда-то в интернете, произнес я.

– Понятно, значит, нужно придумывать меры борьбы. Впрочем, мы вообще-то знаем, куда направить мысли инженеров. А вот вопрос, что в существующей машине можно улучшить?

– Я не специалист. Вообще, я могу подсказать только примерное направление для разработок. Просто из-за знания того, что так и так произойдет. Но благодаря этому, можно ускорить процесс и избежать неправильных решений.

– Хорошо, я вас понял. И так, что же по танкам?

– Если мне не изменяет память, то многое вы могли бы узнать, прочитав рекомендации по проекту А-20. Там многое есть. Помню, что-то про модернизацию системы вентиляции и фильтрации. Про проблему с фильтрами вам ведь известно?

– Да, я что-то слышал.

– Также нужно придумать, как изготовить систему активной защиты, я сделаю вам соответственные наброски. Обязательно усилить броню. Немцы не будут стоять на месте и скоро наша броня станет недостаточной.

– Тогда понадобится двигатель более мощный. Этот не потянет.

– Не потянет что, скорость в шестьдесят километров в час по шоссе? – усмехнулся я, вспоминая лозунги партийных деятелей этого времени.

– Да, скорость упадет. Танк потеряет в маневренности, – серьезно ответил майор.

– Я что-то не видел на фронте летящих с такой скоростью танков по бездорожью. А вот дырявых коробочек полно, – с некоторым недовольством вставил я. – Немцы активно используют против наших танков, зенитную артиллерию.

– Ну, в чем-то правы, – майор задумался, сдвинув густые брови.

– Орудие, – воспользовался я паузой, – нужно орудие калибром не менее 85 миллиметров. Со стабилизацией и более высокой настильностью. Танки улучшаются постоянно. С дистанции 300–400 метров уже никто не стреляет. Немцы добились от своих орудий высокой настильности, а у нас она, к сожалению, хромает. Нужна возможность пробивать броню 80–100 миллиметров, с расстояния километра, минимум 800 метров.

– Да вы даже не представляете, что это должно быть за орудие! – вскинулся на мои слова майор.

– У немцев же есть. Скоро они приспособят эту пушку на прототип танка. Для наших танкистов начнется ад, их будут расстреливать как в тире. Ведь мы не сможем приблизиться на нужную дистанцию, – спокойно отвечал я.

– Ну, если немцы смогли сделать, надо и нам попробовать, вообще-то есть кое-какие наработки.

– Ну, вот видите. Было бы желание. Скажите, а дивизионное 76-миллиметровое орудие, кажется, так и не приняли на вооружение?

– Чья конструкция? Грабина?

– Именно, отличное орудие.

– Ясно, нужно поднять документы по полевым испытаниям. Наверное, дорого выйдет перевести завод на новое оружие.

– Вы лучше доклады с фронта почитайте, да и не так дорого на самом деле. Зис-3 можно запустить вместо Зис-2 и УСВ, – предложил я.

– По пулеметам есть что-нибудь?

– Да, точно. Самое главное, нужно просто больше пулеметов. До войны, видимо, не успели насытить войска по уставу. В каждом отделении должен быть пулеметчик и... Снайпер! Нужно обсудить и проверить возможность запуска КПВ – 14,5 миллиметров. Ведь для ПТР используются его патроны?

– Владимирский?

– Точно.

– Не успели перед войной закончить, сейчас вроде некогда.

– Очень жаль. Он ой как пригодился бы, – может, чего-нибудь выйдет. Ведь крупняк-то есть, только до ума довести.

Разговор затянулся до поздней ночи, говорили, чертили наброски разных видов оружия. Я рассказал о нехватке автоматического оружия и предложил найти конструктора Судаева, сказав, что у него есть наметки отличного пистолета-пулемета.

– Отдельно нужно говорить на тему обмундирования военнослужащего. Для бойцов спецподразделений нужны разгрузки, для ношения боеприпасов на себе.

– А это еще зачем? Чем ремень не устраивает?

– В разгрузочном жилете очень удобно располагаются боеприпасы. Ничего не стесняет движений и взять можно больше.

– Что за разгрузка? Как она выглядит.

– Я нарисую, – и стал рисовать примитивный разгрузочный жилет. Потом объяснял, как его носить и как размещать боеприпасы.

Майор качал головой, что-то задумчиво мычал.

– Трудно будет наладить выпуск новинок в столь тяжелое время, – заключил он.

– Вещь очень простая, думаю, не должна быть сильно дорогой. Я сошью вам образец и дам на оценку, пусть мне принесут кусок какого-нибудь материала, да хоть старую гимнастерку, пару ремней от винтовок и пуговицы. Ну и иголку, нитки и ножницы. Жилеты могут потянуть какие-нибудь ателье, ведь нужны они совсем в небольших объемах.

– Хорошо, но поздно уже. Завтра продолжим. Хотя вы и так мне написали достаточно для начала, – майор попрощался и вышел, вместо него появился вчерашний лейтеха.

– Товарищ сержант, пойдемте, я провожу вас в комнату с диваном.

Я присвистнул и вышел вслед за ним. Пройдя по коридору, лейтенант показал мне на дверь.

– Там есть раковина и зеркало, бритвенные принадлежности на тумбочке.

– А где здесь туалет?

– Дальше по коридору, вторая дверь слева, – показав мне расположение клозета, лейтеха исчез. Ладно, хоть вместе со мной на унитаз не сел. Сделав все дела, я вернулся в кабинет с диваном. Умылся, побрился, не люблю с утра бриться. Правда, пришлось повозиться, бритвенных станков «Жиллет», с их безопасными плавающими головками, здесь не присутствовало. Оставив пару порезов на шее и щеках, все-таки побрился.

Спал я без снов, причем как лег, так и продрых, ничего не слышав. Утром меня разбудили рано, часов в шесть. Но выспаться я и не надеялся. Принесший завтрак вчерашний майор, с которым мы вели беседу про вооружение, выглядел, как и я, не выспавшимся.

– Что плохо спали?

– Просто два часа всего. Вот и выгляжу так. А вы как? – майор устало посмотрел на меня.

– Мне удалось поспать чуть больше вашего, но все равно не выспался.

– Работы много. Надо многое еще сделать. До обеда работаем с вами, потом я уеду, сегодня запланированы встречи с несколькими оружейниками.

– Когда успели?

– Да вот успели, – многозначительно ответил майор и, потеряв глаза, добавил: – Кого нашли в Москве.

Мы продолжили нашу беседу, под завтрак. Часа в два майор, сославшись на озвученные ранее дела, собрал бумаги и ушел. А за мной зашел лейтенант и, подав мне в руки стопку одежды, в которой я разглядел тщательно выглаженную форму, удалился, сказав, что ждет сна-
ружи. Одевшись в новенькую форму без знаков различия, согнав складки, я вышел в коридор. Лейтенант объявил, что идем обедать в столовую.

– Что, мне разрешили выходить? – с интересом взглянув на лейтенанта, я последовал за ним.

– В присутствии сопровождающего, – бросил лейтеха через плечо.

– Давай хоть познакомимся, да на «ты» будем? Новиков Сергей, – сказал я и протянул руку.

– Лейтенант Воронин, Алексей, – сказал он в ответ и пожал мне руку.

– Чем кормить будут?

– Сейчас узнаем, вроде борщ должен быть.

– Борщ, это хорошо.

А борщ был, нет, не так. БОРЩ БЫЛ – вкуснейший, наваристый, аж ложка стояла. Заправленный такой же густющей и великолепной сметаной. После приема пищи меня прово-
дили в кабинет. Только я улегся на диван, мечтая вздремнуть чуток, как появился «мой» майор.

– Собирайся, едем?

– Куда, к Сталину? – хлопая глазами, воскликнул я.

– Зачем? На завод поедем, там собрали нескольких конструкторов, попробуешь им объ-
яснить кое-что.

– Ну ладно, поехали.

Да, размечтался, к Сталину. А на хрен ему надо, с каким-то мутным попаданцем встре-
чаться. Ему и так все расскажут, плюс всю мою писанину прочтает. В моем времени люди не глупые называли его умным человеком, выводы сделает сам. А и правда, какая разница, от
меня услышать или прочитать? Только дело в вере, а он очень недоверчивый и поверит ли, неизвестно. Впрочем, если меня попробуют убраться, значит, не поверил. Хотя убраться могут и
просто ради секретности, да, задачка.

Съездили на завод! Лучше бы я молчал. Эти инженеры-рецидивисты меня заклевали. По
их словам, я абсолютно ничего не понимал в производстве. А я и не скрывал этого. Я просто
рассказал, что они же и сделали в моем времени. Не объясняя им, откуда мне пришли в голову
такие мысли. На то они и инженеры, чтобы думать, можно ли как-то мои бредни воплотить в
жизнь. Ведь я-то знал, что могут, это они артачились. Но в итоге сошлись на том, что они будут
экспериментировать, но не обещают сделать что-то уже завтра. На том и закончили. Когда
уходили, ко мне подошел один солидно выглядящий дядька:

– Я вам должен спасибо сказать. Иначе так бы про меня и не вспомнили.

– Извините, вы это о чем? – Я не знал этого человека.

– За мое орудие, Грабин, я...

«Во блин, когда его успели притащить сюда», – мелькнуло у меня в голове.

– А! Да не за что, Василий Гаврилович, – запинаясь, ответил я.

– А откуда вы про него знаете, можно спросить, ведь полигонные испытания мне не разрешили провести. Мы с коллегами испытывали его сами, как могли.

– Молодцы, что не отчаялись. И что ведете по нему работу даже сейчас.

– Откуда... Но как? – изобретатель испуганно глядел на меня, выпучив глаза.

– Не забивайте голову, товарищ Грабин. Работайте спокойно и помогите войскам хорошими пушками, – несколько высокомерно заявил я. Плевать, сами привезли сюда. Пусть теперь думают.

– Спасибо, – явно смутившись, только и проронил инженер.

– И вот еще что, нужно поработать со снарядами. Хорошо бы снаряд новый сделать – подкалиберный или простой бронебойный до ума довести. Вот тогда немецким танкам лучше сразу на заводах сгорать. – «Кто знает, может, и придумают что-нибудь», – подумал я.

– А что за снаряд?

– А вы поспрашивайте в своих кругах, – я решил заканчивать беседу, так как майор уже косился на часы. – До свидания, товарищ Грабин, было приятно познакомиться, – мы с майором пошли к машине. А Грабин в недоумении остался стоять.

– Не много ты ему сказал? – с легкой укоризной в голосе, спросил майор.

– Нормально, он понял, что раз я знаю и про его оружие, и про то, что они его по-тихому совершенствуют на своем предприятии, то и дальше думать станет.

– Ну, может, ты и прав. Только все это секретно, советуйся со мной в следующий раз.

– Чем выше секретность, тем быстрее произойдет утечка. Нормально все, – легкомысленно добавил я.

Мариновали меня две недели. Честно, думаю, отделался очень легко. С утра и до обеда – сплошные допросы и расспросы. С обеда и до вечера возили по предприятиям. А на ночь опять допросы, чтобы спалось крепче, наверное. «Умудохивали» как клячу колхозную. Вообще, я старательно намекал на то, что вспоминаю о чем-либо только тогда, когда соприкасаюсь с какой-либо вещью или ситуацией. Очень на это нажимал. Наконец меня услышали на небесах, и появился Истомин.

– Собирайся, – заявил тот с порога.

– Куда меня? – осторожно спросил я.

– К Лаврентию Павловичу. Наверное, сегодня ты последнюю ночь проведешь в Москве, по крайней мере в этот приезд.

– О как! И куда меня засунут, на зону? Или еще дальше? – Я уже ждал чего-то подобного. Больно хорошо все шло.

– Да брось ты, я говорил уже, не будут тебя сажать. Товарищ Берия все скажет.

– Заинтриговали, блин, я ж теперь трястись до последнего буду. – На самом деле, после всей той круговерти из допросов и бесед, меня уже трудно было напугать.

Глава 9

К Лаврентию Павловичу я входил один, Истомин остался в приемной. Генеральный комиссар государственной безопасности встретил меня тяжелым взглядом. Явно не в духе, что-то случилось? Конечно, случилось, война ведь идет. Что там у нас на конец сентября, начало октября? Ленинград, Киев. Нет, Киев уже потеряли, слышал сводку.

Блин, не помню ни хрена. В голове после последних дней – каша.

– Здравия желаю, товарищ Берия.

– Здравствуйте, товарищ Новиков. У меня плохие известия для вас.

– Что ж, готов понести то наказание, какое заслужил, – повесив голову, пролепетал я.

– Да нет, вы меня не так поняли. С вами как раз все наоборот. Приказ о награждении вас и разведчиков первой роты, в которой вы воевали, подписан товарищем Сталиным. Позже вам вручат заслуженную награду. Но вот с остальным...

– А что случилось-то? – спросил я, когда Берия на секунду задумался.

– Полностью потеряна связь с «вашей» дивизией, она не успела отойти на подготовленные позиции, вероятно окружение. Надеюсь, они еще не уничтожены, а просто в окружении и у них проблемы со связью. Из 111-й дивизии, помните, это ваши соседи справа, высылают группу разведчиков, они должны пройти позиции врага и узнать точно, что с войсками. Вашими друзьями-однополчанами были захвачены важные документы противника. Они срочно нужны здесь, в Москве.

– Разрешите, Лаврентий Павлович?

– Слушаю.

– Можно мне участвовать в этом рейде? Может, и от меня будет помощь. Я точно смогу пройти, причем незаметно. Меня этому учили.

– Вы что, с ума сошли, товарищ Новиков? Вы помогаете, давая руководству ценную информацию. Ваше дело – помочь нам ускорить процесс усовершенствований, это поможет целой стране.

– Товарищ Берия, извините. Я не хотел вам перечить. Поймите правильно, я провалился сюда, видимо, затем, чтобы помочь дивизии, в которой служит дед. Почему, я не знаю, ситуация на фронте сейчас много где и похуже, но я попал именно туда. Может, у меня не получится его спасти от смерти, скорее всего не получится, но и бесследно исчезнуть я ему теперь не дам. Раз так получилось, что именно после похорон останков, может и не его вовсе, меня закинуло именно к нему, так как я сразу его встретил, значит, я должен исправить ситуацию.

– Если все должно быть так, как вы говорите, не только ваш дед, а вся дивизия уже должна была погибнуть, но именно благодаря вам этого не произошло. Если так случится и его найдут, он поедет домой, я лично позабочусь.

– Нет, не надо! Лаврентий Павлович, умоляю. В нашей большой семье никогда не было трусов и не будет. Родные меня бы просто не поняли. Сейчас идет самая страшная война в истории человечества, аж до 2016 года мир не будет знать войны страшнее. И все должны внести свой вклад в победу, а она и вправду будет за нами.

Зазвонил телефон, Берия снял трубку. Послушав, что говорят, он сказал, – пусть заходят.

Вошли два человека в форме НКВД. Подойдя к Берии, оба вытянулись. А Лаврентий Павлович сказал:

– Начинайте.

Оба энкавэдэшника повернулись ко мне. Я разглядел в руках одного какой-то пенал, что ли. Его раскрыли, там на красном бархате лежали награды.

– Вы получите свою награду сейчас, а остальные будут ждать ваших друзей. Что бы не случилось, – Лаврентий Павлович снял пенсне и помассировал переносицу.

Проговорив минуты две о заслугах и долге каждого человека, один из награждающих взял в руки небольшую красную звездочку и, сделав шаг ко мне, быстро закрепил ее у меня на груди. Пожав мне руку, отошел назад.

– Служу трудовому народу, – рявкнул я. Честь не отдавал, был без «головы». Вместе с новой формой мне дали фуражку, но она лежала на столе Берии.

– Товарищ Новиков, у секретаря возьмете фуражку, которая вам положена, и приведите вашу форму в должный вид, там, куда вы отправитесь, она должна соответствовать вашему званию, – Берия показал на красивую форму энкавэдэшников. Я кивнул, взял со стола фуражку. Сначала из кабинета удалились награждающие, затем Берия протянул мне руку и, пожав мою, произнес: – Не делай глупостей, Сергей! Не разочаровывай и оправдай мое, и не только мое, доверие.

– Хорошо, Лаврентий Павлович, буду поступать, только хорошо обдумав предстоящий поступок.

– Удачи, увидимся еще и скоро.

– До свидания, Лаврентий Павлович. – «Какое еще звание, куда я отправляюсь», – подумал я.

Повернувшись на каблуках, я вышел от Берии. Секретарь остановил меня, протянув какую-то коробку. Заглянув в нее, увидел петлицы, удостоверение, именно удостоверение, а не красноармейскую книжку, кобуру с пистолетом, сумку-планшет, еще какие-то нашивки и свой нож.

– Вот это да! – Я обалдело смотрел на содержимое, а секретарь, что-то сказав, сел за свой стол.

– Что простите? – спросил я его. – Не расслышал.

– Я говорю, что написал вам бумажку, что и куда пришивать и как носить.

– Благодарю вас, счастливо оставаться, – опять круто повернувшись на каблуках, вышел и столкнулся с Александром Петровичем. Тот сказал, чтобы я подождал его в комнате с диваном, и, спросив разрешения войти у секретаря, прошмыгнул к Берии.

Вернувшись в комнату «отдыха», я достал и прочитал инструкцию. Снял гимнастерку и стал пришивать фурнитуру и знаки различия. Чего-то они не такие. Я прибыл сюда сержантом, с двумя треугольниками, а сейчас у меня два кубика. Это же лейтенантские знаки. Хорошо хоть нитки у меня были, для разгрузки принесли. А вот когда ее сошью, теперь не известно.

Через четверть часа вошел майор ГБ Истомин, был он мрачнее тучи.

– Куда сейчас? – спросил я его.

– На аэродром.

– Куда на этот раз? – Я удивленно приподнял брови.

– Туда же, откуда прилетели, только не в твою дивизию, а к соседям. Будем 235-ю искать.

– Ясно, я готов. Как же меня отпустить-то решились? – У меня даже сердце забилося сильнее.

– Не отпустить, а присутствовать рядом со мной. Начальство посчитало, что можно попробовать использовать тебя именно так, в надежде, что ты вспомнишь больше.

– Вот и я говорю, что так будет лучше, – закивал я.

– Поехали, лейтенант. Только знай: в случае захвата противником... Я думаю, понял? – с ухмылкой пробормотал Истомин.

– Ясно, – произнес я и тут же добавил: – кто лейтенант? – Я уставился на майора. – Вроде сержантом с утра был?

– Ты в документы глянь. Звание сержанта НКВД равняется общевойсковому – лейтенант.

– С чего такая милость?

– Наверху посчитали, что так надо, вопросов быть не должно.

Вот это да! Меня офицером сделали. А я ведь читал раньше и что-то про чехарду со званиями слышал, но вот вылетело из памяти. Я открыл документы и удивился своей фотографии.

– А где вы взяли мое фото?

– А ты приглядишься к нему, чего не так?

– Да вроде все так, только лицо какое-то странное.

– Сняли скрытно, увеличили.

– А, понятно. Могли бы и так, – пожал плечами я.

Приехав на аэродром, увидел уже знакомые очертания ночника ТБ-3.

– Иди, садись, – Истомин кивнул в сторону самолета. Забравшись в раскрытую дверь, уселся на лавочку. Майор тоже легко запрыгнул и устроился рядом. Летчики разогревали двигатели, боргмеханик принес нам тулупы.

– Интересно, как там дела? – задумчиво протянул я, кутаясь в тулуп. Пока еще не холодно, но помня первый полет, я передернулся.

– Прилетим, узнаем. Ты не вздумай с разведчиками свалить. Сам пристрелю, – с самым серьезным видом, произнес Истомин.

– Буду за вами хвостиком ходить, – преданно посмотрев на майора, ответил я.

– Ладно, прилетим, там видно будет. Запру тебя где-нибудь, и баста!

– Договорились. – Разговор как-то сам собою прекратился.

Самолет заходил на посадку по широкой дуге. Полет прошел спокойно, и мы готовились к приземлению. Майор, переговорив с пилотами, вернулся, сел рядом и не отходил, пока ТБ-3 не замер. Вышли мы вместе, майор, переговорив с каким-то лейтенантом, вернулся ко мне. Усевшись в машину, в которой нас ожидали два бойца, сначала молчали.

– Мне доложили, что группа вышла час назад, так что без тебя справятся, – наклонившись ко мне, сказал майор.

– Ну и ладно, можно я с вами буду, послушаю, что происходит, может, вспомню чего, через вас донесем до командующего.

– Хорошо, как приедем, сразу в штаб, – закончил диалог Истомин.

Приехав в расположение, я увидел полный разгром, кругом воронки, разбитые машины и кровь. Спросил у первого попавшегося красноармейца, что случилось?

– Так бомбили нас с утра, народу побило... – протянул боец и попылился по своим делам.

– Ясно, спасибо, – я повернулся к Истому, – товарищ майор, я «до ветру» сбегать? Да посмотрю вокруг. Может, помочь надо?

– Далеко не уходи. Возможно, скоро отступать придется. Я в штаб, придешь туда, спросишь у бойцов, где он.

– Хорошо, все понял. – А сам стал искать глазами, где бы взять оружие и патроны. Ну не могу я просто сидеть, когда моим родственникам жопа светит. Остановил проходящего мимо бойца, спросил, где у них тут оружейка, или что ее заменяет. Боец, посмотрев на мою форму, показал куда идти.

Нашел я быстро, оружие хранилось в одной из землянок, в ней хозяйничал, естественно, «зловный» старшина. Хотя и он, разглядев форму, только спросил, чем помочь.

Сказав, что мне нужен автомат, пяток гранат, патроны и желательно какая-нибудь старая форма, я уставился на старшину.

– Куда же вы собрались, товарищ сержант госбезопасности?

– Военная тайна. Очень нужно. – Ну, что еще я мог сказать.

– А документы ваши можно? – Какой въедливый старшина попался, но документы у меня теперь были что надо.

– Пожалуйста, – я достал и раскрыл удостоверение. Тот не стал его брать в руки, но долго читал. Наверное, точки с запятыми считал.

– Автоматов нет, все у комендантской роты. Остальные разведка забрала. Берите винтовку, самозарядку.

– СВТ?

– Так точно, ругают их, конечно, но за ней просто следить нужно, – с видом знатока заметил старшина.

– Раздолбаная, наверное, и нечищенная?

– Лично перебрал, все с ней в порядке. Берете?

– Давай, патронов сотню найдешь? – в рифму вопросом ответил я.

– Ну, сотню найду, но в пачках! – махнул рукой старшина.

– А запасных обойм нет?

– Четыре дам, больше нет.

– Хоть что-то. А как с гранатами? – Я решил, что нужно просить много, тогда получу хоть что-то.

– Две штуки, больше не дам, как хотите.

– Уговорил. С формой поможешь?

– Дам, но рядового. Зато – не дырявая.

– Ее и надо. Давай, – старшина вытащил сидор, положил в него комплект формы, прилонил к стене СВТ, достал гранаты и все остальное. Все аккуратно сгрузил в мешок. Записал в какой-то журнал и попросил расписаться.

Глава 10

Выйдя из землянки, я направился к ближайшим кустам. Переоделся, зарядил винтовку. Поверю старшине на слово, что она чистая. Набил запасные обоймы. Спрятал в карманы по гранате. Собрал свою гэбэшную форму, пошел обратно к старшине. Отдал ему все, что с себя снял, добавил фуражку. А он протянул мне пилотку, которую забыл дать сразу. Я натянул пилотку и вышел. Так, куда идти? Надо бы узнать по-тихому, в какую хоть сторону ушли разведчики. Перехватив одного очкарика, наверняка штабной, решил его спросить.

– Слушай, я привел языка, разведчики послали. Пока сдавал его, мои в рейд ушли. В какую сторону пошли, не видел? Знаю, что они собирались круг давать и уйти могли в любую сторону, где теперь их найдешь. Ты не думай, что я как оборванец одет, вот мои документы.

Я показал бойцу корочки. Тот взглянул, глаза расширились.

– Так вон туда они пошли, в сторону артиллеристов, – он показал рукой, – только уже часа два прошло, не догоните.

– Спасибо, брат, догону, они меня все равно ждать будут.

Я почти бегом направился к пушкарям. Подойдя, я выбрал новую жертву, опять молодого.

– Привет, земляк! Разведка туда прошла? – я показал в сторону рукой.

– Привет, да туда, но давно, часа два назад, – артиллерист показал в ту же сторону, куда я сам предположил. Ладно, дальше дело техники.

– Спасибо огромное. – Я припустил бегом.

Пробежав с километр, пошел шагом, доставая из-за пазухи карту. Прикинув, куда пошли разведчики, я быстро понял их маршрут и свернул правее. Карту, кстати, я зажал у Истомина, взял посмотреть и не вернул.

Путь я выбрал не самый легкий, можно попасть прямо в логово зверя, но я рискнул. И не прогадал. Отмахав пяток километров, понял это, увидев деревеньку, сожженную, правда, но остатки еще просматривались. Эта деревенька в шесть дворов раньше была на правом фланге нашей дивизии. Если все верно, скоро должна будет показаться подбитая машина, на которой ехали мы с майором на аэродром. И точно, остов обгорелой эмки стоял на обочине дороги. Видно, загорелась, когда «лаптежник» нас утюжил. Я вошел в лесок и стал пробираться по краю, здесь уже могли появиться немцы, в любое время. Первые окопы появились неожиданно, видно, уже после меня копали, наверное, немец во фланг бил. Да, мясорубка! Все – люди, лошади, техника – перемешаны с землей. Кругом танковые следы, воронки, останки людей. Блин, их просто раздавили, но почему так мало гансов пожгли? На поле стояли всего четыре танка PZ-II и один PZ-III, один БТР-251, он же гроб «Ганомат», и один грузовик «Опель». Сколько же танков здесь лезло, что они сумели смять наши позиции с такими малыми потерями? Десятка три, не меньше. А это сила. Винтовка давно уже была в руках, я был готов, но все равно растерялся, когда увидел их, наклоняющиеся к земле серые мундиры были уже рядом.

Это были трофейщики, мародеры. Они обирали трупы своих солдат, вытряхивали из карманов скудное содержимое. Наших просто шмонали, переворачивая, как тряпки, и отходили. Гансов было трое, один меня сразу заметил, я был всего в нескольких десятках метров от них. Немец нервно стал снимать с плеча карабин, а я вскинул винтовку, не до маскировки сейчас. Когда в прицеле появился уже начавший говорить «барахольщик», я нажал спуск. Выстрел прозвучал довольно громко. Фашист упал, схватившись за грудь. Остальные с выпученными глазами стояли как вкопанные.

– Хенде-хох, ком! – я махнул им рукой, чтобы шли ко мне. Они робко поплелись, осторожно оглядываясь. Подойдя ближе, они бросили оружие и мешки, задрали руки еще выше. А я вдруг подумал, а чего я их живыми-то беру, я все равно ничего по-немецки не понимаю.

Допросить не получится. Винтовку на плечо, ТТ в руку. Получилось довольно быстро. Только успел передернуть затвор, как один из гансов бросился на меня. Повалив меня на землю, он пытался выхватить пистолет. Но тот был повернут ему в живот, а развернуть его я не дал. Выстрел прозвучал глухо, немец обмяк. Выбравшись кое-как из-под труп, я увидел второго фашиста. Постоянно оглядываясь, он пытался убежать, спотыкаясь и падая. Далеко не убежал, между нами метров сто пятьдесят, и я уже навел винтовку на него.

«Да, с такого расстояния не должен промахнуться», – треснул выстрел, вылетела гильза, а немец, широко раскинув руки, полетел на землю. Осмотрев труп, нашел у одного в мешке целую кучу красноармейских и командирских книжек. Свалил их в свой ситор, пошел дальше, но уже осторожней. Оказывается, я вышел прямо на бывшие позиции, в том месте, где прошли немцы. И стоило ждать гостей. Барахольщики далеко бы от своих не ушли. И точно, показалась четверка гансов, шли прямо сюда, шли осторожно, слышали стрельбу, наверное, вот и крадутся как мыши. Я прятался за разбитым танком и, когда немцы оказались близко, решил залезть под него, чтобы наверняка остаться незамеченным. Когда они прошли мимо танка, я прямо из-под него выстрелил несколько раз из СВТ. Ох и хороша чертовка, три секунды, четыре труп. Поменял магазин на полный, в пистолете тоже сменил, порядок. Однако нужно забрать левее, обойти попытаться. А то они так и будут на меня идти. Или сам выйду – на танки.

Забирая левее и прижимаясь к земле, я шел минут двадцать, слышимая впереди стрельба затихала. Слышались редкие хлопки минометов. Да, значит, еще кто-то держится, надо, что-то придумывать. Пройдя еще немного, я увидел танки. Здоровенные серые туши стояли возле небольшой рощицы. Рядом стояло два грузовых «Опеля» и солдаты в грязных комбезах крутились возле них.

«И чего вы тут собрались, милые?» – я уже беседовал с умным человеком, с самим собой.

Наверное, те, кто еще жив, засели где-то в этом лесочке. Рощица и вправду отсюда больше походила на лес. По крайней мере другого конца видно не было. «Панцеров» было немного, я задумался. Как же могли такими силами уничтожить дивизию. Ответ пришел быстро. Идиот я, Берия же сказал, они в кольце! Значит, немцы с той стороны тоже где-то есть. А те, что прошли здесь, двинулись дальше, оставив только рембат, ну или чего-то такое. Надо пробираться в лес. Осуществить это оказалось не просто. Но помог случай. Услыхав сзади натужный рев мотора, я увидел ехавший грузовик. Дороги тут не было, ехать он вынужден был медленно.

Машина, это, конечно, хорошо. Но как в нее попасть? Я лежал и смотрел на приближающуюся машину. Водила явно к лесу прет, там по самой окраине дорога проходит.

– Это моя машина, и я на ней поеду! Была, не дала, – произнес я.

Резко вскочив, навел СВТ на кабину. Грузовик был уже метрах в десяти. Водитель со всей дури нажал на тормоз, сидевший рядом охранник приложился о стекло и выскочить не успел. Пуля из автоматической винтовки, сделав аккуратную дырочку в лобовом стекле, вошла в грудь немца. Быстрый перевод оружия на водителя, тот сидит, поднимая руки над рулем. Подскочив к машине, открыл дверь и вытащил за рукав труп охранника. Падая на сиденье, заорал: «Шнель!» Повторять не пришлось, немец нажал на педаль, и автомобиль тронулся.

Всю дорогу до леса я смотрел то в зеркало, а то выглядывал из окна назад, преследования пока не было. Вдалеке кто-то виднелся, но попыток погнаться не делал. Глядя назад, я проморгал, как в нас начали стрелять из леса. Водила сразу упал на руль и повис, а неуправляемый болид, с названием «Опель», вломился в кусты и врезался в дерево. Благо скорость была небольшая, через стекло я не вышел, хотя не мог этого сделать, так как давно лежал на полу, скрючившись в бараний рог. С руля капала кровь и скапливалась в небольшую лужицу. Мне было немного дурно, да еще ударился, когда врезались.

Распахнулась дверь, чьи-то крепкие руки выволокли меня наружу. Не успел я встать на ноги, как со словами – так он сука наш! – мне в голову прилетела нога, обутая в грязный, стоптанный сапог. Мне как-то сразу поплохело еще больше, и я вырубился. Очнулся, когда

меня поднимали, видно, недолго я сны разглядывал. Связали руки качественно, еле пальцами шевелил. Во рту чего-то мешает, сплюнул и увидел вылетающий вместе с кровью зуб. Это что ж, за изверги-то такие? Бля, рожа разваливается, по ней как молотком били.

– Мужики, вы бы хоть допросили сначала. На хрен рожу-то набок сворачивать?

– Заткнись, падла, вот сдадим кому надо, пусть он с тобой беседы разговаривает. Так побеседуете, что будешь просить пристрелить. А мне на хрен все это не нужно.

– Да, может, сами его? – спросил второй голос.

– Да ну его, мараться еще, политрук и сам пострелять любит.

Меня тащили недолго, возле каких-то кустов бойцы остановились. Один свистнул, из кустов появилась голова, за ней и все остальное. Рука на перевязи, в петлицах три треугольника.

– Кого тащите? – спросил боец с забинтованной рукой.

– Товарищ сержант, взяли одного, ехал в машине с немцами. Их положили, а он, хитрый, на пол успел лечь. Но попался!

– Немец-то всего один был, водила, он и так с мокрыми штанами сидел. Можно было и не стрелять.

– Молчать тебе сказали, ща добавлю на орехи! – это все тот же футболист долбанный угрожает.

– Отставить. Это ты его так отметелил, Сметанин? – спросил сержант.

– Один раз и ударил-то.

– Все, прекратить разговоры, уходим в лагерь.

Шли по лесу мы минут двадцать. Лагерь представлял собой несколько палаток, стоящих кольцом. И из одной палатки вылезал, Он! Ну почему я с ним встречаюсь всякий раз, как появляюсь в дивизии деда. Опять этот политрук, а меня ведь к нему ведут. Попал.

Эта гнида аж в лице изменился. Губы застыли в каком-то зверином оскале.

– Снова ты! – он был на седьмом небе от счастья. Конечно, сейчас отыграется. Буквально подбежав ко мне, с ходу зарядил мне в ухо. С ударом бойца ногой, конечно, не сравнить, но слышать я на минуту перестал.

– Да что же вы все меня окучиваете-то, а? Слышь, политрук, ты хоть документы проверь, трудно, что ли? – я, уже не сдерживаясь, матерился и плюнул на все.

– Заткнись, гад! Я с тобой только начал.

– И уже закончил, – услышал я голос ротного, – у тебя совсем ума нет, что ли? – орал капитан на политрука.

– Это не твое дело, капитан! Я сам с ним разберусь.

– Что тут за сабантуй? – я взглянул в сторону говорившего, ого, сам Лебедев, живой значит. Все на секунду как-то затихли.

– Так я вопрос задал, кажется, – генерал, нахмутив брови, встал рядом.

– Товарищ комдив, бойцы предателя привели, а я давно его подозревал. Вы его еще наградить хотели, а он, сволочь, давно Родину продал, вот и опять попался.

– Если бы ты так ее продал, как он, я бы и тебя наградил. Ты вот в лесу сидишь и дальше своей палатки нос не высовываешь. А человек сюда через фрицев прошел, мы ведь в колечке – забыл? Здравствуй, боец, Сергей, правильно? Как ты здесь оказался?

Было очень приятно, что комдив меня не забыл.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор, сюда, – я обвел глазами округу, – парни притащили, а так вообще-то вас искал, то, что от дивизии осталось.

– Ага, нас он искал, продал раз, не всех добились, еще раз прислали. – «Еще немного, и я врежу этому дебилу». Выручил Лебедев:

– Слушай, политрук. Шел бы ты куда-нибудь уже. Займись делом. Оставшихся живых бойцов нужно посчитать.

- Я выполняю ту работу, на которую меня партия поставила.
- Выполнять! – рявкнул Лебедев и повернулся ко мне. – Развяжите его уже!

Подбежал один из солдат, разрезал веревку. Я потер затекшие уже руки и полез в карман за документами.

– Товарищ комдив, разрешите обратиться? – обратился я, дождавшись, когда он заглянет в документы.

– Обращайтесь, товарищ сержант госбезопасности. – При этих словах лица политрука и пинавшего меня красноармейца вытянулись. Еще бы, звание у меня теперь равняется пехотному лейтенанту. Лебедев кивнул мне, давая знак отойти в сторонку. Посмотрев вокруг, я негромко начал доклад.

– Товарищ генерал, два дня назад с вами была потеряна связь. По данным разведки установили, что вы в окружении. Командующий корпусом приказал разведчикам 111-й дивизии найти сведения о пропавшей 235-й. Или найти выживших – если удастся. А еще, у вас должны быть некие документы...

– Есть такие, продолжай, – качал головой комдив.

– Я самовольно, так как разведчики были посланы ранее, покинул расположение в попытках их догнать. Выйдя к лесу, произвел захват автомашины. При попытке доехать до леса через вражеские позиции был обстрелян вашими бойцами и взят в плен.

– Это наши тебе так лицо помяли? – спросил генерал.

– Перестарались парни немного, да я понимаю, они же не знали, что я у фрицев «такси» возьму.

– Да уж, бойцы, – Лебедев громко, обращаясь уже к солдатам, стоящим боясь поднять глаза, – вы бы хоть документы у него посмотрели, теперь что? Вас всех арестовывать?

– Товарищ генерал, не надо никого арестовывать, в принципе-то правильно все сделали. Война идет. Ничего страшного, не убили ведь. Хотя документы могли и посмотреть.

– Да, ничего страшного? У тебя вон вся рожа синяя и шепелявишь, чего зубы выбили, что ли?

– Один выпал. Да ладно. Можно воды, рот прополоскать, тащ генерал? – малость упростил я обращение. Генерал не обратил никакого внимания на мою наглость.

– Принесите воды и пойдем в мою палатку, – генерал приказал какому-то бойцу и, обернувшись к моему бывшему ротному, добавил, – Афанасьев, пойдем с нами.

– Новиков – твою мать! Как ты сюда залез? – начал Лебедев, когда полог палатки опустился. – Мы тебя уж похоронили. Как с гэбэшником уехал, ни слуху, ни духу. Видишь, что стало с дивизией. А знаешь, как про тебя ротный говорил? Ты нам удачу приносил. А без тебя – расхреначили нас под орех, – Лебедев сплюнул и крепко выругался.

– Ну, уж вы наговорите тоже, товарищ генерал. Где я и где везение? Я тут что, один воевал? Просто пока у фрицев сил поболее будет. Ну, ничего, скоро мы свое возьмем.

– Да никто и не спорит, что возьмем. Вылезти бы сначала из этой задницы.

– Вылезем, товарищ командир. А что, скажите, жив ли Потемкин? Связист-то ваш? – я взглянул на Афанасьева, меня очень интересовала судьба деда.

– Живой, хоть связи и нет больше. Когда по нам поехали танки, он обрыв искал, увидел, что происходит, и схоронился. Потом к нам приполз, вместе и вышли. Ты-то каким ветром? – ответил ротный и сам задал вопрос.

– Исключительно попутным. Разведчики к вам ушли из 111-й, а я за ними. Их догнать не получилось, но к вам вышел. Пришлось, правда, побегать. Хорошо старшина СВТэшку дал, с мосинкой – я бы не смог пройти. А с этой хоть очередями фрицев вали, да в штабеля складывай. Хороша зараза, надо кстати почистить.

– Да уж, капризная она немного, чисти хорошенько, тем более говоришь – помогла, – капитан кивнул.

– Еще как! – я любовно погладил по цевью винтарь. – Еще бы «глушак» на нее и цены бы не было.

– Чего на нее? – капитан удивился.

– Ну, приبلуда такая, для бесшумной стрельбы. Вещь, – я показал оттопыренный большой палец.

– А-а. Чего-то такое я видел однажды, на наган ставили, «Брамит», что ли? Не помню. Говорили, что он как будто пукает с ним, почти не слышно.

– Во-во! Вот бы такой на «Светку».

– Живые останемся, есть у меня толковый спец, он в оружейной мастерской работал до войны. Сейчас где-то в соседней дивизии трудится. Дядька в годах, его на фронт и взяли-то только потому, что любой ствол с закрытыми глазами отремонтировать может. Если сам жив, конечно, в такой-то жопе, – ротный покачал головой.

– Товарищи, – прервал нашу беседу с ротным молчавший комдив. Видимо, что-то обдумывал. – Сержант, как там соседи наши, устояли?

– Прямо перед моим появлением их с воздуха расхреначили. Крепко досталось, однако держатся, – ответил я.

– Когда успел в «безопасность» попасть? – был следующий вопрос.

– Да вот, пока в Москве был, к НКВД и подчинили.

– Ого, в Москве был? Ну и как там столица? – с неподдельным интересом посмотрел на меня Лебедев.

– Да нормально, патрулей много, окна в домах заклеены, баррикады кое-где. Парни мои живы?

– Казах здесь, сейчас где-то лазает, дырку ищет. Синицын погиб. На штаб танк полз, так он с гранатой на него, танк подорвал, но и его из пулемета срезали. Зимин тут, Вано ваш «Большой». Вся троица в поисках выхода.

– Надо же, все-таки судьба у Синицы такая, один раз увернулся от нее, а все равно достала, – покачал я головой.

– А когда был первый раз?

– Как-нибудь расскажу. Товарищ генерал-майор, какие будут приказания?

– Если так пойдет дальше, то скоро вместо меня один майор останется, без генерала. И это еще в лучшем случае.

– Не берите в голову, товарищ генерал. Придумаем что-нибудь. С той стороны, откуда я пришел, силы у немцев небольшие. У вас, сколько людей осталось?

– Точно не скажу, еще многие подходят, но что-то около четырехсот человек. Два танка, орудия, минометов пара штук. Три полуторки. Топлива мало.

– Топлива километров на двадцать хватит?

– Я думаю, да. Что, дырку в немецком тылу нашел?

– Есть немного, да и не тыл там, просто фрицы еще не все обложили. Но танкистам придется тяжело, как бы ни страшно было это говорить. Они в прорыв пойдут, я думаю, первыми. В одном месте видел несколько танков, штуки четыре. Те, что я видел, стояли, может, неисправные. Так что двое на одного.

– Тогда так, запускаем танки, у меня оба – тридцатьчетверки. Одновременно минометный и орудийный огонь, если танки у фрицев сожжем сразу, пушки цепляем к машинам и вперед. На танки пехоту возьмем, пусть отсекают солдат. Думаю, может, получится.

– Я тоже думаю, получится. Можно выйти вперед с пехотой, присмотрим за подходами к лесу, чтобы не дать немцам подобраться. А как отгоним, тут вы, товарищ генерал, и действуйте. Я с пехотой пойду, – ротный явно что-то придумал. Но вмешался генерал, обращаясь ко мне:

– Ты ведь теперь по званию сержант ГБ? У меня ротных не хватает, совсем беда, – комдив почесал голову.

- Да, цельный сержант, – с улыбкой ответил я.
- Значит так. Возьмешь вторую роту и вперед. Сможешь?
- Можно я своих из первой заберу? Трех человек, – вопросом ответил я.
- Разведчиков? Хорошо. Все, что-нибудь нужно?
- Так патронов бы, гранат.
- Патронов дадим, целый грузовик успели вывезти, а вот гранат – нет! – Генерал повернулся к ротному.
- Пусть все бойцы берут максимально возможный боекомплект. А в машины раненых, много их у нас. Понял, капитан?
- Ясно, тащ генерал. Раненых и, правда, много.
- Очень много, они нас вяжут здорово. Постараемся по машинам распределить всех. Легкие сами попытаются идти. Как-нибудь, но выйти надо.
- Разрешите идти? – я вскинул руку к голове.
- Иди сержант, береги людей и сам осторожней. Я не спрашиваю, как именно ты здесь оказался, но думаю, влетит тебе по первое число.
- Это мои проблемы. Разгребу как-нибудь, – улыбнувшись, ответил я. А то, что влетит, так это еще мягко сказано. Даже не знающий ничего Лебедев и то все правильно понял.

Глава 11

Да, совсем жопа дивизии. Четыреста человек осталось, меньше трех рот. Когда я уезжал в Москву, дивизия тоже по составу только название имела. Но не так же. Выйдя из палатки, пошел к бойцам. По пути поймал какого-то сержанта. Попросил проводить ко второй роте. Хотя рота и не моя, но меня все знали. Парни удивились, что меня назначили к ним командиром, но недовольства не было. Быстро собрав всех, объяснил диспозицию моим теперь уже подчиненным и велел пополнить запасы.

– Берем по максимуму. От того, сколько унесете, зависит ваша жизнь.

– Товарищ сержант, разрешите вопрос, – раздался голос молодого парнишки, имевшего такой красивый голос, что хоть в оперу его.

– Говори.

– Польза-то хоть будет от наших смертей?

– Нельзя так говорить, польза есть всегда, вы воюете за Родину. Хватит нам уже болты болтать, пришло время – воевать.

Нагрузившись как верблюды, мы тронулись в путь. До окраины дошли спокойно и залегли. Один из сержантов достал бинокль.

– Сержант, откуда у тебя «глаза»? – удивившись, спросил я.

– Так от ротного остался, возьмите товарищ сержант госбезопасности, – парень протянул мне бинокль.

– Откуда знаешь про звание?

– Так слышал, как вас называли.

– Молодец, слушай теперь вокруг, может, услышишь чего. И это... – Я замаялся, – просто сержант, ясно?

– Понял.

А услышать было трудно, невдалеке стреляли, были слышны выстрелы карабинов и пулеметов. Редко громыхали своими пушками танки.

– Товарищ командир, там сзади трое ребят подошли, сказали к вам, – кто-то тихо произнес за моей спиной.

– Пусть сюда ползут. Как раз им работа намечается, – ответил я. Прекрасно представляя, кто пришел.

Справа меня дернули за плечо, я повернул голову и увидел радостно скалящегося казаха.

– Ну и чего ты скалишься, морда нерусская? Смешное чего увидел? – ехидно заявил я.

– Так на тебя, командир, посмотришь, трудно сдержаться, – не менее ехидно ответили мне. Это он на мою морду разбитую смеется. Ну-ну.

– Здоров, друг казахский!

– Привет, Серега! – радостно сказал казах.

– Где остальные? – обвел я глазами вокруг.

– Тута мы, – тут же раздался радостный голос Сани Зимина.

– Здорово, славяне! – я тоже очень обрадовался.

– Не все славяне, – как обычно возразил казах.

– Та помню я, что ты нерусь поганая! – сказал я и засмеялся. А Мурат смущенно вытянул.

– Я русский! – протянул казах.

– Ага, это я казах, – уже не сдерживаясь, ржал я.

– Да ладно, Серег, не знаешь его, что ли? Он тут долго прикидываться может, – сказал Саня Зимин, а Мурат добавил:

– А ты наверняка еврей! Всегда вопросом на вопрос отвечаешь. – Все вокруг откровенно потешались над нами.

– Уговорил, черт казахский, ничья. Слушайте сюда, бойцы, – начал я, – предстоит нам, ребята, немцам кровушку пустить. Конечно, и своей землю обильно удобрить придется, если не получится пройти.

– Нам что делать? – уже серьезно посмотрел на меня Зимин.

– Мы вроде как передовой дозор, но... Среди наших много раненых, следовательно, не все смогут быстро передвигаться. Надо помочь.

– Чего придумал? – спросил Зимин.

– Наверное, опять к гансам с пустыми руками пойдет, – сказал Мурат.

– Немного не угадали, проведем разведку боем. Наши пойдут напрямую, там фрицев немного. А мы с вами обойдем слева и ущипнем их за толстый волосатый сосок. То есть во фланг. Все ясно?

– Да как скажешь, – Саня как всегда был согласен на любую авантюру.

– Тогда ваши предложения, как нам это лучше сделать.

Обмозговав план, послали гонца к генералу, чтобы начинал атаку по первым звукам боя с нашей стороны. Сами под прикрытием деревьев стали медленно обходить позиции врага. Судя по малому количеству войск и техники, здесь у фрицев, похоже, был рембат или что-то вроде этого. Они стояли небольшим выступом на север, а главные силы ушли на северо-запад, прокатываясь по 235-й дивизии. Через час мы выбрали позицию, с которой отлично просматривались немецкие позиции. В то же время вражеские танки мы обошли и их можно не бояться. Это давало возможность отвлечь немцев и заставить их повернуться к нам. Атаковали мы всей ротой тупо в лоб, так как нашей задачей было как раз отвлечение внимания противника. Хотя и не совсем в лоб, тоже ведь с фланга ударили.

Подойдя метров на триста, открыли огонь со всех стволов. Рота, это про нас громко сказано, скорее пара взводов, но эффекта мы добились. Немцы бегали, суетились. Орудий и минометов не было и в помине. Те, кто успел поднять оружие, были смяты натиском. Когда мы увидели танки, даже не успели залечь, так как вылезшая из леса толпа, да при двух тридцатьчетверках, быстро смела все на своем пути. Танки немцев были уничтожены в минуту, танкисты знали свое дело. Когда мы заняли немецкие позиции, объявили общий сбор. Командование приняло решение выходить немедленно в направлении 111-й дивизии. Но мне опять не судьба посидеть на заднице ровно. Я не забыл о группе разведчиков, ушедших в немецкий тыл. Не найдя нас, они могут нарваться на разозленных гансов. Жаль парней, если погибнут. Меня отыскал какой-то взмыленный боец и позвал к генералу.

– Товарищ генерал-майор, разрешите доложить?

– Разрешаю, говори, сержант.

– Тащ генерал-майор, задача выполнена, во время операции по отвлечению противника было уничтожено два десятка солдат, девять человек захвачено в плен. Наши потери: ранено 18 человек, убито 6.

– Молодцы, ребята, такое дело сделали, – потряс меня за руку комдив.

– Товарищ генерал, мне необходимо вас покинуть.

– Не понял, что еще за новости?

– Я вам докладывал. На ваши поиски была отправлена группа разведчиков. К вам она не вышла, ребята могут попасть на немцев.

– Даже не знаю, как и поступить. Капитан, что думаешь?

– Ну, формально, нам он не подчиняется. Можем закрыть глаза.

– А не снимут ли с нас голову за то, что мы глаза закроем, – Лебедев задумчиво потряс головой.

– Товарищ генерал, разрешите просьбу?

– Тебе что-то нужно, ведь так?

– Если возможно, отпустите со мной мою бывшую группу, – произнес я и отвел взгляд.
– Ишь чего задумал – хитрец! А вот это я точно не имею права. Лучших разведчиков положить.

– Да никто не собирается их положить, пройдем аккуратно, поищем. Парней найдем и обратно.

– Сержант, ты что-то явно нахальнее стал, как звание получил. Вообще-то меня за это по голове не погладят. Ладно, но только благодаря твоим заслугам. Капитан!

– Да?

– А не послать ли нам разведку? – опять нарочито задумчиво, произнес комдив. – Проверить тылы, вдруг немчура за нами по пятам идет?

– Слушаюсь, товарищ комдив, вышлем группу Зимина.

– Ты все понял, сержант?

– Понял, товарищ генерал, разрешите идти?

– Иди!

– Спасибо, товарищ генерал!

– Бойцов береги, ну и сам... – Лебедев пожал мне руку, а Афанасьев подмигнул.

– Есть! – Я развернулся на пятке и зашагал на поиски бойцов. Найдя ребят в сторонке, я не знал, как начать разговор. С чего начать-то хоть. Выручили сами ребята:

– Серега, ты с нами? – окликнул меня Зимин.

– Немного не так, вы со мной? – Я пристально оглядел бойцов.

– А ты куда?

– Тут такое дело, – начал я, – сразу скажу, пойдут только добровольцы.

– Ну, опять начинается, – промычал казах.

– Серег, мы уже говорили тебе, куда ты, туда и мы! Без разговоров. Если, конечно, начальство не против, – чуть подумав, добавил Зимин.

– Даже обратно? – Мужики переглянулись, улыбки исчезли. На меня смотрели три пары глаз.

– В смысле, обратно? – первым спросил Зимин.

– В прямом. Обратно в лес, идем искать разведчиков, – продолжал я невозмутимым голосом.

– Это что же за разведка такая, что ее искать надо? – продолжал недовольно давить Саня.

– Которая и должна была вас обнаружить, но не успела, видимо, я к вам раньше свалился.

– Ясно, пойду, гранат побольше выпрошу, – сообразив, что затея рискованная, произнес Мурат.

– Ага. И патронов не забудь, – крикнул я вдогонку.

– Чего, постреляем? – подал голос Ваню.

– «Здоровый», ты все еще не настроился? Мы там знатно пошумели мужики, наверное, придется и еще.

Лес жил, лес кипел. Жил своей удивительной жизнью. Одно настораживает и пугает, совсем не видно его жителей. Даже птицы как будто все испарились, исчезли. Война толкает от себя все живое. Идем по лесу, а кажется, что по кладбищу. Наверное, потому что это и есть, одна общая, братская могила. Не важно, свои или чужие, но трупов кругом – тьма!

Где-то в стороне слышалась стрельба, но довольно редкая. Как будто люди боялись нарушать тишину леса, но все же тревожили ее – мертвую тишину живого леса. Выйдя на небольшую полянку, открылась страшная картина: множество погибших солдат обеих армий. Кругом были люди, неживые, но люди. Страшно, очень страшно все это видеть. В XXI веке и не представить себе такое. Смердело, запах разложения густо висел в воздухе.

Невдалеке простучал немецкий пулемет, как швейная машинка прострекотала. Любой звук на войне хочется сравнить со звуками мирной жизни. Порой получается, но не расслабишься – нельзя. Поляну пересекли ползком и чуть не наткнулись на немцев. Те шли широкой цепью, нас заметили сразу.

Перестрелка началась резко, выстрелил карабин, с хрустом треснула мосинка. Кто-то из наших кинул гранату, да не одну. В ответ летят и немецкие гранаты. Взрывы раздались близко, заставив вжаться в землю. Осколки, не разбирая дороги, свистят вокруг. Что-то обжигает ногу, не сильно, сразу и не заметишь. Лишь тепло, быстро переходящее в жжение, растекается по ноге, заставляет опустить глаза. Штаны окрашиваются в красный цвет. Вроде и не больно, но панику не заткнешь. Блин, твою мать! Ранило. Черт, тут даже антибиотиков нет. Так – стоп. Надо эту панику прекращать, до добра не доведет. Вон, лежавший рядом казах увидел, что я ногу разглядываю, посмотрел и кинулся ко мне. Встав почти в рост. Сейчас приставать начнет.

– Куда, дурак! – я выматерился. – Мурат, не время, тут не очень серьезно, даже не больно, – попытался я пресечь деятельность казаха, уже начинавшего осмотр.

– Ага, так я и поверил, – он достал нож и прицелился резать штаны.

– Ты чего удумал, демон казахский?

– Штаны резать буду. Сам ты демон, – спокойно продолжал друг.

– А я чего, в одних портянках потом пойду? Сниму сейчас, по сторонам смотри, – кое-как снял штаны, боль и вправду была несильной. Как ни странно, но страха не было. Как будто с уже затянувшейся ранки корку отодрали, щипало да подергивало немного. Казах сноровисто полил водой и забинтовал. Пока бинтовал, его и самого чуть не пристрелили. Пули свистели прямо над головой. Ранка была чуть выше колена. Нога гнется, короче нормально, лишь бы грязь не попала. Одевшись прямо лежа, кивнул Мурату в благодарность, он кивнул в ответ и отполз за соседнее дерево.

Мы рассредоточились в пределах видимости. Стреляли куда-то, теперь и я понял, зачем стрелять вслепую. Когда пули свистят, поневоле будешь лежать, это сдерживает атаку. Я тоже стрелял, просто так, больше в направлении. Потихоньку все затихло, раздавались лишь одиночные, скупые выстрелы. Но долго нам лежать нельзя, немцы могут дожидаться подкрепления – и тогда точно хана. Найдя глазами казаха, я показал ему сжатый кулак и махнул им в сторону немцев. Мурат в ответ, указал пальцем влево. Я решил приблизиться к нему. С другой стороны к нему уже ползли Саня и Вано.

– Сань, надо вперед, а то нас тут зажмут, – прошептал я Зимину.

– Подожди, сержант. Слышишь слева стрельба? Там наши, – указал направление Саня.

– Думаешь? Немцы тут везде, хрен поймешь, кто там пострелушки устроил.

– Не, там сначала «Папаша» стрекотал, длинными, а когда граната взорвалась, там матерились.

– Точно? – я недоуменно поднял бровь.

– Как если б сам ругался, – Мурат был уверен.

– Тогда попробуем так, Сань, ты с Вано зайдешь справа, а мы с Муратом, прямо ползем.

– Понял, Вано, пошли, – парни уползли.

– Мурат, гранату готовь, если видим гансов, закидываем по очереди.

– Давай, – Мурат вынул сразу пару гранат.

Мы проползли метров семьдесят, стрельба к тому времени кончилась. Слышались разговоры, к сожалению, на немецком. Вдруг, раздался выстрел из мосинки, как палку сломали, за ним второй, третий.

– Саня начал, командир, чего делать будем?

– Давай вперед, броском.

Пригибаясь к земле, мы с казахом подбегали к месту стрельбы. Из-за деревьев вышел Вано и провел по лбу рукавом.

– Отбегались гансы, – сказал он и сплюнул в сторону. Появился Зимин.

– Серый, там трое наших разведчиков. Живые, четвертый ранен в ногу, осколками посеколо. Двоих, говорят, еще на окраине леса потеряли.

– Раненый совсем плохой?

– Да нет, думаю, оклемается, сейчас пару палок срубим, на себя возьмем, – сказал Ваню и вытащил нож.

– Нет уж, сами пусть своего несут. Нам еще назад прорываться, вы мне в боеготовности нужны, – ответил я.

Носилки были сделаны быстро, а я тем временем беседовал со старшим сержантом группы разведчиков.

– Вы откуда вообще?

– А ты кто такой, что я тебе говорить должен?

– Не наглей, сержант, вас ребята только что из жопы вытащили, а ты борзеешь. Сержант ГБ Новиков, повторить вопрос?

– Виноват, товарищ сержант, старший группы, старший сержант Левченко. Разведгруппа 111-й сд. Выполняли приказ...

– Задание ваше я знаю, – не дал я договорить сержанту, – хотел с вами идти, да к моему приезду вы уже вышли. Каким маршрутом шли, что так долго добирались?

– Так двигались от тыла дивизии, от деревни Мины, к фронту. Вражеских войск там, – парень провел ладонью по голове, – много, в общем. Поэтому приходилось на пузе ползти, вот так и получилось.

– Ясно, а я с фланга зашел, через старые позиции, там почти и не было никого, немцы устремились вперед, только на наш дозор и нарвался, – я потер ухо, в которое прилетело от бойцов, а потом и политрука.

– Да кто же знал, что так будет. Нас накрыли только здесь в лесу, до этого везло.

– Ладно, сержант, пусть твои бойцы берут своего на носилки. Надо выходить.

– Слушаюсь. А там где вы шли, немцев много?

– Где мы шли, их не осталось. Но никто не мешал им новых привести. Они кольцо замкнули, теперь станут прочесывать.

Когда подходили к кромке леса, из густого подлеска вынырнул Мурат. Передовым ходил.

– Командир, шесть человек, при пулемете, – слегка задыхаясь, начал доклад казах, – но еще не укрепились. Так стоят. Я сейчас в округе посмотрю, может, удастся обойти.

– Давай, только быстро. А то еще кого пригонят.

Через минуту вернулся Ваню, он шел сзади в полукилометре.

– Сержант, сзади толпа, человек 25–30. Точно не успел сосчитать. Идут тихо. Оружия много, два пулемета видел и у одного что-то на плече.

– Приплыли, бя. Загонщиков пустили. Похоже, с минометом. В лесу-то нам это не грозит, но вот как в поле выйдем... – задумался я. – Ну, где там казах-то ползает? Так, мужики, я отойду. Зимин, если услышишь пальбу – иди в прорыв. Если загонщики догонят, нам точно писец. Ясно?

– Ты куда?

– Да пойду на дереве посижу, – многозначительно ответил я.

– Может, я схожу? У тебя же нога, – предложил Ваню.

– Это нога – у кого надо нога. А вообще у меня их две, да и не болит она, успокойся. А с твоим ростом, тебя и без дерева из самого Берлина видно, сидите здесь.

Тихо пробираясь между деревьями, наконец увидел солдат. Выбрал елочку попушистее и кое-как взобрался метров на шесть вверх. На елке, сучки растут часто и беспорядочно, залезать – то еще удовольствие. Нога начинала болеть. Старался не думать. Достав бинокль, огляделся. Серьезные ребята нас ждут, лица суровые. Справа от них, чернело болото, слева вдалеке

виднелся БТР. Но довольно далеко, не сразу даже понял, что это именно БТР. Может, километр, может, чуть больше. Если прорываться, то напрямую. Спускался еще дольше, вернулся к парням. Казах уже вернулся.

– Так, Мурат, болото как?

– Не пройдем, потонем все. Да перед болотом еще и небольшая просека, как на ладони будем. Пока нащупываем путь, подойдут загонщики.

– Ясно, тогда как я и думал. Ползем ближе, четверо стоят почти вместе, двое по бокам. Нас семеро, сносим одним залпом. От пуза не стрелять, каждый целится в своего.

Подползли, немцы немного разошлись, но трое были возле пулемета.

– Пулеметчик мой, – сказал Зимин.

– Я возьму крайнего слева, Мурат, ты бери правого. Остальные, распределяйте сами.

Когда мы произвели залп, все фашисты упали почти в один миг. Даже понравилось, как в кино, про древние войны, в которых стреляли в упор, выстроившись в шеренгу. Остальных, которые успели упасть, парни быстро перестреляли.

Высочив из леса, подобрали оружие, главное пулемет.

– Отходим быстро, надо увеличить дистанцию. Тогда мы вынудим тех, что в лесу, выйти. Поставим пулемет, и еще посмотрим, кто кого.

Мы не успели, первым от выстрела в спину упал Ваню, но, быстро развернувшись на земле, открыл огонь. Я упал рядом с Муратом. Открыли ответный огонь. Зимин установил пулемет и начал отстреливать фрицев как в тире. Между нами метров двести. Но немчура – народ умный, залегли тотчас.

– Кто-нибудь, посмотрите, что с Ваню! – крикнул я в сторону бойцов.

Кто-то из новеньких метнулся ужом к Большому, который выстрелил всего пару раз и смолк.

– Блин, у него вся спина в крови! – заорал разведчик. – Чего делать-то?

– Рви форму, промывай. Надо срочно бинтовать и уходить. Прекратить огонь, пусть встанут. Надо валить фрицев поскорее. А то там еще «Ганомат есть», если приедет, то нам писец.

– Командир, я в сторонку отползу? – шепчет Мурат и достает гранату. Отдаю ему свои две в придачу.

– Я понял тебя, не вставай. Убьют, можешь не возвращаться.

– Так и понял.

– Пошел, давай. Саня, а ты давай короткими. А то всю ленту уже выпустил поди.

– У меня еще две банки полные. Я аккуратно.

– Запасливый, черт.

У леса началось шевеление, мы были буквально под носом друг друга, метров 100–150 не больше. До меня донеслись команды на гавкающем языке, приподнявшись на локтях – присмотрелся.

Поднявшийся во весь рост, офицер в серой форме поднимал своих солдат в атаку. Те явно не спешили выполнять приказ, но осторожно, один за другим, поднимались. Я прицелился в офицера. Выстрел. Готовченко. Фуражка улетела в одну сторону, ее владелец в другую. Солдаты опять рухнули на землю. Но Мурат уже видел, где именно они залегли. Полетела первая граната. Мурат был уже очень близко к догоняющим. Кто-то вскочил, пытаясь отбежать. Я тут же выпустил по нему три пули. Не попал, но немца взрывом приложило. Ухнул еще взрыв, раздались крики и вопли. А к немцам летела третья граната. На этот раз встали трое и рванулись обратно к лесу.

– Ага, дошло наконец. – Мы стреляли им в спину, вся троица рухнула. Дураков подняться – больше не нашлось. Зимин, не вставая, крикнул по-немецки, чтобы сдавались. В ответ прозвучали редкие выстрелы. Тогда Зимин дал длинную очередь прямо по траве, рассчитывая

хотя бы напугать. Кто-то заорал, и немцы стали подниматься. Встали восемь человек, бросили оружие, в основном карабины. Александр крикнул, чтобы шли к нам.

С пленными вышло удачно, один ефрейтор рассказал, что они думали – нас здесь целая рота. Очень плотный был огонь, стреляли якобы со всех сторон. Ну, это он преувеличил. С фланга стрелял один Мурат, правда, в упор. Он к ним метров на тридцать подполз.

– Спроси его, какие силы задействовали против нас и, вообще, что им известно, за кем они гоняются? – это я Зимину.

Тот старательно перевел, как смог, мои вопросы. Немец стал что-то бодро лопотать.

– Говорит, рота, в которую входил его взвод, должна была завершить уничтожение окруженного противника, который укрылся в лесу. Но русских было очень мало. Когда они услышали стрельбу в лесу, их взвод бросили вперед. Они нашли тела своих солдат. Обер-лейтенант Кранц после сеанса связи сказал, что русские отходят к бывшим позициям. Еще он сказал, что на пути русских будет засада, а они должны идти по следам отступающих. Когда они вышли на поле, мы их расстреляли.

– Ну не всех мы расстреляли, зато для вас и ваших сослуживцев война закончилась, – это тоже Зимин перевел.

– Скажи им, понесут раненого.

Немцев заставили нести раненого разведчика. У Вано были два ранения, в руку и в бок. Видимо одной пулей, по касательной. Просто разодрало сильно, гимнастерка была вся в крови. Парень, что его осматривал, просто испугался крови. Вано сам снял одежду, промыл из фляжки раны, а боец помог забинтовать.

– Вано, ты как, идти сможешь?

– Да, командир. Пометило немного. Чуть бы в сторону и...

– Отлично! Ребят, валим отсюда и побыстрее.

Шли быстро, вражеских войск здесь не было. В небольшой рощице, куда мы забрели для большей скрытности, встретили два десятка красноармейцев. Одеты они были в такое рванье, что даже на форму не похоже было. Оружия почти нет, четыре винтовки и ППШ на всех. Патронов вообще не было.

Бойцы были окруженцами, как раз из третьей дивизии народного ополчения, из которой я сам назвался, когда появился здесь, по их позициям немцы прошли в первую очередь. Они были отрезаны от основных сил. Блуждали в округе, пытаясь выйти к своим. Мне было в принципе без разницы, врут или нет. Дойдем к своим, все равно попадут в особый отдел. Его им не миновать, особенно тем, кто оружие потерял в панике. Жаль ребят, но – война. Много всякого делается. Есть те, кто и без патронов в рукопашку шел, а попадают такие, кто и с оружием, патронами, а бегут в плен. Так что судить не возьмусь.

Глава 12

Нас тоже взяли в плен, но свои же. Поэтому и взяли. Командир саперов, что минировали подступы к нашим позициям, придиричиво прочитав документы и осмотрев мою побитую физиономию, покачал головой и сказал, что много нас таких здесь шляется. Нас отконвоировали к штабу дивизии, оказалось, что попали мы в чужой для нас полк, но в наш же 41-й корпус. Заперли всех в каком-то сарае, даже воды не дали. Ребята, особенно моя группа, сильно переживали, как это так, мы разведка, а нас за предателей держат. Я пытался успокоить, говорил, что в такой неразберихе может быть всякое. Но парни, конечно, сильно переживали.

Когда состоялся первый допрос, меня, поскольку я назвался командиром отряда, вызвали первым. Я не стал качать права, ругаться, спокойно рассказал все. Рассказал, как вышли из окружения вместе с остатками 235-й дивизии, как генерал Лебедев дал задание проверить тылы отступающих войск. Как встретили разведчиков и окруженцев. Особист слушал не перебивая. Когда я закончил свой короткий рассказ, он наконец заговорил.

– Допустим, ты – сержант госбезопасности. Допустим, с тобой группа разведчиков 235-й стрелковой. То, что вы встретились с разведкой 111-й, тоже допускаю и даже окруженцев. Но что ты, конкретно ты, сержант ГБ, делал с окруженцами и разведкой в тылу противника?

– Я выполнял особое поручение майора госбезопасности Истомина. Свяжитесь со 111-й, он должен быть там. Ведь у вас наверняка есть с ними связь. Товарищ майор все объяснит, если имеет право.

– А сам чего, не хочешь объяснять? – не унимался особист, судя по шпале в петлицах и серебряной звезде на рукаве – лейтенант ГБ.

– Товарищ лейтенант госбезопасности, я не имею на это права. Уж вы-то меня как никто должны понимать.

– Мы связывались со 111-ой, у них нет сержанта ГБ Новикова. Разведку они посылали, данные сошлись. За ними скоро приедут, а вот ты и якобы твои бойцы там не числятся.

– Все верно, товарищ лейтенант. Мои ребята состоят в 235-й стрелковой, их командир роты и непосредственный начальник, капитан...

– Так ты-то кто такой?

– Я уже говорил, свяжитесь со 111-й, попросите Истомина. Вам самому не надоедает одно и то же спрашивать, если все можно легко узнать, – я начал помаленьку закипать.

– Что, а главное как делать, это моя забота, а ты должен отвечать! – он тоже стал говорить на тон выше.

– Да я все уже ответил. Может, закончим, все равно, без приказа сверху я не имею права сказать большее.

– Когда закончить, я решу сам, – грубо, но все-таки уже успокаиваясь, сказал особист и продолжил: – Хорошо, я попытаюсь еще раз связаться со 111-й. Но ты пока посидишь у нас.

– Да я и не собираюсь никуда, только распорядитесь, пожалуйста, чтобы хоть воды принесли. У нас еще раненые, им бы в санбат. Мало ли чего.

– Раненых уже должны увести. Иди пока, вызову.

К ребятам я вернулся задумавшись. Черт его знает, этого служаку, вызовет Истомина или нет. Да и если вызовет, майор меня убьет. Как буду выкручиваться, не знаю.

– Серег, чего все так плохо? – начал Зимин.

– Не бери в голову, нормально все.

– Да на тебе лица нет, командир, – Мурат подошел ко мне.

– Да там со мной как обычно, непонятки. С вами-то все норм, ваши приедут скоро и уедете.

Открылась дверь, конвоиры внесли два ведра воды.

– Серег, а почему тебя не увели в санбат?

– Да мне никто и не предложил. Хотя чего-то у меня жар какой-то появился, температура, что ли? – задумчиво пробормотал я.

– Ты чего, сбрендил, что ли? Тебя хотя бы перевязать надо и рану промыть. Если температура, возможно заражение начинается.

– Да ладно, недолго просидим, я думаю. Особист хоть и дотошный, но вроде не дурак. Сообщил бы только побыстрее, а то пока подумает, пока решит, чем ему это может грозить...

Так просидели часа два, зато потом было что-то. Открылась дверь, парней крикнули, они встали, посмотрели как-то непонимающе на меня и побрели к выходу. А вот когда они все вышли, в сарай влетел Истомин. Майор был зол, да какое там – разъярен. Закрыв за собой дверь, подошел ко мне.

– Встать! – проорал он.

Я медленно поднялся, нога уже болела серьезно. И повязка, сделанная еще в лесу казачом, пропиталась насквозь.

– Здравия желаю, товарищ майор госбезопасности, – улыбнулся я.

В ответ на мое приветствие майор Истомин зарядил мне такую плюху, что я как-то быстро сел на жопу. Открыл рот и хлопал глазами, как девочка-подросток, стоя перед учителем не зная урока.

– Твою мать, Новиков. Под арест, в камеру. Нет, лучше сразу пулю в башку, чтобы не качалась! – Истомин кричал и страшно вращал глазами. Рука у командира опустилась и легла на кобуру.

Я сидел и не мог ничего сказать. А что говорить, Истомин прав сто раз. Я – оборзел. Не важно, делом я был занят или гулял, реально оборзел.

– Вставай, машина ждет. Нам еще добираться.

Встав, я невольно пошатнулся, нога дрогнула. Похоже, с раной все не так просто. И все моя бравада, забыл, как люди из-за меньших повреждений лишались частей тела. Все боялся показать слабость, вдруг парни подумают, что вот, стал гэбэшником, теперь его облизывать должны. Противно, поэтому и терпел. Но организм не обманешь. Меня повело в сторону, так бы и хлопнулся, но майор бросился ко мне и подхватил.

– Я тебя вроде не сильно приложил, ты чего? – и вдруг заметил наконец липкую от сочившейся крови повязку.

– Дьявол, ну ты точно дурак, что же ты молчишь, что ранен.

Майор крикнул кому-то на улицу. Появились два бойца. Он показал им на меня, они сноровисто подхватили меня под мышки и поволокли к машине.

Машиной оказалась полуторка, в которой уже сидели все мои бойцы и с ними, бойцы Истомина. Мои друзья, увидев, что меня выносят, прыгнули из кузова и побежали ко мне.

– Да все нормально. Нога просто болит, – успокаивающим тоном бросил я. Мне помогли залезть в кузов, а точнее затащили в него. Майор сел в кабину, меня заставили лечь, бойцы сели вокруг.

Ехать оказалось немало. Приехали к госпиталю уже затемно. Меня сразу понесли в операционную. Уставший до изнеможения военврач второго ранга осмотрел меня придиричливо. Я старался бодриться, улыбаться, но выходило прямо скажу – плохо. Ногу я почти не чувствовал, что за хрень? Вроде и ранка-то сантиметра полтора, а боль, как будто отрубили целиком.

Вырубился я в самом начале операции. Врач, промыв снаружи рану, полез в нее каким-то пинцетом, я дернулся от пронзившей боли и выключился. Очнулся от приглушенного разговора, до меня донеслись слова.

– Плохо, что так долго везли. Если бы сразу осколок вытащили, он бы уже песни пел. Ранение серьезное, зацепило мышечные ткани и сухожилие. Но повреждения небольшие. Просто запущено. Да и кровушки вылилось.

Дальше я не слышал. Опять вырубился.

Следующее пробуждение было уже в палатке. Рядом стонали раненые, я осмотрелся. Глянул на ногу. Вроде на месте, но шевелить боюсь. Поднял одеяло, посмотрел. Попробовал согнуть. Резануло так, что в глазах потемнело.

– Куда это вы собрались, молодой человек? – услышал я чей-то голос.

– Так встать хотел, до ветру для начала, – ответил я оглядываясь. На входе в палатку стоял человек в халате, когда-то бывшем белого цвета.

– Вам два часа назад удалили осколок из ноги и сшили сухожилие. Лежите, какое-то время вам не придется вставать. А нужду у нас справляют в утку.

Я сразу как-то сник. Никогда так себя не чувствовал. В наше-то время наркоз и всякая фигня. Помню, носовую перегородку ломать пришлось, под местным наркозом. Так там врач закончил и сказал: иди в палату. Слез со стола и пошатываясь пошел. А тут ведь даже таблетки анальгина нет. Чего уж о наркозе говорить. Да, хреново, что не знаю, как его делать, или антибиотики какие-нибудь. Слышал, что пенициллин из плесени добыли, но вот из какой?

Проворчав что-то под нос, я повернул голову в другую сторону и чуть не заорал. На соседней койке лежал человек, вернее то, что раньше было человеком. Сейчас в нем явно не хватало многого.

– Танкист, оторвало руку и сильно повредило ногу, пришлось ампутировать. Да в придачу – весь обгоревший. Но сильный, думали не переживет операцию, а он выдержал, думаю жить будет, но вот как? – Доктор, видимо, перехватил мой взгляд.

«Вот это сила в человеке! Да, мы не чета предкам», – мысли неслись вихрем.

– Доктор, если бы у меня при пробуждении не хватало частей тела, я бы с ума сошел. – Я ловил воздух, чтобы не блевануть.

– Многие так и делают, а еще прирезать просят. Но жить нужно. Раз судьба так распорядилась.

– Сколько мне здесь отлеживаться? – Я все еще пытался вспомнить, как нужно дышать.

– Как уж пойдет выздоровление. У вас не столько тяжесть ранения, сколько риск развития гангрены. Хотите на ногах ходить, будем лечить, правда, уже не я, – он повернулся к выходу и вышел. А я так и застыл с открытым ртом. В палатку вошли бойцы с носилками, следом за ними Истомин.

– Грузите ребята этого калеку, – показал он на меня.

– Куда меня теперь, – спросил я.

– Как куда? Вон в ямке за палаткой прикопаем, да и все.

– Ясно, – сказал я грустно. Майор злится, наверное, попало ему по самое не хочу!

Меня погрузили на носилки и вынесли на воздух. Метрах в двадцати стояла машина, эмка.

– Давайте его на заднее сиденье. Хватит ему места.

Меня бережно уложили на сиденье. Точнее посадили, а раненую ногу положили.

Через два часа тряски привезли меня в какой-то госпиталь. Положили одного в палате, хотя раненых было очень много. Майор зашел со мной.

– Товарищ майор, а чего я один-то лежу, ведь мест, наверное, и так нет?

– Потому что ты такой ненормальный, что полез в самую свалку, несмотря на приказ, вот лежи и вини себя.

– Товарищ майор, ну все же нормально вышло.

– Ты охренел, что ли, вконец? С меня башку теперь снимут. Ладно, если только с меня.

– Может, обойдется? Не хрен я какая личность-то.

– Какая ты личность, решать не тебе! Раз взялся помогать, так будешь сидеть и вспоминать. Раз на воле не можешь, будешь сидеть в камере.

– Что, правда, что ли? – не веря своим ушам, спросил я.

– А ты как думал, ты слишком много знаешь. А если бы ты в плен попал? Что тогда?

– Но ведь не попал же. Вот, всегда у нас так. Ну вляпался, но ведь все получилось, – я пытался оправдаться, хотя прекрасно понимал, что говорю чушь.

– Когда это всегда? – сбился с ритма Истомин.

– Так писали у нас, в моем времени. Сколько людей страдало из-за проявления инициативы. Да, виноват, но такая была ситуация. Но у нас – у русских, всегда инициатива наказуема.

– Ты дурак, что ли? В голову ничего не прилетело? Инициатива дурная – наказуема. И глупая – как твоя.

– Ну, вот смотрите. Встретились мы с разведчиками, окруженцами, они, может, завтра Гитлера поймают, а так бы кто их знает, вышли бы? Ведь я уже говорил, все эти люди уже должны были погибнуть. И вообще считаю так: что не делается – все к лучшему. Вот.

Майор ушел только махнув рукой. Лежа на койке, я размышлял – что теперь будет? Неужели и вправду посадят, да я же с ума сойду. Во провалился. Нет бы воевать или еще как помогать, а я на нарах буду загорать да бумажки писать. И чего писать-то, я уж вроде все, что помнил, написал. Я же не энциклопедия, все знать, как в книжках писали в мое время. Ладно, проживем, увидим.

С утра пришли врач и медсестра. Доктор осмотрел рану, что-то там почистил, я поорал. Медсестра забинтовала. Потом принесли завтрак, не успел поесть, – пришел Истомин. Вроде не такой злой, как вчера.

– Здравия желаю, товарищ майор госбезопасности!

– И тебе не кашлять, как спал? – спокойно спросил майор.

– Да почти никак. Извиниться хочу за свой бред вчерашний и за самоволку. Понесло меня. Но я же от чистого сердца хотел помочь, а не просто так. Поймите меня.

– Да я-то понимаю, ты тоже извини, перегнул я вчера. – Вот это да, майор извиниться решил. И перед кем.

– Да вы-то чего, вы абсолютно правы, от и до, – потер я щеку.

– Просто доложил, что ты пропал, а там началось. Приказано, как поправляться начнешь, в Москву доставить.

– Писец котенку, больше гадить не будет! – Я и вправду так подумал. – В тюрьму?

– Пока опять на Лубянку, а там...

– Сам виноват. Как вы думаете, сможет ли начальство меня понять?

– Может, и поймут, но наказать обязаны, причем – обоих. Ты правильно сказал – сам виноват.

– Товарищ майор, можно мне бумаги и карандаш, хоть время терять не буду.

– Да, принесу сейчас. Ты, кстати, про жилетку какую-то говорил, может, попробуешь сшить? Время есть.

– Во, точно! Сделаю, а то замаялся пока бегал, все думал, как же до сих пор ее никто не придумал. Простая ведь вещь.

– Только писать будешь, когда один находишься. Чтобы ни одна душа не видела и, не дай бог, не сперла.

– Понял.

Истомин ушел, а я начал вспоминать. Решил, что нужно написать о Калашникове, пусть начинается, может, раньше получится. Только патрона еще нет, уменьшенной мощности, так называемого – промежуточного. В первый раз я далеко не все выложил. Ведь обо всем на заказ не вспомнишь, в голове, как каша. Сослался, что не очень многое могло бы пойти сейчас, да и не помню половину. Сейчас решил написать даже точный размер этого патрона. А еще я

заметил, что воспоминания сами приходят. Может, читал что-то, но, естественно, забыл, а тут под ситуацию оно и всплывает.

Через час примерно принесли рваную, грязную гимнастерку, иголку с ниткой – занялся разгрузкой. Повозился, конечно, но получилось очень даже ничего. Истомин придет, попрошу еще материала, авось найдет, сошью и себе. Хотя, а зачем она мне. На фронт я уже не попаду. Это уж наверняка.

– Ну и на кой черт такая тряпка нужна? – Майор критично осмотрел мою самопальную разгрузку. Я сел на кровати и стал одеваться. Одев и подогнав под себя жилет, я показал куда и чего можно положить. Как закрепить и как пользоваться. И Истомин признал, что это действительно удобнее ремня. Все под рукой, плюс небольшая, но защита. Забрав жилетку, он спрятал ее в армейский сидор и ушел. А я опять остался наедине с мыслями. Как бы про РПГ сообщить, так не знаю я его устройства. Надо бы конкретно с каким-нибудь инженером говорить, может, сами поймут. Понятно, что труба и реактивный заряд, но как объяснить-то?

Майор Истомин, вернувшись, застал меня в тяжелых раздумьях.

– Ну, чего делать будем? Я связался с Москвой, требуют вылетать. Как нога-то?

– Да нормально, костыль найдете какой-нибудь?

– Найдем, – Истомин снова удалился, но вскоре вернулся, неся костыль. – Попробуй. – Я встал с кровати, опираясь на костыль. Сунул его под мышку и попробовал шагнуть, получилось легко.

– Не больно ногу-то подгибать?

– Нормально, бегать, конечно, не смогу, но ходить скоро и сам буду.

Боль на самом деле отпускала.

– Ладно, сегодня тренируйся, можешь по госпиталю ходить, старайся не болтать много!

– Спасибо, товарищ майор. А то я тут со скуки одурею.

– Не за что, – и вышел. Странно, смягчил режим, может, и в Москве не посадят?

Добирался до улицы я, наверное, минут пятнадцать, с частыми остановками. Тяжело привыкать не опираться на ногу. На улице у входа сидели и курили бойцы.

– Братва, дайте закурить, если не жалко.

Один из сидевших, с забинтованной головой и привязанной к телу рукой, придирчиво осмотрел меня.

– Это не ты ли один в палате закрытой лежишь? Как генерала лечат, а курева нет.

– Ага, я, только не генерал, всего лишь сержант, арестован. Вон за мной смотрят, видишь?

На крыльце стоял солдат с ППШ и открыто смотрел на меня.

– А чего ж ты на улицу вышел, кто отпустил?

– Да куда я побегу с ногой-то?

– Держи, – один из рядом сидящих бойцов протянул мне кисет. Я развязал вязку, достал клочок бумажки. Свернув самокрутку, закурил от зажженной спички любопытного солдата.

– Спасибо огромное, два дня не курил, аж хреново стало. – Я покашлял. Самосад был знатный. Горло пробрало до печени. Докурив, собрался было идти в палату, но тут увидел сидящих под деревьями солдат. Один из них взял в руки гармонь и растянул меха. Музыка полилась рекой. Сам не понял, как оказался рядом. Гармонист закончил песню, все похлопали.

– Музыкант, подхватить сможешь? – И я запел.

Спят курганы темные
Солнцем опаленные
И туманы белые, ходят чередой...
Через рощи шумные
И поля зеленые
Вышел в степь донецкую

Парень молодой!

Гармонист подхватил сразу, песня-то была уже известна в это время. Закончив, меня спросили, почему я пел ее не так, как все? А я ответил, что мне так больше нравится. Попросили спеть еще, дальше было так же, как в свое время в роте. Отпускать не хотели, табаком завалили. Взял немного, свернул ножку, задымил.

– Ну, давай последнюю и я похромал.

Снова замерло все до рассвета
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь
Только слышно на улице где-то
Одинокая бродит гармонь...

Ребята были в шоке. Гармонист вообще молоток, подхватывал с первых слов. Ну а я поднял настроение. Когда припрыгал в палату, меня навестил врач.

– Ну, вы молодой человек, удивили. Ни разу не слышал таких песен, что-то, похоже, но некоторые вообще незнакомы. Кто их написал?

Ну, что говорить. Конечно, я все приписал себе. Помню, у героя книги Конюшевского вышло еще и заработать прилично, на авторстве. А вдруг у меня и в реале получится. Нет, ну а что такого. Зато люди этой реальности, узнают хорошие песни. Они это заслужили. Я же не пою им «Муси-Пуси». Они достойны лучшего. С врачом у нас вышла продолжительная беседа. Говорили о музыке, о песнях. Я спросил у доктора, сколько уйдет времени на восстановление.

– При таком ранении обычно недели две. У вас было запущено. Накиньте еще недельку, думаю, в середине октября, будете на ногах. Это притом, что рана не загноится. Почистили мы вроде хорошо, все нормально будет. Но хромать будете всегда, ну или очень долго. Это точно.

Я вздохнул, неужели все-таки получилось вытащить деда? Ведь дивизия должна была погибнуть. Однозначно. Там такой охват должен был быть, просто жопа. Правда и дивизия-то, одно название. Было почти пятнадцать тысяч бойцов, остались в живых меньше четырех сотен. По идее, ее теперь на переформирование вывести должны или с кем-то соединить. Но дед-то жив! Я сам его видел.

Теперь с ногой непонятки еще. Блин, я и не думал, что все может быть так серьезно. Вроде и не болело сначала вообще. Так, ломило чуть, да подергивало, а потом...

– Увидимся еще, молодой человек, – врач вышел. Я с минуту лежал неподвижно. Что же теперь, все по-другому пойдет? Кто теперь в арьергарде у отступающих будет. 177-я ушла, ее и меняла 235-ая. Вот кстати, от 24-й танковой остались ножки да рожки. А ведь должно было больше остаться.

А потом я уснул. Проснулся от прикосновения к плечу. Дернулся, но меня прижали к койке.

– Свои, успокойся, – проговорил майор.

– Вас бы так разбудить, наверное, пристрелили бы сразу, – пробурчал я.

– Точно, лучше не пробовать, – Истомин хитро посмотрел на меня. – Ну что, певец, вставай, одевайся.

– Чего, по этапу? – грустно и как-то даже без особого интереса спросил я.

– Можно и так сказать, – так же блекло ответил майор.

Оделся, подпрыгал на одной ноге к раковине, умылся из умывальника. Да, побриться бы, точно на зека похож.

– Там побреешься, – увидев, что я трогаю щетину, сказал Истомин.

– Там, так там, – скалambuрил я, а майор усмехнулся.

У входа стояла та же эмка, что привезла меня в госпиталь. Я уселся опять на заднее сиденье, вытянув ногу. Майор прыгнул вперед. Краем глаза я заметил, что за нами едет полуприцеп, с закрытым тентом кузовом.

– Сопровождение? – показал я на грузовик.

– Да, вдруг опять чего учудишь, – бросил через плечо Истомин, не оборачиваясь.

– Хожу-то с трудом, нога почти не гнется, – вновь пробубнил я.

– Ну и ладно.

Ехали мы больше часа, даже дремать пробовал. Какое там. Трясет как в центрифуге. Когда увидел самолеты – все понял. Решили не тянуть, ну и правильно. Бояться, что опять уйду. Хотя если бы хотел уйти, не лез бы на рожон.

Аэродром был большой, в основном стояли истребители, но и пару бомбовозов видел. Меня погрузили в многострадальный ТБ-3. Накинул тулуп, Истомин тоже оделся.

– Лететь долго? – спросил я, просто не зная, что еще спросить.

– Не очень, – уклончиво ответил он.

Летели и вправду не долго. Приземлились мягко. Как ехали от аэродрома, не помню. Сморил, уснул. Проснулся только когда остановились. Увидев в окно очертания знакомого здания, я передернулся. Страшно, блин. Когда заходили в дом, полковник даже не помог. Я морщился, но прыгал. На этот раз пошли куда-то вниз. Точно, вот решетка, а вон двери камер. Около одной остановили, конвойный открыл дверь и отступил на шаг. Пока я переступал порог, услышал разговор.

– Никого не впускать, в разговоры не вступать, – процедил охраннику Истомин. Я обернулся, майор смотрел на меня, как-то нахмурившись. Попал я, похоже.

Когда за мной закрылась дверь и лязгнули замки, огляделся. Два на три, подумал я. Нары опущены. Ну, хоть на полу сидеть не надо. В камере было относительно чисто. Плюхнувшись на нары, в очередной раз задумался. Неужели и вправду расстреляют. Я был о предках другого мнения, хотя в мое время и говорили все кому не лень, что, НКВД стреляли во всех подряд. Но что я, враг народа? Не, вряд ли конечно. Но вот «закрыть» могут, с них станется.

Уснуть не получалось. Нога разболелась еще, наверное, от долгой дороги. Сидел, растирал, ладно хоть медсестра в госпитале успела сунуть какой-то порошок в карман. Достал бумажку, развернул. Сероватый порошок, а как его без воды проглотить. Сыпанул чуть на язык, закрыл рот, подождав пока скопится слюна, высыпал все содержимое в рот и проглотил. Ну и дрянь! Такой вкус, как будто стиральный порошок проглотил, аж рожу перекосило. Проскрежетали замки, дверь отворилась. Вошел какой-то капитан, поставив табурет, сел. Дверь закрыли.

– Ну-с, гражданин Новиков, как же так получилось, что вы ослушались прямого приказа своего командира?

– Товарищ капитан...

– Гражданин следователь!

– Виноват, я что, – уже под следствием? – с удивлением я уставился на капитана.

– Вопросы задаю я! Раз попал сюда, значит, под следствием. Ясно?

– Ясно, гражданин следователь. Ясно.

– Так как?

– Я не знал, что во время войны, убивая врагов, что-то нарушаю. Вот если бы наоборот, тогда бы, конечно, так, – не скрывая своего удивления, я даже не отвечал, а рассуждал.

– Выводы я сам сделаю. Как ты попал в расположение окруженной дивизии, немцы сами провели?

Мне, выходцу из двадцать первого века, было странно его слушать. Да и страха, какой должен был испытывать, не было. Было дело, приходилось бывать на допросах, но там опера такую чушь не спрашивали.

– Ага, гражданин следователь, а потом сами себе по пуле пустили. Что за вопросы, издеваетесь, что ли? – Да надоело все уже, тупые вопросы и такие же тупые ответы.

Вдруг капитан вскочил с табуретки так быстро, что я и глазом моргнуть не успел. А потом уже и не мог. Глаз заплыл сразу, удар скинул меня на пол. От боли в ноге я даже не распознал боль на лице. Лишь прикрыл глаз одной рукой, второй держался за ногу. Я как самый настоящий ЛОХ повелся на то, что следак был один. Обычно для мордобоя у них специальные люди есть. Не ожидал, что капитан сам и будет меня воспитывать.

– Встать, чего притворяешься, гнида, – капитан склонившись ухмылялся.

Хрена себе поворот, меня за последнюю неделю свои бьют чаще врагов. Кое-как я поднялся.

– Сядь на место! – капитан ткнул рукой в сторону нар.

– Зачем же так грубо, гражданин начальник? Так ведь и убьете, кого допрашивать будете?

– А мы тебя оживим и снова допросим, – следак стоял возле меня и раскачивался с пятки на носок.

Во дела. Надо решаться, как говорил товарищ Сталин – больше пули не дадут.

Удара он не ждал совсем, думал, наверное, что ошеломила меня. А я, уже вставая, знал, что этим закончится. Недолго думая засветил я ему между ног. А когда капитана скрючило, ударил по спине.

– Вот так, квиты. – Я постучал в дверь. Она тут же распахнулась, влетел конвойный, увидел на полу капитана и навел на меня ППШ. Что-то гаркнув в коридор, он заорал на меня:

– К стене, лицом, живо!

Я повернулся к стене, прижался. В этот момент он ударил мне между лопаток, наверное, автоматом. Дух вылетел вместе с сознанием.

Очнулся, темно. Повертев головой, почувствовал, что связан по рукам и ногам. Глаз болел, но еще сильнее саднило ногу. Я лег на спину и закрыл глаза. Спина не болела. Болело все тело. Они специально мне эту суку подсунули. Он, наверное, кроме урока да беззащитных женщин никого и не допрашивал никогда. Ну, теперь не скоро снова начнет. Хоть и доброе дело сделал, только попадет мне еще и за это вдобавок. Голову вдруг пронзила резкая боль, и я отрубился.

Глава 13

Очнулся я, лежа на кровати, открыл глаза, вернее глаз, заплывший, хоть и видел, но как-то хреново. Белый потолок. Так, какая кровать? Я осмотрелся. Стены, окрашены светло-синей краской. Окно, на нем занавески. Тумбочка, пачка папирос, спички, пепельница. Попробовал поднять голову, зашумело, но боли не было. Согнулся, свесил ноги вниз. Вроде ничего, тронул ногу. На ощупь, под бинтами чешется. А ну если согнуть, ай, а так больновато. Но не как раньше. Взял папиросу, закурил, кашель вывел меня из ступора. Чего за херня-то, арест, избивание, я бью следака, мне прилетает от охранника. Теперь палата, чистота, папиросы. Издеваются, что ли?

Когда в палату вошел он, я как-то сразу сник. Захотелось опять провалиться в обморок.

– Ну, здравствуй, герой-одиночка! Ты что же такой борзый-то? С прежней жизни злоба на органы внутренних дел осталась? Или решил, что сам черт не брат?

– Здравия желаю, товарищ генеральный комиссар государственной безопасности, – я невольно поперхнулся. – Да как-то не подумал, инстинкт. Меня бьют, я недолго думая отвечаю. Детство веселое было. Не ответишь, будешь жалеть всю жизнь. Если вы про инцидент в камере.

– И часто отвечал? – с ухмылкой спросил Берия.

– Отвечал всегда, просто по-разному получалось.

– А удар-то у тебя хороший.

– Учитель был хороший, – коротко ответил я.

– Я сам немного занимался, борьбой японской. Ты смотри, тоже чего-то знаешь.

– Немного, – постарался ответить как можно скромнее я.

– Хорошо, потом как-нибудь об этом поговорим. Как ты себя чувствуешь? – во блин, вопросыки подкидывает. Чего это вдруг заинтересовался?

– Хорошо, товарищ Берия, – я потер раненую ногу.

– Я уж подумал, ты нас покинуть решил, трое суток без сознания. Стали волноваться.

– Покинешь вас. Правда, что ли, целых три дня валялся? – удивленно уставившись на наркома, спросил я.

– Именно, что, не помнишь ничего? – Берия взял стул и уселся рядом.

– Помню, голова сильно болела. Дальше темнота, – я напряг мозг, пытаюсь вспомнить что-то еще.

– Ясно! Ну и наворотил ты дел, «Внучок». Зачем же так со следователем? Ему теперь тоже лечиться придется.

– Лучше бы не пришлось, таких свиней – резать надо. Извините за грубость.

– Не зарывайся, – строго произнес нарком.

– Виноват, Лаврентий Павлович, – я опустил голову, чего-то и вправду разошелся, забыл, с кем говорю.

– Что, сильно перегнул?

– Не знаю, что считается перегибом, просто с людьми обращаться так не надо. Даже с виновными. Мы отличаемся от первобытных людей хотя бы разумом.

– Что у вас получилось, можешь рассказать?

– Олень он! На фронте бы попробовал так себя вести.

– Почему олень? – нахмурился было грозный нарком, но вдруг улыбнулся.

– Да просто показал он себя полным идиотом.

– Шутки будущего? Да, любят у вас следователей.

– Да причем здесь его профессия, человеком нужно быть. Ведь задал вопрос, хоть и дурацкий, на мой взгляд, я спокойно все ему изложил, не выступал, не борзел, даже не шутил. Или ему так приказали? – Теперь я с интересом уставился на Лаврентия Павловича.

– Что приказали? – не понимая меня, Берия сделал удивленное лицо.

Я рассказал Берии содержание допроса.

– Ну да, перегнул немного палку. Вообще-то, разговор должен был быть совсем о другом. Но, я думаю, он уже наказан, тобою.

– Товарищ Берия, мне что грозит?

– А что, чувствуешь вину?

– В том, что сбежал от Истомина, да. А больше, ну, за следака разве что.

– Сергей, ты не можешь успеть везде. Я понимаю твой порыв, даже Иосиф Виссарионович понимает. Но ты не сможешь помочь ВСЕМ! Это-то понятно?

– Да знаю я. Это и гложет постоянно. Но находясь рядом с ребятами, не могу сидеть и ждать, когда их всех убьют. Это они ничего не знают, а мне каково?

– Ты слишком сентиментален и самоуверен. Но это не плохо, те, с кем ты воевал плечом к плечу, готовы идти за тобой на край света, ну или по крайней мере в бой. Наши люди провели небольшое расследование. Ты всех зацепил своим оптимизмом. Люди, правда, тебя оценили, ты нужен им.

Я покраснел, блин, лучше бы ругался. Уж больно сладко заливает.

– Лаврентий Павлович, да чем я их зацепить-то мог? Ну, постреляли немного, парни гораздо больше нужного сделали, я просто был рядом.

– Сергей, мы знаем, где и кто был. Твои затеи, твоя самоотдача. Ты знаешь, что теперь на всем Ленинградском фронте люди даже с тяжелыми ранениями лезут в бой. И при этом отлично воюют! Лебедев, комдив 235-й, знаешь, чего сказал?

– Никак нет, а что?

– Предложил его дивизию после формирования тебе отдать, вместо него, говорит, справишься легко.

– Ну, это он уж явно переборщил. Где я и где дивизия? Просто благодаря тому, что я из будущего, знаний чуть больше, чем у других. Но знания без опыта – ноль без палочки. Я очень рад, конечно, что у людей проснулось чувство уверенности в себе и в друзьях, но про ранения я ничего не говорил. И еще, Лаврентий Павлович, разрешите на чистоту?

– Да ты и так вроде не особо слова выбираешь. – Берия снял пенсне. Смешной он, когда без стекол на носу.

– Очень, очень многое зависит от командира. Вот вы про Лебедева говорили, так если он нормальный человек, то и поступает по-человечески, а не гонит людей на убой. Я тоже с людьми поговорил, его все хвалят, с такими командирами люди и воюют лучше. Просто видят отношение к себе.

– А что касается ранений, – перебил меня нарком, – так и не надо ничего говорить, люди видели тебя, рассказали друзьям, как раненый осколком гранаты сержант бросился в бой с превосходящими силами противника. И вышел победителем.

– Все это сильно преувеличено, я же не один был, чего там один-то навоевал бы? Товарищ Берия, просто ранение вначале позволяло, мне врач говорил потом, что просто запустил я его. Нужно было сразу как следует промыть. И как было не вступить в бой, если по-другому никак?

– Молодцы, я отнес представления на товарищей из твоей группы Верховному Главнокомандующему. Там и ты в списке, – нарком сделал ударение, группа-то МОЯ. Значит...

– Говорю же, Лаврентий Павлович, один я ничего бы не смог поделать.

– А дивизию кто вывел? Они бы так и сидели в этих лесах. Пока немцы их не передушили бы.

– Да вышли бы и сами, просто так совпало. Я вышел к ним, когда комдив уже собирался выдвигаться на прорыв. – В принципе и не врал, все равно бы вышли. Хотя, хрен его знает с какими потерями. Как уж получилось, так и ладно.

– И что с тобой теперь делать? Осудить бойца, при этом награждая, будет как-то нехорошо. Если мы тебя отправим на фронт, как?

– Отлично, Лаврентий Павлович. Только об этом и мечтаю, но разве это возможно?

– Конечно, в тыл к немцам тебя никто не отпустит. Будешь с Истоминим, выявлять обстановку в частях и докладывать наверх. Видишь ли... Ты и вправду приносишь больше пользы, находясь на фронте. Даже врачи это подтверждают. Ты действительно не сможешь специально вспоминать – по приказу, а там у тебя само собой получается. Мы решили рискнуть, но, сам понимаешь, с подстраховкой.

– Ясно, конечно, понимаю, – чуть погрузстнел я. Но хоть не в камере сидеть и то хлеб.

– Ладно, выздоравливай, гуляй по парку, здесь хороший парк.

– А где мы, товарищ Берия?

– Под Москвой. Отдыхай.

– Спасибо, буду стараться, товарищ Берия.

Он ушел, а я выглянул в окно. Какой-то пансионат, что ли? Хоть и осень, а красиво. В палате возле дверей стояли костыли. Медленно, стараясь не сильно налегать на больную ногу, вышел во двор, остановился, закурил. Людей здесь не было. Я быстро заметил своих наблюдателей. Приглядывали за мной двое. Наверное, и на внешнем периметре кто-нибудь есть. Гулял я не долго. Усталость быстро сморила меня, и я похромал обратно. В палате меня тотчас уложили в кровать, сразу две сестры ждали моего возвращения. Сменили бинты, дали какой-то порошок выпить. Уснул я быстро, свежий воздух действовал как снотворное.

Время шло. Боль в ноге почти ушла, я всю ухаживал за сестричками, только они не очень отвечали на это. Как-то утром меня разбудил Истомин.

– Ну чего, преступник, как здоровье? – как всегда с улыбкой, спросил Истомин.

– Здравия желаю, товарищ майор госбезопасности, – ответил я бодро, – хорошо, спасибо.

– Прогуляемся? – Александр Петрович кивнул в сторону двери.

– С удовольствием, – ответил я.

– Ну, тогда пойдем, разговор есть, – загадочно произнес Истомин.

– О как! Пойдемте. – Я взял с вешалки шинель и повернулся к двери.

Дальше я услышал нечто такое, что подумал: куда я влез? До НКВД дошли сведения, что на Ленинградском фронте, а точнее в самом Ленинграде, всю развернулись немецкие диверсанты. Командованию, видимо, не до них сейчас, хватает и без того забот, да еще и свои, «враги народа», повылезали. Войска, измочаленные боями, отходят или ложатся в землю. Командование не может наладить взаимосвязь. Появились случаи исчезновения высших командиров. Полками командуют чуть ли не лейтенанты. Надо срочно исправлять ситуацию. Истомина отправляют, как представителя Ставки. Меня с ним, так сказать, на стажировку. Я ответил, что готов хоть сейчас.

– Я приеду завтра, рано утром. Будь готов. Вылетим сразу, как только сможем.

– А мне в чем ехать? В пижаме? – Я распахнул полы шинели.

– А кто свою форму на солдатскую поменял? – с хитринкой во взгляде, спросил майор.

– Так я же не выкинул ее!

– Какая разница? К вечеру привезут тебе новую. Еще что?

– Документы мои, вы сами забрали.

– Завтра отдам. Их переделывать пришлось.

– А чего опять не так?

– Лаврентий Павлович говорил, что ты попал под награждение?

– Да, что-то сказал, и что?

– Да то, решили, что за твою самоволку орден для тебя больно много. Поэтому просто повысили в звании и дадут медаль.

– Ого! И этого-то много, зачем?

– Звание-то нужно, а то я узнал, как тебя строил политрук, и доложил. Вот наверху и решили – за заслуги присвоить тебе младшего лейтенанта ГБ.

– Во блин, росту на дрожжах. Как все зубы выбьют, наверное, к полковнику доберусь.

– Ага, мечтай. Просто дело вы сделали хорошее и выполнили все отлично.

Вечером принесли форму, вошла медсестра Юлечка, такая ладненькая, положила на тумбочку. Я со вздохом посмотрел вслед уходящей сестре и развернул одежду. Все знаки различия уже были на своих местах. Я с удовольствием напялил шмотки и оглядел себя. Ай да вояка.

Ходил я уже нормально, прихрамывал только. Но боли не было совсем. Наверное, привычка уже. Немного покрутившись у зеркала, Юля и его принесла, опять переоделся в халат. Завтра наконец дело появится. Почти три недели дуру гнал. Нет, мне не сдохнуть хочется, хотя и не исключено. Просто так уж я был воспитан, вся моя большая семья, военные. Меня всегда тянуло к оружию, как наркоманов к героину. Такая видно уж судьба, не в двадцать первом веке, а тут. С такими мыслями я лег в кровать и моментально уснул.

Опять не успел проснуться до того, как Истомин придет.

– Подъем, мамлей!

– Здравия желаю.

– Доброе утро, – майор был в хорошем настроении.

– А оно бывает добрым? – Я сонно натягивал портки.

– Раз проснулся и есть дело, значит, доброе. Все, просыпайся давай.

– Так я уже встал.

– Но не проснулся. Вот твоё оружие, – сказал майор, протягивая мне кобуру. – А вот новые документы.

Я раскрыл книжечку, правда, мамлеем сделали. Убрав ее в карман, застегнул ремень и поправил кобуру.

– А чего ты кобуру как фашист носишь, по уставу как положено?

– А кто воюет больше, мы или немцы? Они ведь не просто так ее вперед вешают. Так удобнее. И вынуть пистолет быстрее позволяет, и стрелять тоже.

– Ну смотри. Могут возникнуть придирки.

– Интересно, что за светлая голова у нас устав писала?

– Это очень заслуженные люди, поаккуратней со словами. Больно ты у нас на язык острый.

– Ну, вы ведь никому не скажете?

– Готов? – не ответил Петрович и отмахнулся.

– Так точно! – Я и вправду был готов.

– Пошли давай, самолет ждет.

Глава 14

Вылетели мы через час, а еще через час садились на каком-то маленьком поле. От самолета нас забрала полуторка, даже странно видеть было, как Истомин в нее залезал. В кузове сидело еще пяток бойцов, все в фуражках с синим околышком. Сопровождение.

– Все поедут? – спросил я у майора.

– Да, это моя группа, знакомься.

Парни по очереди пожали мне руку, представились.

– Они все знают? – спросил я тихо у майора.

– Ничего, если будет нужно, я сам скажу то, что считаю нужным.

– Ясно. А куда едем-то, секрет?

– На фронт, – отрезал Истомин.

Я не стал продолжать, видно было, что майор не желает говорить. В части, которую мы посетили первой и задержались в ней надолго, командующий полком, подполковник Иванцов, принял нас не добро.

– Чего, уже арестовывать примчались? – раздраженно спросил он.

– Это не по нашей части, товарищ подполковник, просто посмотреть, – не моргнув глазом, ответил Истомин.

– А чего тут смотреть. Стоит фрицам ударить, как следует, и все – амба.

– Что, совсем туго? – продолжал Истомин.

– А как еще? Снарядов нет, топлива нет, продовольствия – тоже нет. Как воевать прикажете?

– Все будет. На путях диверсии, снабженцы застряли. Потеряли уже два эшелона боеприпасов и продовольствия. Сейчас налаживают контрдиверсионную работу. Очень много предателей развелось, переходят к немцам, а чтобы новые хозяева приняли, устраивают подрывы.

– И все это предатели делают, может, немцы? – не унимался подполковник.

– И немцы тоже, естественно. Куда без них. Авиация у них не дремлет, – майор Истомин достал и разложил на столе карту местности, на которой стоял полк.

– Что у вас на левом фланге, товарищ Иванцов?

– Два танка, без горючего. Там несколько домишек от деревни осталось, ну мы танки в сараях и замаскировали. У них десяток снарядов на двоих. Там же неполная рота, стрелковая. Много раненых. Легкие все на позициях, тяжелых держим в тылу. Отправить не на чем.

– Справа что? – продолжал Истомин.

– Рота, плюс минометчики. Артиллерия вся в центре, да и осталось-то их. Четыре пушечки да снарядов по ящику на ствол.

– Сегодня вечером, крайний срок завтра утром, подойдут подкрепления и снабжение. Ваш полк – ближайший от узловой станции. И именно на вашем направлении, по данным разведки, сосредоточены главные силы фашистов.

– Опять нам все самое вкусное, – рассердился комполка.

– Я же сказал, успеем пополнить ваше войско. Вы должны выдержать первый удар, смотрите сюда, – Истомин ткнул в карту карандашом. – Ставкой разработана операция, я уполномочен довести ее до вас. Вот здесь вы, – майор опять показал что-то на карте, – в километре от вас на восток, в вашем тылу, понижение местности. Ваша задача, сдерживая натиск врага, медленно отойти. Продвигаясь назад, нужно немного оторваться от противника, затем вы поднимитесь выше немцев, они попрут за вами...

– А если они окажутся выше?

– Во фланг не ударят. Там уже подготовлен удар наших войск. С севера ударит механизированный корпус Коваленко, а с юга – стрелковая дивизия Назарова. Им все равно на север

надо, а то сами в котле окажутся. Мы должны сделать немцам хороший котел, когда вы затащите их под холмы.

– А чего же просто не атаковать?

– Товарищ подполковник, – это влез я, – немцы будут очень рады, если вы сами к ним придете.

– Это младший лейтенант ГБ, Новиков. Он неплохой специалист в планировании, несмотря на его возраст, – и повернувшись ко мне добавил: – карту посмотри.

– Какой на хрен специалист, – шепчу я майору, – вы чего?

– Дожили, теперь лейтенанты у нас в специалистах ходят! – проговорил командир полка себе под нос и добавил вслух: – Ну, посмотри, специалист.

Посмотрев карту, я понял, что ситуация, швах. В прямом смысле. Для того чтобы это понять, не нужно быть подполковником.

– Разведку проводили? – неуверенно спросил я.

– Конечно, толку только нет, ничего особенного не выяснили. Немцы шерстят у себя в тылах, как наскипидаренные.

– Надо языка, причем серьезного, – сказал Истомин.

– Немцы по одному не ходят, особенно офицеры.

– Ну, у нас есть товарищ, который восемь человек сразу притащил, – сказал Истомин, а я покраснел.

– Товарищ майор, случайно вышло и офицеров там не было, один унтер, – я смущенно отвел глаза.

– Пойдемте-ка, переговорим, товарищ младший лейтенант.

Мы вышли на воздух, майор сразу взял быка за рога.

– Объяснить сможешь его разведчикам, как нужно работать?

– Товарищ майор, вы сами-то слышите то, о чем говорите? Я что, ГРУшник, что ли? Да и как, не зная ни людей, ни местности, чего я объясню? Я же не учитель-разведчик, сам-то неделю на фронте. Вот если сам пойду, то можно на месте сориентироваться, – выпалил я.

– Даже думать не смей. Запрещено.

– Ну, я не полезу в тылы, я лишь местность издалека посмотрю. В бинокль.

– Вместе сходим, – сказал Истомин.

– Товарищ майор, а вы можете моих парней у Лебедева взять? Где они сейчас находятся?

– А вот это хорошая идея. Пошли, сейчас попробуем связаться.

Нам довольно быстро установили связь с дивизией, в которую влились остатки 235-й. Комдив там другой, но майор выпросил-таки моих друзей-разведчиков. Обещали прислать как можно быстрее.

– Часа через три доберутся, ты хочешь их послать?

– Я с ними пойду. Так нужно, товарищ майор. Если получится сделать, как вы рассказали Иванцову, то можно будет разом захлопнуть те силы немцев, что лезут сюда. Там вроде не так много их. Часть должна была уйти на Старую Руссу, часть выдвинулась на Красногвардейск, по крайней мере, примерно так было в моем времени.

– Пойдем вместе, все равно убежишь, как не запрещай, а так хоть на виду будешь. Если что... Что ты там про немцев говоришь?

– Как у нас с авиацией?

– Бомбовозы есть поблизости, а что? Ты немчуру хочешь отбомбить?

– Есть одна мыслишка. В наступлении немцы не успеют развернуть ПВО. Дадим втянуться, потом с флангов захлопнем кольцо, ну а дальше дело летунов. Нужны бочки пустые и еще кое-что...

– Чего-то удумал. Что, прорвало? – с каким-то особенным любопытством подметил Истомин.

– Есть немного, – ехидно потеряв руки, я вспомнил о герое книги Конюшевского. Рассказав Истомину о новинке, посмотрел на его реакцию.

– Сможешь? – только и произнес он.

– Конечно, не настоящий, а лишь подобие его, но эффект – будет! – Я пояснил, как будет выглядеть моя затея.

– Толково мыслишь. Только высока вероятность зацепить своих, – молчавший до этого комполка вставил свои пять копеек. Истомин рассказал ему план, только «забыв» упомянуть о нападке. Ага, именно его и будем варить.

– Не знаю, как лучше совместить действия, я не генерал, – отвел глаза я, когда мне предложили слово.

– Зато я, кажется, знаю, – сказал подполковник, – хотя тоже не генерал.

– Семенов, свяжись с летунами, быстро, – окликнул Иванцов своего радиста.

А придумал подпол все очень просто. Ждать, когда закончится охват, было бы глупо. Решено было сделать так. Как только наши, начинают атаку на немецкие фланги, с двух сторон одновременно, в воздух поднимается несколько бомберов. И, не дожидаясь окружения немецких войск, начинают свою адскую работу. То есть просто заваливают фрицев бомбами и напалмом, в один заход. Больше не получится, так как прикрытие у немчуры почти всегда в воздухе. Если летунам удастся хотя бы подойти без потерь, уже удача. А еще, войска, которые должны наступать, останавливаются и начинают долбить артиллерией. Перемешивая немцев с землей. Ну, надеюсь, что-нибудь из этого выйдет. Не привыкли немцы к котлам, может, и удастся их неожиданно накрыть. И конечно, я рассчитывал на новинку.

Майор Истомин еще куда-то ушел, что-то все проверяет, согласовывает. Меня оставили в штабе ждать. Иванцов был здесь же. Все с кем-то говорил по радиации. А потом повернулся ко мне:

– Вроде вы молодой еще, младший лейтенант? А смотрю, нашивка за потрепанную шкуру присутствует, где успели, ведь, наверное, только училище закончили?

– Нет, товарищ подполковник. Не заканчивал. Ранение получил, когда в разведгруппе служил, теперь здесь служу.

– О, так ты не штабной? Молодец. А что за разведчиков вызвал, чем мои плохи?

– Я не говорил, что ваши плохи. Просто, у той группы опыт большой. Знают, как языков таскать. Виноват, я не хотел никого обидеть.

– Да не извиняйся, у меня хорошие парни, но вот не везет. В последнюю ходку пытались взять какого-то майора, сами еле ушли. Из пятерых вернулись трое. Все ранены. Вот так.

– Понятно. Бывает. Тем более, кому у вас идти-то?

– Да есть ребята, только опыта мало.

– Берегите, еще пригодятся. Разрешите выйти подышать?

– Идите, лейтенант.

Конечно, сделать, как я хотел, не получилось. Группа прибыла, в ней появился четвертый человек, они уже были сработаны. Майор меня просто не отпустил, как я ни рвался. Тем более, мы с Истоминным поехали к летчикам. От меня требовалось сделать маленькую пробную «напалмовую бомбочку».

– Да ладно, Серег, сами сходим. Спасибо, что вспомнил о нас. Рады, что ты живой и здоровый, – утешал меня Саня Зимин.

Он теперь всю командовал. Сержантом стал. Мы поговорили чуток, я объяснил, что на рожон лезть не надо. Но, как воздух, нужен язык. Желательно званием постарше.

– Да все сделаем, – казах улыбнулся. – Ты же знаешь, командир.

– Да, конечно, знаю, просто с вами хотел. Парни, а ротный жив?

– Капитан, что ли?

– Да.

– Жив, конечно, зацепило тут немного, но в строю. Командует, а вот дурачка нашего, политрука, извините, товарищ майор, застрелили. Ходил ночью куда-то, ну ему и прилетело, когда немцы внезапно атаковали.

– Ну, сам нарвался. Слушай, Саня. А при ротном связистом был Потемкин, живой?

– Да живой, так с капитаном и бегает. А что?

– Да подружились мы с ним, вот и интересно.

– А-а, понятно, – протянул Зимин. Ну не говорить же им, что Потемкин – мой дед.

– А сейчас нашу 235-ю отводят, на пополнение. Временно сейчас сидим, с остатками еще двух таких же полуживых дивизий. Так что месяц отдыхать будут.

– Ну и ладно.

Парни отправились на задание, а мы – на аэродром. У летунов нашлось почти все, что было нужно для новинки. Только в очень малом количестве. Но все пошло не так с самого начала. Ночью вернулась разведка. Ваню опять зацепило, больно уж он большой, не промахнешься, казах тоже помеченный пришел. А вот Зимина опять пули облетают. Зато ранили пленного оберста, которого он тащил. Весь день его откачивали, приводили в состояние, нужное для допроса. Но толком ничего узнать не смогли.

Немцы внезапно начали наступление. Ночное. За ними раньше этого не замечали. Наверное, из-за оберста своего полезли. Испугались, что планы придется менять. Ударили сильно, но без авиации. С вечера погода сильно испортилась, лил противный холодный дождь. Мы заняли оборону. Еще вчера я через Истомина посоветовал зарыть танки в землю. Все равно горючки нет. А так как доты будут. Уничтожили их, правда, довольно быстро. Немцы лезли как тараканы из всех щелей. Танков было много. К рассвету фрицы взяли перерыв. На кофе, наверное, а мы воспользовавшись этим, отодвинулись на километр в тыл. Разведку они, конечно, выслали, да только хлопнули наши всю эту разведку.

Когда немчура начала долбить артиллерией, нас там уже и не было. Заставляя немцев лезть в мешок, Иванцов грамотно нанес контрудар, дождавшись, когда немчура лучше втянется. Хотя из-за внезапности немецкого наступления, может, и не получится наша задумка. Остальные части еще не совсем готовы. Слишком мало было времени. Хоть Истомин и связался со всеми, но гарантий нет.

Когда фашисты возобновили наступление, стало ясно, почему они прерывались. Танков стало еще больше. Лично не считал, но докладывали, что машин шестьдесят есть. Таким количеством можно из любого мешка вылезти. Когда ударили замаскированные полки с флангов, немцы поступили странно, решив продолжать атаку на нас. Видимо, посчитали, что так проще. На самом деле, они шли очень плотно и, когда в небе появились «Пешки» и посыпались бомбы, начался ад. За то короткое время мы не успели приготовить нужное количество напалма. Сделали всего восемь бочек, но и этого хватило. Эффект вышел – потрясающий. Я сначала сделал бутылку и проверил, а потом, подгоняемый Истоминим, с помощниками сделали уже большую партию. Но, как и у Конюшевского, получился больше эффект, а не эффективность. Но врагу действительно – хватило. Как они бежали!

Фрицы тоже, конечно, вызвали авиацию, но пока те летели, девятка бомберов проредила танки так, что немчура повернула назад. Вот тут-то их и ждал сюрприз. Атаковавшая вовремя с юга дивизия имела десяток танков, Т-28, конечно, не КВ, но немцам хватило. Кольцо было уже замкнуто и по ним вдарил артиллерия. Деморализованные, после «поливки» напалмом, солдаты противника бежали в разные стороны, не зная, где им спрятаться. А с двух сторон летевшие снаряды добавили им впечатлений. Подошедшее тем временем подкрепление, в составе тридцати танков, тоже разных «БэТэшек», забило последний гвоздь в крышку немцам.

Тут и там появились белые флаги. Нам это тоже было на руку, силы были на исходе. В плен сдалось много офицеров, от лейтенантов до оберстов. Особенно радовался Иванцов,

когда к нему привели генерала. А уж простых солдат и всяких ефрейторов с фельдфебелями – замучаешься считать. Мы собрались в штабе одного из запасных полков.

– Ну и дали мы им шороху! – заявил Иванцов, сам участвовавший в бою и получивший пулю в руку.

Он выложил на стол карту, все склонились над ней.

– Немецкий генерал сказал, что тот, кто такое придумал, заслуживает петлю. Дескать, это бесчеловечно! Ага, человеки нашлись. До сих пор этому генералу не приходилось бывать в котле и тем более сдаваться. А уж про огонь с небес – так это вообще отдельная песня. Но он высоко ценит жизни солдат и вынужден был поднять руки, чтобы прекратить эту мясорубку.

Надо все-таки отдать должное этому генералу. Благодаря его человечности, мы и сами остались в живых. Да еще захапали кучу трофейной техники. Теперь у нас была нехватка танкистов, ибо танков резко прибавилось.

Иванцов проведя линию по карте, сказал:

– В радиусе десяти километров немцев нет. Да еще бомберы удачно завернули и снесли аэродром у фрицев. Они сейчас будут подтягивать сюда войска, чтобы заделать дыру в линии фронта. Мы же будем им всячески мешать. В этом нам помогут немецкие же танки.

– Давайте воюйте, покажите немцам, что мы не лыком шиты, – это Истомин взялся поддерживать Иванцова. – А мы убываем.

– Что, все проверили? – в шутку спросил подполковник.

– Да, все. Нам пора.

Когда мы грузились в полуторку, к нам подошел Зимин, сказал, что отправил Ваню в госпиталь, а казах так вылечится. Они тоже уезжали к себе. Мы попрощались с парнями, я попросил Саню приглядывать за дедом. Обещал ему, что еще встретимся. А уже на следующий день мы инспектировали новую часть. Таких в планах Истомина было несколько. С Иванцова мы начали потому, что ситуация тогда была критической. Если бы не план Ставки – и кто придумал-то такое? – подполковник Иванцов уже лежал бы в сырой земле. Хотя, помнится, вроде у Горбатова в мемуарах читал о таком способе обороны.

Глава 15

В очередной дивизии, которая располагалась в небольшой деревушке на краю леса, недалеко от Гатчины, мы уже заканчивали инспекцию, как попали в глубокую задницу. Проезжая через лес из расположения одного полка, попали в грамотно организованную засаду. Засадили нам по самые помидоры. С Истоминым мы потерялись почти мгновенно, нас выдернули из машины в разные стороны в одну секунду. Не знаю, как он, отстрелялся или нет, а я «попал».

Граната разорвалась почти под колесами. Водитель остановился резко, я не успел встать, как меня трое прямо из кузова вытянули на землю. Бойцы, что были с нами, еще отстреливались, а меня уже куда-то волокли по лесу. Отец у меня не Брюс Ли и не Джеки Чан, но в юности я занимался самбо и каратэ. И довольно успешно. Решил ждать, где-то они должны остановиться на отдых. Не потащат же меня через линию фронта прямо сейчас. До нее дойти еще надо. И точно, примерно через час бега они остановились. Нашли место, видимо оговоренное заранее, так как даже костер развели. Меня обшмонали, ремень с пистолетом сняли, гранату в кармане нашли. Нет, это не кино, нож из-за голенища тоже вытащили. А больше у меня ничего и не было. Забрали документы и долго разговаривали, я немного подучил немецкий, упражняясь с Истоминым, поэтому понимал. Не все, конечно, лают как собаки, «гав-гав-гав», «гав-гав-гав». Но в целом картина была такая: фрицы должны встретиться с отставшими именно здесь, радовались, что удачно выполнили приказ.

Фрицы жрали. Тушняк, предварительно разогретый на костре, офигительно пах. Я, усевшись на землю, размышлял. Раз встали на дневку, значит скоро придут остальные, если остались. Времени мало. Устав глотать слюни, попросил у немцев пожрать. Гансы сначала расхохотались, говоря, чтобы я ел подошвы. На что я ответил, что даже подошвы надо есть руками, а у меня они связаны за спиной. Один из гансов встал, поставил банку на землю и подошел ко мне. Подняв меня, вытащил еще одну веревку и привязал к ноге, второй конец привязал к деревцу. Веревку на руках ослабил, и я сам ее стащил. Надо же, какой немец нынче не пуганный пошел. Принеся мне банку тушенки, открытую, поставил ее на землю, говоря, чтобы я ел руками. Я уже хотел сесть, как фриц, на свою шею, ударил меня в живот. Согнувшись пополам, я выдохнул и со всей своей пролетарской ненавистью ударил непривязанной ногой ему по яйцам. Немец, согнувшись, что-то замычал, а я, уже схватившись за ножны фрица, тащил из них штык-нож, выдернул его в один миг. Ржавший надо мной до этого фриц пытался разогнуться, но я был быстрее. С ножом обращаться меня в свое время, хорошо натаскали. Клинок вошел ему снизу вверх в горло. Ганс забулькал и начал заваливаться на меня, а я, подхватив его под руки, прикрылся им от возможной стрельбы. Но ее не последовало, я попробовал дотянуться до кобуры, держа немца, одной рукой, это было не очень удобно. Нашупав клапан, растянул кобуру. Вытянув пистолет, направил его в сторону двух, уже стоящих у костра, надеясь, что патрон в патроннике. Те, видимо, не поняв, что их друган уже на небе, не стреляли. Один вражина, направив на меня МР-40, хлопал глазами, а второй и вовсе не успел поднять свой пистолет-пулемет. Я крикнул, чтобы бросали оружие, но те стояли как вкопанные, тогда мне пришлось положить немца на себя, а второй освободившейся рукой дослать патрон. И правильно, в стволе патрона не было. Немец с поднятым МР-40 тоже передернул затвор, но поздно, выстрел резанул по ушам и эхом разлетелся по лесу. Второй фашист рывнулся было за своим оружием, но вторая пуля, выпущенная с пяти метров в его сторону, охледила его пыл. Следующим выстрелом я уложил его наповал. Скинув с себя труп, надо же, привык, даже позывов для тошноты нет, быстро отвязал ногу. Кровищи вокруг... Я так и вовсе весь был облит. Подойдя к остальным, неживым, собрал оружие, снял подсумки с магазинами. Гранаты. Запихал все в первый попавшийся рюкзак. Так, наверное, скоро гости пожалуют, если кто-то остался. Надо встречу подготовить. Дохлах фрицев оттащил под кусты. Сам выбрал место

в других так, чтобы было видно всю полянку. Улегся на гансовскую плащ-палатку, положил рядом оба пистолета-пулемета, запасные магазины. Проверил, снаряжены ли. Подумав, вытащил гранату.

Ждал я не долго, даже не успел замерзнуть. Примерно через час послышались осторожные шаги, ветка хрустнула. Увидев, я закусил губу. Майор ГБ Истомин плелся между двумя гансами, весь в кровище. Наверное тоже, как у меня, до ножа дошло. Форма на нем была вся в грязи и порвана. Черт, взяли все же, ну видать и им досталось. Всего двое. Они уже подходят, чего делать-то?

Когда оставалось всего метров десять, я швырнул им под ноги гранату, не сдернув колпачка. Сработало в очередной раз. И как не сработать, я и сам бы рухнул сразу же, инстинктов никто не отменял. Первый идущий ганс тут же упал на землю, Истомин за ним, а второй фашист замешкался, видимо прозевав момент. Треснул МР-40, ганс хватаясь за воздух, завалился на землю. Тот, что шел первым, открыл ответный огонь. Но ему на спину прыгнул Истомин, не знаю, чем бы это закончилось, но я в два прыжка оказался возле них. Ганс уже подмял под себя майора, тот не мог со связанными за спиной руками сопротивляться. Я пробил со всей дури фрицу ногой в лицо, того отбросило. Я навел пистолет-пулемет, но майор меня остановил.

– Оставь его, надо взять с собой, поговорим немного, – сказал он.

– Хорошо, как вы? – я стоял как истукан, не зная с чего начать.

– Развяжи, потом поговорим.

Быстро развязав веревку, я связал немца. Причем по рукам и ногам. Поднял гранату, заткнул за пояс.

– У него в кармане мои документы, – произнес Истомин.

– О, блин. Так мой-то, тоже где-то рядом, а я и забыл. Вы не ранены, товарищ майор?

– Просто побит, норма. Сейчас отдохну... – Истомин принялся растирать руки.

Я пошел искать документы в карманах убитых мной ранее. Когда обыскивал, подошел Истомин.

– Во бля, трое. Как же ты их так? – вытаращил глаза майор.

– Да блин, как в сказке, – я нехотя ответил. – Они, похоже, конкретно нас искали, ну или вас! Сдала сука какая-то.

– Вот и хорошо, что не завалил последнего. Поспрашиваем. Может, и знает что.

– Да хрен он чего скажет, скорее всего и не знает ничего. Только свои обязанности, – я зло сплюнул в сторону. Вытащив у одного немца сигареты и зажигалку, скорее закурил. Руки тряслись. Увидев это, майор сказал:

– Посмотри у них, может, у кого шнапс есть. Выпей немного, пройдет.

– Не пью я. Совсем.

– Это плохо. Трясучку на раз отбивает. Чего, всегда так колотит?

– Только когда ножом валю. Ладно хоть блевать перестал. А то раньше...

– Пойду, поспрошаю, может, еще неучтенные какие остались.

А я достал банку тушенки, обтер как следует свою финку, забрал ее сразу, как только освободился, и начал есть. Майор вернулся быстро. Протянул руку, попросил поделиться. Я достал еще одну банку и подал ее Истомину. Быстро перекусив, майор рассказал следующее. Сдали нас свои, кто именно, немец, конечно, не знал, их забросили сюда давно, но утром пришел приказ на захват представителей Ставки. У них было даже примерное описание нашей группы. Я предполагал, конечно, что такие вылазки опасны, но сдали нас – свои. Бойцов охраны положили всех. Но и они выбили у немцев больше половины. Здесь должны были встретиться те, кто выживет. Забирать их будут завтра. Тот, кто нас сдал, подсказал коридор, свободный от войск до восьми утра. А предатель должен уходить с ними.

– Во придумал, сука! – прошипел Истомин. – Ну я ему теперь уйду.

– Ладно, идти пора. Куда только? Меня быстро волокли, не понял даже в какую сторону, – сказал я.

– Да тут не так уж и далеко. Я помню, по карте смотрел, тут рядом два полка стоят. Наверное, на их стыке нас и хотели проташить. Дай один автомат.

– Да, пожалуйста, их тут целых пять. Если не далеко, то я все заберу. Нашим все пригодится, патроны надо с тех снимать, – я показал майору на его бывших мучителей. Кстати, второго он уже кончил.

Примерно через час скитаний нас окликнули:

– Стоять, бросить оружие, руки вверх!

Мы последовали требованию. К нам подскочили два бойца, обыскав нас, забрали документы.

– Кто такие? – откуда-то сбоку прозвучал сочный бас.

– В документах сказано. Прекратите дурака валять и подойдите сюда. Спустя несколько секунд из-за густой ели вышел огромный детина с мосинкой в руках. Боец, который забрал наши документы, протянул их этому здоровяку, видимо, командиру. Посмотрев в документы, сравнивая фотокарточки с оригиналом, «Детина» кашлянул. Протянув корочки мне и Истомину, вскинул к виску руку и произнес своим густым басом:

– Здравия желаю, товарищ майор государственной безопасности, младший сержант Борисов, командир охранного отделения.

– И чего вы тут охраняете? Лес? – недовольно спросил майор.

– Так поставили сюда, сказали здесь стоять, я тоже не понимаю, что мы тут делаем. Вроде сидели на опасном участке дозором, а нас сюда.

– А кто приказал? – Истомин вдруг прищурил глаза.

– Так капитан наш, сказал, что здесь место не прикрыто. Вот, вас поймали, – немного смутившись, ответил младший сержант.

– А проводи-ка ты меня к вашему начальству, к капитану, то есть. И отделение свое возьми. За нами нет никого, так что не бойся.

Мы прошли немного по лесу и вышли к каким-то домишкам.

– Что тут за деревня? – спросил Истомин.

– Да бывшая деревня, ушли местные, пустая она совсем. Мы тут стоим. Вон в том домишке, где печь топят, командиры и сидят, – сержант показал на маленькую избушку, из трубы в крыше виднелся дымок.

– Окружите дом, сержант. Никого не пускать, ни туда, ни оттуда. Серег, пойдем.

Мы осторожно подошли к дому. На крыльце стоял боец с винтовкой. Увидев нас, парень вытянулся, но майор не дал ему заорать, подставив к губам палец.

– Кто в доме? – спросил он у бойца.

– Командир роты и особист полка, – как-то испуганно прошептал в ответ часовой.

– Чего делают? – продолжал тихо Истомин.

– Да самогон пьют, бойцы раздобыли, когда народ из деревни ушел. А они отняли, меня за водой посылали, я принес, захожу, а они там квасят вовсю.

– Ну, пойдем, приведем их в чувство.

Войдя по-тихому в дом, мы оказались в небольшой комнатке. Два человека сидели за столом. Майор, оглядев их, рявкнул так, что оба вмиг протрезвели. Таких оборотов речи я и не слышал никогда. Истомин помянул их родных, колена до пятого. Эти вояки стояли по стойке смирно, судорожно пытаясь застегнуть пуговицы на гимнастерках.

– Товарищ оперуполномоченный, твою мать, ты вроде должен пресекать пьянство, а ты и сам наакался.

Особист не знал, что ответить, стоял и боялся рот раскрыть. Слишком пьян был. А вот капитан был смелый. Быстро придя в себя, начал возмущаться.

– А кто вы такой, что себе позволяете?

– Так это ты бойцов снимаешь с участка, наиболее подходящего для прохода диверсионных групп? – не отвечая на вопрос капитана, давил свое Истомин.

– Что? О чем это вы? – капитан растерялся.

– Как это о чем. Кто сейчас у тебя на стыке с соседями. Ни одного наблюдателя! А зачем ты их снял?

– Я никого не снимал, о чем вы?

– Так, капитан, ты арестован. Два часа назад в вашем районе, немецкими диверсантами было организовано нападение на сотрудников госбезопасности. По показаниям пленных, им помогал кто-то из наших. У меня есть подозрение, что это ты, капитан.

Остальное, я видел как в замедленном кино. Капитан выхватывает из кобуры ТТ, Истомин толкает меня в сторону. Я падаю и вижу, как майор тоже выхватывает ствол. Началась стрельба. Первым рухнул особист, его убил капитан, затем и сам повалился на пол. Майор Истомин медленно опустился на стул. Я увидел, как он прижимает руку к животу, и бросился к нему. В комнату уже вбежали трое бойцов.

– Вот и меня пуля нашла, Новиков, – майор медленно прикрыл глаза.

– Эй, майор, ты чего? Сейчас в санбат. Все будет в порядке, – я наплевал на субординацию.

– Хреново что-то мне, Серега. Дай воды, – Истомин тяжело дышал. Мне стало даже страшно, чего делать-то? Кто-то побежал за помощью, два бойца осторожно перенесли Истомуна на кровать. Задрали гимнастерку, с правой стороны, ниже ребер, все было в крови. Ее было столько, что мне поплохело. Я вообще стоял как баран. Черт, ранение в живот – очень опасно.

– Чего стоишь, младшой, нарви скорее тряпок, вон простынь лежит. – Один из бойцов, мужик на вид лет около сорока, показал куда-то в сторону. Я ошалело оглянулся, на комод в углу лежали какие-то тряпки. Подбежав, я схватил одну похожую на простынь. Разрывая на лоскутки, стал подавать их солдату. Тот сноровисто складывал их и прижимал к ране. Куда именно попала пуля, я не видел.

– Кровь не черная, хорошо! – опять подал голос солдат, державший тампон. – Возможно, печень не задело. Обойдется, видел уже и посерьезней раны.

Откуда-то появился военфельдшер и девчушка санинструктор. Врач первым делом выгнал всех на улицу, но майор попросил меня обыскать убитого капитана. Я начал шмон и старался не глядеть, что делает врач.

Тот что-то вколол майору, затем стал осматривать рану и подтвердил предположение солдата.

– Пуля внутри, но жизненно важных органов не задела. Сейчас извлечем и обработаем. Еще поживете, товарищ майор госбезопасности.

Дальше я смотреть вообще не смог, Истомин аж подпрыгивал на кровати, представляю, какая это боль. А я тем временем вытащил из кармана капитана фонарик, листочки бумаги в каких-то цифрах и надписях. Потом достал тонко скрученную в маленький рулончик бумажку. Развернув, офонарел. Капитан явно был в чем-то замешан. На бумажке был нарисован план построения обороны наших войск. Глубина обороны, количество не только танков и людей, но даже винтовок. Еще какие-то данные. Ладно, потом разберемся.

Врач продолжал заниматься своим страшным занятием, а я вышел. Подойдя к солдатам, стоящим неподалеку, прикурив немецкую сигарету, парни вели разговор.

– Ребят, а ничего подозрительного не происходило в последние дни? Может, новые люди появлялись или старые пропадали?

Ко мне обернулся тот сержант, который нас «поймал».

– Так из новых только вы и появлялись, а вот пропадать...

– Ты же рассказывал, что он где-то бродил почти сутки, – заговорил еще один солдат.

– Кто где бродил? – спросил я.

Сержант почесал затылок, сдвигая на нос пилотку.

– Ротный пропадал где-то позавчера. Явился ночью, злой как собака. Все строил всех, раньше вроде нормальный мужик был. А как его за отступление тряхнули в особом отделе, стал каким-то другим, что ли?

– А что случилось у вас? – спросил я.

– Приказ у нас был, высоту держали. Капитан вдруг отдал другой, отступить. Стали пятиться, а немец за нами не идет. Оказывается, они обошли с фланга, уничтожили 11-й полк, а в нем госпиталь был. Там всех перебили. Мы стояли крепко и силы были, зачем он это сделал, вопрос. А главное, почему его отпустили особисты? Вот загадка.

– А где допрашивали? – хотя я уже все для себя сложил.

– В штабе полка.

– Полка, даже не в дивизии? – удивился я.

– Так точно, нас же тоже туда вызывали. Спрашивали, почему отошли, была ли необходимость.

– Ясно все. Вот где крыса сидит.

– Какая крыса? – спросил сержант.

– Это я о своем, не обращай внимания.

Понятно, значит из полкового начальства тоже кто-то замазан, то есть он-то и отдал приказ капитану пропустить немцев. Хотя, может и тому приказали. Какая длина у этой цепочки предателей, еще предстоит выяснить.

– Где штаб дивизии, можешь показать? – спросил я у Базаева.

– Да, километра полтора будет.

– Так, а не тот ли это штаб, из которого мы и ехали с Истоминным, – подумал я и добавил вслух: – Поехали, есть на чем?

– Товарищ младший лейтенант госбезопасности, у нас только лошадки. – Во блин, я на них и не сидел ни разу.

– А телеги нет?

– Есть, как не быть, – ответил сержант. Ну и славно, а то меня бы тут на смех подняли.

– А полковое начальство где?

– В другую сторону, с километр.

– Ясно. Давай сразу в дивизию.

Сержант ушел за подводой, а я вернулся в дом, – узнать, как Истомин. Доктор сообщил, что пулю они достали, рану почистили. Должно все быть нормально, но нужен покой и уход. Сказал, что майор приходил в сознание, все рвался что-то сказать мне. Я спросил, куда они его повезут. Доктор рассказал, как найти госпиталь. Но потребовал от меня машину. Выяснилось, что штаб дивизии находится по пути в госпиталь. Решили все ехать на подводе, которую приведет сержант Базаев.

Выйдя на улицу перекурить, увидел сержанта, тот кормил лошадку с руки.

– Тащ младший лейтенант, карета подана, – съязвил он.

– Слушай, Базаев, постели чего помягче найдешь, майора повезем в госпиталь.

– Сейчас соломы накидаю, шинельку подстелим и порядок. Как на перине будет.

– Отлично, крикни бойцов, надо вынести и положить раненого в телегу.

Крикнув кого-то из бойцов, сержант сам пошел с ними. Вчетвером вынесли из дома Истомина и положили в подводу. Тот постонал чуток, но не проснулся.

– Ослаб он сильно. Кровушки-то вытекло прилично, – сказал врач, выйдя на улицу.

До штаба дивизии мы добирались долго. Но доехали без приключений. Там я нашел какого-то батальонного комиссара и попросил связаться со Ставкой. Что говорить, мне объ-

яснил по дороге Истомин, когда пришел в себя ненадолго. Я вызвал группу следователей из Москвы. Обещали скоро прибыть. Дальше крутить местных гнилых армейцев будут уже настоящие следователи.

Майора, после осмотра в госпитале, приказали везти в Москву. Меня отправили сам собой вместе с ним. По прилете, Истомина увезли в госпиталь, а мне было приказано прибыть на Лубянку.

Добрался быстро. На аэродроме нас встречали, они же и привезли в наркомат. Пройдя через приемную и сдав оружие, я вошел в кабинет.

– Здравия желаю, товарищ генеральный комиссар безопасности.

– Проходи, Сергей, присаживайся, – Берия был какой-то нервный, но старался выглядеть спокойным, по крайней мере так мне показалось. – Расскажи, что у вас там произошло?

Тщательно, со всеми подробностями, я рассказал Берии, что происходило на фронте, там где мы были с Истоминим.

Лаврентий Павлович остановил меня, когда я говорил о стрельбе, в которой был ранен Истомин.

– Значит, они и не пытались оправдаться.

– Да опер-то вроде бы и не при делах был, а вот капитан...

– Ну, это выяснят. Значит, капитан сразу начал стрелять?

– Вначале пытался что-то вякнуть, но когда Истомин объявил ему, что задерживает, тот выхватил пистолет.

– А в кого он стал стрелять, ты видел?

– Мне показалось, что он просто стрелял в нашем направлении. Стояли близко, сказать, в кого именно, не смогу. Да и в меня он точно не попал бы, майор в одно мгновение меня оттолкнул. Я ведь даже к пистолету не потянулся, а уже все было кончено.

– Истомин, конечно, молодец, но вот сам пулю получить не должен был. Он мне живой нужен.

– Я смогу его навестить, Лаврентий Павлович?

– Конечно, но не один. Я с тобой поеду. Мне из госпиталя обо всем доложили, конечно, но я сам хочу ему спасибо сказать. Благодаря вам, обоим, теперь наконец раскроются подлинные враги. Хотя бы часть таковых.

Это была далеко не бравада и не просто слова. То, что творилось на Ленинградском фронте, не лезло ни в какие ворота. Про другие участки фронта я просто не знал.

Глава 16

Мы побывали в госпитале, Истомин уже был в сознании. Уход за ним был соответствующий, и он пребывал в хорошем настроении. Берия оставался с ним наедине, говорили минут двадцать, потом позвали меня. Я поблагодарил майора за то, что он спас мне жизнь, а тот, взглянув на Берию, отмахнулся и сказал не за что.

Сидел я у него часа два. Берия, сославшись на дела, уехал. Но для меня прислал эмку с водителем и охранником. Вот так. Уходя от Истомина, я пообещал заходить почаще, так как на фронт без него меня все равно непустят. Майор, взял с меня слово, что в следующий раз приду с гитарой. Я обещал, хотя понятия не имел, где ее взять.

Шофер отвез меня обратно на Лубянку, но не в НКВД, а в жилой дом, практически напротив. Поднялись на третий этаж. Водитель, Андрей Семенов, позвонил в дверь с номером 11. Дверь открыла тучная дама, лет пятидесяти, в очках с толстой оправой и копной рыжих волос на голове.

– Знакомьтесь, это Сергей Новиков, – сказал Андрей женщине.

– Алевтина Игоревна, очень приятно, молодой человек.

– Взаимно, Алевтина Игоревна.

– Алевтина Игоревна, Сергей – ваш новый постоялец.

– Хорошо, Андрюша, а ты почему не заходишь ко мне?

– Так служба, Алевтина Игоревна, некогда. Ну, я побежал. Товарищ младший лейтенант, завтра в восемь заеду, приказано доставить вас в Кремль.

– О как! А не знаешь, зачем?

– Это уж мне не известно. До завтра.

Водитель убежал, а вместо него поднялся охранник, Толя Круглов. Ему приказали быть со мной всегда. Оба парня, как я потом узнал, были сержантами ГБ.

– Пойдемте пить чай, мальчики. Потом покажу вам вашу комнату.

– С удовольствием! – ответил я за обоих.

Великолепное чувство – чай, с домашними булочками и малиновым вареньем. Тишина, покой. Как будто и войны нет. Но она здесь, рядом. Хозяйка спросила о войне, рассказал, что люди стоят насмерть, бьются до последнего. Враг очень силен, она все время кивала. Потом я спросил, как живется в Москве. Алевтина Игоревна ответила, что все чаще совершаются налеты, город пытаются бомбить. Зенитчики не дремлют, но все равно страшно. Вдруг следующая бомба упадет именно на наш дом. Тут же, как в доказательство ее слов, протяжно завывала сирена, оповещающая о бомбежке.

– Ну, вот, – со вздохом сказала Алевтина Игоревна, – ребята, пойдемте в подвал.

Толя взял автомат и вышел за дверь. Я скользнул за ним, а хозяйка закрыла двери.

Неловко было сидеть в подвале, полном женщин, детей и пожилых людей. Казалось, что смотрят прямо в душу, дескать, что же вы здесь сидите, а кто немца бить будет. Было очень стыдно. Я вспоминал, что читал где-то, как подростки во время бомбежек сидели на крышах и тушили зажигательные бомбы, если они попадали в дом. Хотел было встать и выйти, но Анатолий, взяв меня за руку, объяснил, что никуда меня непустит. У него приказ охранять меня, и он его выполнит. Нет, я, конечно, не полез бы на крышу. Хотелось просто выйти отсюда, стыдно было. Где-то вдалеке слышались раскаты взрывов, трещали зенитные пулеметы, хлопали зенитки калибром побольше. Рядом ничего не взрывалось. Наверное, центр Москвы прикрывали очень хорошо. Вскоре дали отбой, люди потянулись к выходу. Ко мне вдруг подошла девочка лет десяти.

– Дяденька командир, а немцы сюда не могут прийти?

– Нет, что ты, родная, – ответил я. – В Москву им никогда не войти. А скоро мы их погоним назад.

– Правда?

– Конечно, милая. Как тебя зовут?

– Аня Серова, мой папка тоже немцев бьет, он командир. Знаете, какой он сильный? Он всех фашистов разобьет!

– Конечно, разобьет, по-другому и быть не может, – я достал из кармана немецкую, трофейную шоколадку, взял тогда у диверсантов, и протянул ее девочке.

– Держи, солнышко, а мама твоя где?

– Она на работе, ямы копает. Поздно придет. Я с бабушкой здесь.

Я поднял глаза и встретился взглядом со старушкой. Она подошла к нам.

– А что надо сказать, Аня?

– Ой, спасибо большое, дяденька командир, – пролепетала она, глаза у нее горели и, повернувшись к бабушке, показала ей шоколад.

– Спасибо, сынок, – сказала она и добавила тихо, приблизившись ко мне. – Погиб ее отец. В первые дни еще. Он пограничником был, уже и похоронку прислали. Ладно, хоть не без вести пропал, паек все равно получаем.

Хотел позвать их к нам, дать продуктов, но остановился. Сколько таких вот детей останется без родителей. Всем-то не смогу помочь, но спросил номер квартиры, в которой живет эта милая девчушка.

– А мы в третьей живем, на первом этаже, – сказала Аня.

– А что за ямы мама копает? – решил спросить я.

– Канавы за городом, от танков, что ли.

Мне захотелось провалиться там же, где стоял. Блин, вот долбаный Гитлер, бабы лопатами рвы противотанковые роют. Читал я об этом, приходилось, но тут что-то не сообразил сразу, теперь от стыда горю.

А ведь и правда, Берия сегодня был задержанный. Какое сегодня число?

– Толян, какое число сегодня? – повернулся я к Круглову.

– Так двенадцатое вроде.

– Ты сводку случайно не читал?

– Да нам и не дают. А что случилось?

– Извините, мы сейчас, – я побежал в квартиру.

Взяв дома картошки, хлеба, сала, еще что-то, завернутое в бумагу. Это Андрей нам передал как паек, когда уезжал. Тряхнул головой на вопросительный взгляд Анатолия и пошел искать квартиру номер три. Постучал в дверь. Открыла мне Аня Серова бабушка и пригласила заходить. Толя сказал, что будет на лестнице, и остался стоять на площадке. Я вошел, бабушка провела в кухню. Поставила на стол чайник.

– Только вот чая нет, кончился. Больше пока не дают.

– Как это нет, есть, – сказал я и показал ей коробку, в которой у меня лежали продукты. Поставив ее на стол, я вытащил все содержимое. Бабушка была в шоке.

– Я не могу взять у вас эти продукты, – заявила она.

– Как это не можете, почему? – удивился я.

– Вы военные, вам нужнее, – проговорила она.

– Да что вы такое говорите, кому как не детям надо хорошо питаться. Они – наше будущее.

– Поужинаете с нами, только так я соглашусь, – подумав немного, согласилась женщина.

– Спасибо, с удовольствием, – ответил я, – сейчас друга позову.

Я вышел на площадку, Толя стоял как истукан.

– Слышь, охрана, ты чего, железный, что ли? Пошли, давай со мной, – Толя секунду поколебался, но вошел вслед за мной. На кухне уже вовсю кипела работа. Бабушка с внучкой чистили картошку, мы тоже присоединились к ним. Вчетвером управились мгновенно. Бабушка, а звали ее Зинаида Петровна, поставив картошку жариться, стала резать сало и хлеб. Толя открывал консервы.

– Сыночки, спасибо вам, родные, – проговорила Зинаида Петровна, когда мы сели ужинать, я чуть не подавился.

– Вы что, Зинаида Петровна, это мы вам благодарны. Простите, если что не так.

– Ребятки, как вас нам не хватает. Немец гад, всех забирает. Уже на улицах одни бабы да калеки. Скоро совсем мужиков не останется.

– Нельзя так думать, скоро все изменится, помяните мое слово. После Нового года погоним фрицев назад, в их поганую Германию.

– Ой, помоги вам Господь, сынки.

Поужинав, мы покинули гостеприимную старушку и ее внучку. Выйдя на площадку, Толя взял меня за плечо.

– Слушай, Серега, чего случилось-то? Ты сам не свой.

– Двенадцатое, говоришь, сегодня?

– Да, что ты к числу прицепился?

– Завтра немцы Калугу возьмут.

– Ты чего, сдурел, что ли? С хрена?

– Я тебя про сводку не зря спрашивал, я точно знаю, поверь. И не задавай лишних вопросов, все равно не отвечу.

– Понял, – проговорил Толя, и мы стали подниматься вверх.

Алевтина Игоревна нас заждалась и обиделась, а то, что не стали ужинать. Я рассказал ей, как было дело, она нас поняла.

– А телефон работает? – спросил я у хозяйки.

– Иногда перебои бывают, но вроде должен. Хотя после бомбежек частенько молчит.

– Я позвоню?

– Да конечно. В прихожей, – она указала на телефонный аппарат.

Я набрал номер, который дал мне Берия. Когда соединили, я услышал знакомый голос:

– Слушаю!

– Лаврентий Павлович, есть информация, только сейчас вспомнил.

– Давай в машину и ко мне. Стой. Ты у Алевтины?

– Да, отсюда и звоню.

– Я подъеду сам. В машине поговорим. Мне уже ехать пора, но время есть.

Я вернулся к Толе и хозяйке. Та усадила нас за стол, но есть мы не хотели, поэтому она продолжила начатый ранее разговор.

– Ребят, не вините себя. Вы ведь тоже воюете, враги-то повсюду, даже в тылу.

– Да мы понимаем, но все равно противно. Мы здесь, а женщины землю копают.

– Сергей, у вас вот ранение, наверное, не в тылу получили? А говорите стыдно! И ходите хромя, и руки тянутся к ране – рефлекторно.

– Вы, наверное, следователем раньше были. А вообще, не так важно, где меня поместили. Все зажило давно. Но вы правы, гнид всяких кругом много. Работы – непочатый край.

– Вот видите. Давайте спать забирайтесь, уже поздно. Вам вставать рано, – ответила хозяйка, мягко и умело уйдя от ответа.

– Позже, дорогая Алевтина Игоревна. Мы сейчас вас покинем ненадолго. Вернемся, я думаю, скоро, вот тогда и поспим. Если получится.

Мы с Толей сидели минут двадцать, наверное. Он просил рассказать, где я воевал. После моего краткого рассказа заметил:

– Уж если тебе стыдно, с твоей-то дырявой шкурой, то про меня и говорить нечего. Ловим всякую шваль, которая у народа последнее отнимает.

– Ладно, Толян. Давай не будем о грустном. Скажи-ка мне, где в Москве можно гитару добыть. А то меня Истомин в госпиталь не пустит.

– Съездим завтра, если время позволит, к одному человечку, – подумав несколько секунд, ответил Толя. – Музыкант, до войны выступал много, сейчас болеет, ноги отказывают. Он тебе и посоветует что-нибудь.

– Договорились. Пошли на улицу.

Мы только выходили на площадку, как к нам поднялся человек в штатском.

– Сергей Новиков? – спросил он. – Вас ждут внизу. Пойдемте!

– Идем, – я кивнул Круглову.

Спустившись, вышли из подъезда. У входа стояла машина Берии. Человек в штатском открыл мне дверь, подождал, когда я сяду, захлопнул.

– Что вспомнил? Что-то важное?

– Да как сказать. Числа всплыли случайно в голове. Завтра, тринадцатого, немцы возьмут Калугу. 16-го Боровск, а 18-го Можайск. Помню, читал, что бойцов на Западном фронте, нет и ста тысяч. Не говоря уже о технике. Несмотря на упорство наших войск, немцы снесут нашу оборону. 15-го числа, ГКО примет решение об эвакуации Москвы, а 16-го в городе начнется паника.

– Так, сегодня же напиши все, что вспомнишь по ближайшим датам. Что же ты раньше не вспомнил. Эх! Плохо с тобой работали, плохо!

– Лаврентий Павлович, ну я же не заказываю, что мне и когда вспомнить. Сегодня был случай, он послужил толчком. Я же не виноват, что «ваши уколы» на меня действуют наоборот.

– Ладно, иди, работай. Помню я, что врачи говорили, почему-то память отказывает, как они сказали, а должна улучшаться. Не получится, видимо, из тебя все нужное вытянуть, пробовали они не раз. Я поехал сейчас к Иосифу Виссарионовичу, потом вернусь к себе. Позже пришлю человека за тобой. Все ясно?

– Да.

– Постараемся успеть хоть что-то сделать, – проговорил Берия чуть слышно.

Работал я опять до глубокой ночи. Писал все, что мог вспомнить. Уже какой раз пытаюсь, но разве можно вспомнить столько информации, да еще за раз ее выдать. В голове-то не четыре ядра. Дай бог – одно. Писал про Конева, Жукова, Рокоссовского, Лелюшенко, Говорова и других генералов, которые в мое время защитили Москву. Вспомнил о погоде, о том, как она будет мешать фрицам, ну и нам, конечно. Написал, что первый мороз, который наконец позволит что-то предпринять, ударит то ли четвертого, то ли пятого ноября. Немцы воспользуются этим, чтобы подтянуть резервы и перегруппироваться. Еще припомнил из чьих-то мемуаров, даже не помню чьих, что под Тулой, из окружения прорвутся остатки войск Брянского фронта и здорово помогут при обороне Тулы, которую немцам не удастся взять. Из воспоминаний Жукова вспомнил фразу, которую он скажет в конце ноября, во время ожесточенных боев, что надо только выдержать напряжение этих дней и немецкое наступление обязательно захлебнется. Про парад 7 ноября упомянул отдельно, что как бы странно это не было, но он действительно помог. Помог собраться солдатам и простым людям, сплотил их ради великой цели. И люди выстояли, ценой огромных потерь Москва не покорится врагу. Более того, 5–6 декабря – начнется наше контрнаступление. Потери будут большие, но наши войска откинут немцев от столицы раз и навсегда. Написал, что залогом успеха стало то, что наше командование смогло сохранить резервы. Тогда как немцы израсходовали все, что могли. Командование тогда ввело из резерва только две армии, но стоит поторопиться с их передислокацией.

Когда за мной пришла машина, было три часа ночи. Берия довольно быстро прочитал написанное мной и еще час расспрашивал. Я дополнял по ходу, сам делая выводы, которые были наиболее очевидны.

Домой, в смысле на квартиру, куда поселили, я вернулся в половине восьмого. Умылся, побрился, уже научился справляться с опасной бритвой. Даже не режусь, почти. Выпили с Толей по стакану чая с булочкой. Хотел прилечь, но с улицы донесся сигнал клаксона. Толя выглянул во двор.

– Серег, не удастся сегодня поспать, за нами!

– Ладно, покой нам только снится.

Андрей сидел в машине, мы поздоровались, я захлопнул дверь, и машина сорвалась с места.

– Куда сейчас? – спросил я водителя.

– На завод. Приказ заниматься своей работой, там ППШ, что ли, переделали, хотят показать. Нарком тоже будет.

– Отлично. А Кремль, что, отменили?

– Пока да.

На заводе представили то, что я и думал. Во-первых, рожковый магазин к Шпагину, во-вторых, показали прототип ППС, так же со свободным затвором, как и Шпагин, даже дали пострелять. Мне очень понравилось. Отдача небольшая. Вес малый. До пятидесяти метров, пули ложатся очень кучно, дальше небольшой разлет присутствует, но не критично. Главное магазины теперь штампуют качественно, не надо часами подходящий подбирать. По гранатомету пока никак, что-то не получалось, инженеры бились над ним днями и ночами. Я тоже помочь не мог, хоть Палыч и просил подумать. Берия выслушал мои отзывы о ПП и сказал, что поехал к Сталину. Он должен утвердить и дать добро на запуск в серию. Да и других дел выше крыши. Сюда он приехал, чтобы все видели, кто уполномочил меня и наделил властью.

Также мне продемонстрировали новую модификацию самозарядной винтовки. Великолепная вещь. А когда предложили посмотреть ее снайперский аналог, я чуть не бегом побежал. Прицел, конечно, так себе, кратностью 3,5, но с двух сотен метров даже я легко попадал в мишень с каждым выстрелом. Только отдача, блин! Конечно, подготовленные люди будут гвозди выстрелами забивать. Но мне кажется излишней такая мощь, спросил о промежуточном патроне – ответили, что делают все возможное.

Я напомнил Берии про Симонова, сказав, что тот может сделать карабин, правда под промежуточный патрон, гораздо удачнее, чем у него получилась АВС-36. Тот лишь кивнул, сделав пометку для себя.

Потом, мы уже без Берии, поехали на танковый полигон. Там испытывали самоходку. Назвали ее СУ-1–76, почти как в моем времени. Честно говоря, это было просто шасси легкого танка с кое-как навешанными броневыми щитами. Но удалась она конструкторам на славу. Легкая, маневренная, стреляла точно, быстро меняя позицию. А самое главное, яйцеголовые сообщили, что уже делают такую же на базе КВ. Когда озвучили – я аж подпрыгнул. Неужели у нас СУ-152 так рано получится? Оказалось – только пробуют еще, без брони, лишь пушка от гаубицы на шасси КВ. Но заметили, что если удачно испытают опытную машинку, то постараются быстро развернуть серию, в Ленинграде. Там, дескать, мощности есть. После показа я спросил, как у них получилось так быстро? Ответили, что не ночевали дома почти месяц. Так же решено было запустить в производство КВ-1С. Очень порадовало это сообщение. Все-таки он получше простого КВ будет. Главное, чтобы орудие поставили хорошее. И ходовую до ума довели.

С зенитками не клеилось, двадцатитрёхмиллиметровый автомат получился, но приемщики его охаяли. Я в этом ничего не понимал, поэтому не смог ни помочь изобретателям, ни поддержать приемку. Т-34 пока не удастся оснастить 85-миллиметровым орудием, зато поста-

вили отличную оптику. Но, узнав, что наладить выпуск полностью новой версии танка смогут не раньше лета следующего года, расстроился.

– А на чем же танкистам воевать? – спросил я у людей из приемки.

– Пока будем выпускать старую версию, с небольшими изменениями. Их можно вносить, не нарушая общую конструкцию. А к лету следующего года постараемся сделать совершенно новую машину.

– Тогда хоть количество бы увеличить, – тихо заметил я, больше для себя.

Конечно, сделать одну машину – это фигня, вот серию наладить – совсем другое дело. Также, благодаря разведчикам, разработали новый снаряд, с ним и старое орудие поработает. Заводы начнут переводить на сборку новой машины только при поступлении новых станков.

Да! Истомин говорил, судоплатовским бойцам удалось где-то стырить немецкий кумулятивный снаряд, вот на его основе и наши постарались. Показали чертежи БТРа, я рисовал его еще в первый мой приезд к Берии. Попытался убедить Палыча, что такая машина очень нужна войскам. Мне показали чертежи, с вооружением трех видов. С короткой пушкой, в сорок пять миллиметров, новейшей двадцатитрехмиллиметровкой и таким же новым КПП! 14,5 миллиметров! Владимиров все-таки сделал работающий образец, на четыре года раньше, теперь предстоят серьезные испытания. Вот так. Взял за основу свою же автоматическую пушку, сделанную им недавно, и довоенные наработки и сделал пулемет. Он будет также поставляться в войска и на колесном станке. Вот пехота порадует такой косилке. Таскать его, правда, будет тяжело, но думаю, после первого же боя вес и габариты отойдут на второй план. Им же лес валить можно. Только бы наладили выпуск поскорее. Как пулемета, так и боеприпасов к нему. Хотя как раз крупнокалиберных-то патронов – хватает. В общем, мне понравилось. Только тоже оговорились, что все эти новинки быстро не появятся, особенно БТР, нет нормального мотора. На мое предложение поставить два, как на танке, сказали, что это и пробуют. Очень большой объем работы. Но все равно меня впечатлила работа, которую провели различные КБ. Народ действительно загорелся. Берия говорил, что у него в шарашках вовсю проектируют новинки техники и вооружений. Только успевай рассматривать. Даже самолет какой-то новый придумали, сейчас им в полную силу занимается Лавочкин, характеристики – «улет». Да и главный конкурент Яковлев внес какие-то значительные изменения в свой последний самолет. Да такие, что сделал практически новый. По расчетным данным он превосходит все аналоги. По маневренности и скороподъемности – уж точно. Хороша должна получиться птичка, для щипания перышек асам Геринга.

В общем и целом, некоторые новинки появляются, главное теперь не затянуть с серийным выпуском. Да, было и смешное. Изобрели, так сказать, бронежилет. Это мне рассказал один человек, из комиссии. Когда его два человека натягивали на бойца, тот хмурился, а когда отошли, тот почему-то сразу рухнул на землю. Еще бы, они в него двадцать кило запикнули. Получилось хлеще стального нагрудника, который был давно известен. Короче, было смешно.

После завода меня привезли на Лубянку. Разговор был короткий, Берия просто объяснил мои новые обязанности. Мне предстояло каждый день встречаться с изобретателями. Делать выводы.

– Работать будешь в том же кабинете, будет что-то нужно, подойдешь к секретарю.

Берия просто объяснил, что, выполняя эту работу, ему приходилось выслушивать множество людей, дававших объяснения по тому или иному виду техники и оружия. Быть на испытаниях. А мне-то уже известно, что должно получиться, а что может и подождать. В любом случае, это экономит время, которого катастрофически не хватает. На мой вопрос, что я и сам многого не знаю, Берия ответил просто: учись! Может заодно еще будешь что-то вспоминать.

– Жить будешь у Алевтины Игоревны. Если что-то понадобится, вызову.

– Ясно, Лаврентий Павлович. Нельзя ли как-нибудь улучшить вопрос с продовольствием, хотя бы для работающих. Жаль простых людей, я видел их испуганные лица, суровые взгляды на себе ловил.

– Это когда вы от бомбежки прятались? – спросил Берия.

– Дети голодают, а родители ничем помочь не могут.

– Сергей, товарищ Сталин все об этом знает. Он тоже переживает за всех жителей нашей родины. Но положение сейчас такое, тяжело всем. Ты не думай, что раз у вас есть еда, значит, у всех должна быть. Пойми, главное сейчас – это рядовой боец, который бьет врага! Есть вопросы?

– Один.

– Говори!

– Не знаете, что сейчас с дивизией Лебедева?

– Про родственника хочешь узнать?

– Да, товарищ Берия, – сказал я, вздыхая, – именно.

– Дивизия на переформировании, большая убыль была. Пополним и на фронт. Скажу честно, мы приглядываем за ним и за двумя его братьями тоже.

– Товарищ Берия...

– Я не говорил, что их с фронта вывели, просто наблюдают. Мы решили, что так будет правильно. А вот четвертого на фронте нет, он точно воевал?

– Я знаю эту историю, только по рассказам отца и его родного брата. Их отец, мой дед, начнет войну в штрафной роте. Затем искупит вину и будет направлен в нормальные войска. Там тоже получит серьезное ранение и дослуживать будет в авиационном полку, техником. К строевой он годным быть перестанет. До конца войны.

– Вот как! А ты не говорил раньше, что он судим.

– Да как-то не довелось, но я не вижу надобности скрывать, что-то. Просто я не знаю подробностей.

– Так он в тюрьме? И за что?

– Лаврентий Павлович, я, правда, не знаю. Никто толком ничего не знал, отец говорил, что он заступился за девушку, ударил какого-то казаха, что ли, а тот – помер. А вот когда это было, до войны или во время, я не знаю. Отец рассказывал, что он попросился на фронт и его взяли. Я думаю, что в тюрьме он не сидел почти, а сразу воевать пошел.

– Ладно, я проверю. Может, еще не убил никого. А кем он был до войны?

– Вроде бы машинистом на паровозе.

– Тогда у него бронь должна быть. Железнодорожники воюют по специальности. Я проверю. Свободен!

– До свидания, Лаврентий Павлович. – Я вышел из кабинета, взял у секретаря оружие и вышел.

– Ну, вводных не поступало? – спросил я, усаживаясь в машину.

– Нет, – ответил Андрей, – куда поедem, товарищ младший лейтенант.

– А ты Толяна спроси, он знает, – подмигнул я Круглову.

– Поехали на Тверскую. Гитару искать, – просто сказал он водителю.

– Парни, и давайте без званий, вы по возрасту постарше будете, мне неловко. Договорились?

– Хорошо, как скажешь, – откликнулся Андрей.

– Ну, вот и ладненько.

Глава 17

Подъехав к какому-то дому, Толя попросил Андрея остановиться. Анатолий и я поднялись на второй этаж четырехэтажного старого дома. Мой охранник постучал в дверь без номерка. Через полминуты дверь открылась. Я увидел тощего лысоватого старичка, с седой бороденкой.

– Здравствуйте, Михаил Александрович, вот друг гитару хорошую ищет, вы не могли бы нам помочь?

– Хорошую днем с огнем не найти, особенно сейчас, но приличную могу показать. Проходите, – он сделал приглашающий жест рукой.

Войдя в квартиру, я остолбенел. Кругом висели какие-то тромбоны, балалайки, стояли гармони и баяны. На большой стене висел красавец саксофон, начищенный до зеркального блеска.

– Что, нравится, молодой человек? – спросил дедан у меня. А я «залип» возле «сакса» в восхищении.

– Очень всегда любил саксы, – ответил я.

– Можете попробовать, – предложил он, – я уже давно не играю.

– Извините, но я еще дольше. То есть я вообще на духовых не умею.

– Только гитара?

– В основном, немного на пианино. Но довольно коряво. А вот гитарой владею неплохо.

– А ну-ка, посмотрите вот этот инструмент, – Михаил Александрович скрылся в какой-то кладовке и вынес оттуда черный жесткий кофр. Положив на стол, он многозначительно посмотрел на меня и щелкнул замками. Откинув крышку, взял в руки изумительной красоты агрегат. Двенадцать струн, клеймо с гербом. Светлый лак. Красота.

– Да, на такую роскошь только глядеть через стекло надо, а не прятать. Италия?

– Именно, вы знаток?

– Скорее любитель, но ценю качественные вещи. А уж музыкальные инструменты тем более.

– Так тут и пальцев-то не хватит, – произнес Толян. – Как на ней играть-то?

– Вы невежда, Анатолий, – сказал Михаил Александрович. И протянул мне инструмент.

Я, взяв гитару в руки, тщательно осмотрел гриф, колки, струны.

– Можно попробовать? – спросил я.

– Уж будьте любезны, молодой человек. Порадуйте старика.

Я провел по струнам, быстренько подтянул убежавшие. Выстроил ряд и перебрал пару аккордов. Звук был – закачаешься. Кто понимает, конечно. В наше время найти гитару со звуком, не режущим слух, можно только за очень неприличную сумму. У меня таких денег, что можно было бы потратить на гитару, отродясь не было. Приходилось играть на средненьких экземплярах. Потерзав ее немного, я задал мучающий меня вопрос:

– Продадите? – и смущенно опустил глаза.

– Нет, этого я сделать не смогу, молодой человек. А вот подарить ее вам, пожалуй, можно!

– Да вы что, я не возьму. Она же, наверное, кучу денег стоит?

– Стоила, в мирное время. А теперь лежит без дела. Такая вещь должна радовать слух людей, а не пылиться в чулане. А вы, я вижу, с инструментом на ты! Берегите ее. И как фронтовик, я вижу по вашей форме, радуйте ее звуком и других бойцов.

– Буду! – я действительно буду ее беречь. – Спасибо огромное. Но просто так я не возьму, мы отойдем на минутку?

– Да, конечно, – сказал Михаил Александрович и пошел открывать нам дверь.

– Что ты хочешь? – спросил Толя, после того как мы вышли.

- Толян, надо привезти ему продуктов, отблагодарить человека.
- Ну, давай я съезжу к нам в столовую. Выпрошу чего-нибудь.
- Подожди, у меня ведь есть деньги?
- Ну да, всем военным начисляют зарплату.
- Тогда поехали туда, где я смогу превратить заработанные деньги в продукты питания.

Мы отоварились в небольшом магазине по каким-то совершенно не слыханным ценам. Но вообще, мне и неважно было – деньги-то были. Главное, когда мы принесли кучу продуктов музыканту, он смутился, но потом, согласившись взять, долго благодарил нас. Я же знал, что с удовольствием было очень туго, а пенсионерам вообще.

К Истомину мы приехали зря, тот был на процедурах. Ждать не стали, спросили только, можно ли приехать вечером. Врач сказала, что вообще-то нельзя, да разве мы послушаемся. Решили заехать вечером. А пока время было абсолютно свободным.

- Чего делать будем? – спросил меня водитель.

– Андрей, поехали, поедим. Только не в столовку, а к Алевтине. Она обиделась вчера, наготовила целый стол, а мы и не притронулись.

- А поехали. Алевтина Игоревна всегда очень вкусно готовит.

Хозяйка хоть и не ждала нас, но стол был накрыт минут за пять, не больше. Великолепное первое блюдо, из чего и варила, продуктов-то вроде не достать. Второе попроще, жареная картошечка с солеными грибами. Налопались мы – знатно. Алевтина Игоревна, предвидев мой вопрос, сама рассказала.

– Тетка моя кур держит. Она в деревне под Москвой живет. Привезла два дня назад две тушки. Говорит, что если немец дойдет, так хоть ему не достанется.

Ребята заиграли желваками. Я тоже скрипнул зубами. Блин, как тяжело на фронте, но в тылу-то не легче. Как же выжили наши бабушки, сидя на одних карточках? Ведь не у всех были тетки со своей скотиной. Тем более сдавали много, себе-то ничего не оставалось. Это мне бабушка рассказывала. Так что я на себе почувствовал лозунг: «Все для фронта». Вечером мы поехали в госпиталь. На этот раз удачно.

Майор Истомин встретил нас радушно, а уж когда увидел у меня в руках гитару...

- Ну, вот теперь и у меня появилось время тебя послушать! Пой давай.

Пока выходили на улицу, переговаривали о происходящих вне госпиталя событиях. Истомин все время кивал головой.

- Скорее бы выбраться отсюда, да на фронт! – заключил он.

Мы отлично устроились на лавочке во дворе госпиталя, перекурили, и я запел. Было плевать почему-то на репертуар. Спустя несколько минут собрался весь госпиталь. Еще бы, я опять нашел гармониста, вдвоем мы ударили так, что сбежались все, до последней санитарки. Хотя про гармониста я загнул, он сам нашелся. Спел я до этого песни четыре, как слышу, что-то красивое полилось. А это гармонист «Катюшу» затащил, в перерыве между моими песнями. Я подхватил, дальше ему, конечно, пришлось импровизировать. Но иногда и я подхватывал, когда запевал он.

Когда я пел «Алешку» Трофимского, после слов:

Говорят, на земле был Бог,
Говорят, он учил добру!
А у нас целый взвод poleg,
Где служил старшиной мой друг,
Он теперь не живой лежит,
А вчера мне успел сказать,
Ах, как хочется, братцы, жить,
Ах, как страшно здесь умирать!

Затихли все, слезы появились на глазах даже у Истомина. После этой песни я взял паузу, чтобы люди сумели прийти в себя. Это не двадцать первый век, с его наплевательством и себя-любством. Здесь – настоящие люди. Они прошли через многое и воспринимают все совсем не так, как мы, избалованные дети демократии.

– Серег, а еще про войну твои песни есть? – спросил Истомин.

– Да есть, конечно, хотите новую, только недавно написал?

– Конечно! Давай! – закричали со всех сторон.

– Тихо всем! – рявкнул майор, – а то сейчас все по палатам пойдут!

Народ сразу стих, а меня прорвало.

Серыми тучами небо затянуто,
Нервы гитарной струною натянуты,
Дождь барабанит с утра и до вечера,
Небо застывшее кажется вечностью.
Враги наступают по всем направлениям:
Танки, пехота, огонь артиллерии.
Нас убивают, но мы выживаем,
В атаку себя мы навстречу бросаем!

Да, пришлось переделывать прямо на ходу. Не забыть бы только, чего пел. А главное не спеть бы где-нибудь последний куплет, про «сорок пятый»!

Выступление кончилось глубокой ночью, но не из-за усталости. Просто дежурный врач сказал, что бойцам отдых нужен, а то у многих от возбуждения нервишки сдадут.

Мы с парнями поехали домой, пожелав майору и остальным скорейшего выздоровления. Истомин еще заинтриговал, сказав, что наша работа с ним не закончена. Работы и, правда, очень много, как на фронте, так и в тылу. Я ответил, что всегда рад. Да, Истомин сообщил радостную новость, для меня. После того, как погибла его группа, ему нужны хорошие бойцы. Поэтому он обратился к Берии с просьбой вызвать с фронта мою бывшую разведгруппу. Сразу после излечения парни придут в Москву. И дальше опять будем вместе служить. Я очень обрадовался. А Толя Круглов улучил момент и попросил взять его к нам. На что я ответил, что, если мне разрешат, то я возьму их обоих с Андреем, поскольку хороший боец и отличный водила, нам не помешают. И рассказал это Истому, тот меня поддержал.

– Тем более вы и так со мной. Кто меня без вас куда отпустит? – добавил я.

Спали мы всего ничего. Разбудили телефонным звонком. К аппарату подошел Андрей. Выслушав говорившего, он коротко ответил:

– Есть!

Встал я охрипшим и с такими глазами, что не знал, как буду смотреть в лицо Лаврентию Павловичу. А именно к нему меня и вызывали. Андрюха, посмеиваясь, смотрел, как я пытаюсь холодной водой привести себя в порядок. Я только показал ему кулак и продолжил свое мокрое дело.

Вторая подряд бессонная ночь, нет, я не жалеюсь, хотя, чего там, жалеюсь, конечно. Тяжело мне, не привыкшему. Ну ладно, как-нибудь привыкну, наверное. Другим не легче. И я постараюсь.

Берия сидел за столом и потирал такие же, как и у меня, красные глаза. Пенсне лежало рядом, на носовом платке. Всегда любил наблюдать за людьми, носящими очки. Без них лицо совсем другое делается.

– Ну что, лейтенант, все поешь?

- Немного, Лаврентий Павлович. Что-то накосячил?
- Чего сделал? – Палыч уставился на меня широко распахнутыми глазами.
- Ну, напортачил где-нибудь?
- Скажешь тоже, как хочешь, так и понимай твои слова. Да нет, пой, только думай прежде, чтобы лишнего не ляпнуть. Товарищ Сталин просил узнать, не мог бы ты песню подготовить к параду на седьмое ноября?
- Это как подготовить? – не понял я.
- Да вот так! Исполнить ее с оркестром. А потом выступить.
- Товарищ Берия, я не хочу светиться. Давайте лучше сделаем так. Песню я подберу подходящую, а исполнит ее пусть тот же Утесов. Первоклассный певец, меня и рядом не поставишь.
- Может, ты и прав, насчет «светиться». Я думаю, товарищ Сталин одобрит такой ход. Готовь песню!
- Отлично.
- Я вот зачем тебя вызвал! Ты писал в одном из первых донесений про Власова. Он правда до такой степени опустится? – в словах Берии проскользнул акцент.
- Опять же, Лаврентий Павлович. Двойное мнение. С одной стороны, он гнида. Так писали многие источники. С другой – его бросили на произвол судьбы, его армию. Не было никакого снабжения. А когда попал в плен, объявили предателем. Ну, он и сделал финт ушами! Там много чего было, генералы из его штаба стрелялись, а он решил сдаться. И в то же время, ну сдался, чего уж клеймить-то. Или впрок, чтобы другие не смели даже думать?
- Возможно. Ясно другое, в критической ситуации он может подвести.
- Ну, в моем времени он хоть и тяжело, но все-таки принес пользу в контрнаступлении под Москвой. Его двадцатая армия хорошо дралась. Так писали в книгах. Хотя...
- Что-то вспомнил? – подхватил Берия, увидев, как я замялся.
- Да. Читал как-то в одной книге утверждение, что Власов, вступив в должность командующего, в армии-то и появился пару раз. Лечился вроде в это время. А когда немцев от Москвы погнали, он был уже в войсках, потому и считалось, что руководил – он. Это можно легко проверить, узнав, где он сейчас.
- Хорошо, мы примем это к сведению и проверим. Хорошая и своевременная информация. Что там у тебя на сегодня?
- Сам у вас хотел спросить.
- Тогда дуй к оружейникам. Они там безвылазно работают. У них есть, что показать.
- Понял, лечу, – я развернулся, но, подумав чуток, снова обратился к Лаврентию Павловичу.
- Товарищ генеральный комиссар, можно личное мнение высказать.
- Говори, – Берия поднял глаза.
- Не сочтите за то, что я позволяю себе лишнее советом, но...
- Я же сказал, говори!
- Не будьте строги к генералу Горбатову. Он очень хороший командир и отличный человек. – Всегда испытывал хорошие чувства к Александру Васильевичу, вот и не смог удержаться.
- Ты все же правильно заметил, это именно лишнее, но я это обдумую, – ответил Берия, вроде даже и спокойно.
- Разрешите идти?
- Иди уже, советчик! – хмыкнул нарком, а я пулей направился к выходу. На улице столкнулся с человеком, который поспешил обратиться ко мне.
- Извините, вы ведь товарищ Новиков?
- Да, я. С кем имею честь разговаривать?
- Мы с вами виделись на стрельбище. Вам понравился мой пистолет-пулемет.

- Товарищ Судаев? Извините, не признал сразу.
- Ничего страшного. Вы не уделите мне пару минут?
- С удовольствием! Пойдемте, прогуляемся.

Мы шли по улице, за нами тихо следовала моя машина. Судаев шел к Берии, надеясь к нему попасть. Дело было важным, и, встретив меня, он решил попробовать попасть через меня.

– Понимаете, Сергей Сергеевич, конструкция ППС такова, что его можно производить в любой мастерской, или даже специально оборудовать несколько сборочных цехов. Ведь все нужное есть.

– И в чем проблема?

– Да есть у нас товарищи, которые тормозят все дело. Не поймите меня неправильно, я не выслуживаюсь. Но...

– Что за товарищи?

– Да есть у нас там, не до тебя сейчас говорят.

– Как это не до тебя? У вас же приказ. Вы ведь не себе на дачу что-то мастерите, а для фронта. А с чем наши бойцы должны родину защищать? Пойдемте, постараюсь вас провести, Лаврентий Павлович, думаю, сможет вам помочь.

Мы вернулись в приемную, я попросил секретаря доложить. Тот снял трубку, сказал, что я вернулся, но не один.

– Проходите, – коротко произнес мне секретарь.

Мы вошли в кабинет, Берия был не один. Рядом с ним стоял какой-то человечек, откровенно еврейской наружности. Да, подумал я, эта нация всегда будет при власти. Хоть война, хоть мир. Нет, конечно, есть и рядовые, воюют, еще и другим пример показывают. Но в основной массе только руководят. По крайней мере мне в основном попадают именно такие.

– Что случилось, Сергей? – спросил Палыч и посмотрел на Судаева. А тот как-то странно смотрел на собеседника Берии.

– Лаврентий Павлович, вот Алексей Иванович прибыл, у него есть что сказать, – вдруг тот, второй человек, стал что-то шептать практически в ухо Берии.

– Вы извините, пожалуйста, – обратился я к нему, – но не прилично шептаться в присутствии других людей.

– А вам-то какое дело, – нагло произнес тот.

– Прекратить! – потребовал жестко Палыч. – С вами мы обсудим позже, – сказал он своему собеседнику, – подождите в приемной.

Когда дверь закрылась, Берия обернулся к нам:

– Знаете, по какому поводу пришел этот человек?

– Догадываюсь, – произнес Судаев.

– А мне, может, скажут, кто это такой и зачем он приперся.

Берия метнул на меня сердитый взгляд. А я поднял руки.

– Виноват! Сорвалось.

– Следите за языком, товарищ Новиков. А вы, товарищ Судаев, объясните, почему вместо того, чтобы работать на благо родины в такое тяжелое время, вы, обеспокоены отсутствием награды за ваше изобретение?

Судаев аж поперхнулся и закашлялся.

– Товарищ Берия, да у меня и в мыслях не было ничего такого. Это вам товарищ Шимонович сказал?

– Какая разница, кто сказал? Важно то, правда это или нет?

– Вот, Сергей Сергеевич, зачем я торопился к Лаврентию Павловичу. Меня просто опередили, теперь я же и останусь виноватым, – произнес Судаев и склонил голову.

– Просто так никого не сделают виновным, – произнес Берия. – Если то, что сказал товарищ Шимонович, неправда, пострадает именно он. А не вы. Рассказывайте.

Судаев подробно изложил то, что происходит сейчас с приемкой новых видов оружия. Про то, как, находя нелепые отговорки, пугая рабочих и инженеров тюрьмой, люди из комиссии не дают развернуть производство.

– У вас приказ, подписанный товарищем Сталиным!

– Нам сказали, что рабочие будут отправлены на оборону города.

– Что за бред? – Берия снял трубку с телефона и попросил пригласить товарища Шимоновича.

Вошедший был бледен.

– Вы что там, совсем заелись? Что это за провокация?

– Товарищ Берия, но вы же говорили, что не хватает людей...

– Ты дурак, что ли, они-то тут при чем? – Берия разошелся. – Вы саботировали выпуск необходимой продукции. Вот вас всех и пошлем, в первых рядах на немцев, и без оружия.

– Товарищ Берия...

– Я все сказал. Младший лейтенант, проводите этого человека до приемной, там его встретят другие люди.

– Пошли, что ли, – сказал я «попавшему».

Тот что-то бормотал, но Берия не стал его слушать. Снял трубку телефона.

– Вызовите товарища Мельникова, пусть заберет у Новикова товарища Шимоновича. С ним нужно побеседовать, – положив трубку, Берия взглянул на нас.

Я выпроводил Шимоновича в приемную, там его уже ждали. Видимо, дежурный «вышибала» всегда на связи. Еврейчика увели. Я вернулся в кабинет.

– Все в порядке, товарищ Судаев. Идите, работайте. Помните, товарищ Сталин поручил вам наладить выпуск вашего автомата в кратчайший срок, поэтому и привлекли вас лично. Оружия нужно очень много, постарайтесь как следует.

– Сделаю все, что только смогу, – серьезно произнес Судаев.

– До свидания. Сергей, задержись, – кивнул Берия.

Алексей Иванович радостно пожал мне руку, попрощался с Берией и выбежал из кабинета.

– Сергей, вот такого, чтобы не происходило! Ты должен следить за работой оружейников. Не забыл, именно это сейчас от тебя требуется. Я же дал тебе полномочия, решай сам такие вопросы. Ко мне – в крайнем случае.

– Я все понял, Лаврентий Павлович. Сейчас же объеду все предприятия, проверю работу.

– Именно сейчас, мы обязаны обеспечить войска качественным оружием. Войска помаленьку прибывают. Оружия нужно все больше и больше. Съезди к бронебойщикам, нужно повысить выпуск противотанковых ружей. Не знаю, поговори с людьми, реши, как сделать. Я тоже не могу быть везде и всюду. Всем сейчас трудно.

– Можно предложить? – дождавшись кивка, я продолжил: – Нужно поднять норму отпуска продуктов по карточкам. Думаю, в такое время это послужит хорошим стимулом.

– Это я и обдумывал, мыслишь в правильном направлении. Я поручу нужным людям плотно заняться этим, но ты понимаешь, что всему городу мы пока помочь не сможем.

– Я все прекрасно понимаю. Вы доходчиво объяснили мне в прошлый раз. Но рабочим-то мы можем себе позволить прибавку?

– Это решаемо. Занимайся. Остальное – не твое дело.

Я поехал к бронебойщикам. Андрюха с Толяном, только спросили, куда едем. Ничем их не удивишь. Наше, говорят, дело маленькое.

В цеху творилось что-то с чем-то. Первый раз видел, как мальчишки, по-другому и не скажешь, лет по 12–13, не больше, ворочали огромные для них трубы ПТР. Нашел начальника цеха и рассказал ему, что придумал Лаврентий Павлович. Тот всецело поддержал идею и, похоже, что не лукавил. Он предложил мне участвовать в собрании. Я согласился, только

заметил, что затягивать не нужно. Раз уж поставили меня контролером, будем работать так как следует.

Собрание прошло довольно быстро, начцеха, рассказал людям, что фронт нуждается в еще большем количестве их изделий, время тяжелое, враг у ворот. Рабочие кивали головами, что-то бухтели. Мне дали слово.

– Товарищи, я не оратор, стараюсь реально смотреть на вещи. Скажите честно, сможете поднять производительность без ущерба качеству? Вот вы, например, – я показал на одного из бухтящих.

– Ну, сложно это. Мы и так вкалываем с утра до ночи.

– Товарищи, мы все понимаем. Но подумайте и вы, если на фронте нечем будет бороться с танками врага, сколько нам, находящимся в городе, жить останется?

Тишина. Все молчат и смотрят в пол.

– Вам повысят продовольственную норму, это уже решено. Семьям станет полегче. Но, работать нужно много и качественно. Большого ума не надо брак гнать. А вот работать так, чтобы солдат на фронте был уверен в своем оружии, надо постараться. Это распоряжение товарища Сталина.

Народ загалдел, идея была хорошая. Семьи-то кормить всем надо!

Начальник подхватил мои слова криками:

– Товарищи, да неужели мы с вами не сможем перевыполнить план? Родина просит, кому мы нужны, как не своему народу? Сделаем, ведь так?

Народ зашумел, раздавались выкрики:

– Да, завалим войска нашими «веслами»!

Хорошо, народ понял все как надо. Будем надеяться, что у них все получится.

Возвращаясь, мы заехали в институт, где проектировали гранатомет. Дело начало сдвигаться с мертвой точки. Глядишь, весной, в крайний срок – летом, армия получит РПГ. Нормально, в той Истории, вообще без них обошлись, но ведь с ними-то – легче будет.

Владимиров объявился, с ним мы встретились на Лубянке, он пришел к Берии просить какой-то цех, нужный ему для производства. Еще просил какие-то колеса. Оказалось, придумал отличный станок для своей косилки. Получалась небольшая подвижная зенитка. Да еще и два ствола одновременно поставил. Если получится их синхронизировать, то счетверенные «Максимы» можно забыть. Конечно, когда в достатке наклепают КПВ.

– Вы, товарищ Новиков, сами не изобретаете, уж больно вы предложения заманчивые делаете? Какое у вас образование?

– Мое образование компенсируется нездоровым любопытством. Люблю придумывать, иногда выходит не так уж и плохо, – ответил, я попрощался.

Берия разрешил отдохнуть, сказав, что на сегодня срочного ничего пока нет, могу съездить к Истомину. Узнать, как у него со здоровьем. Конечно, поехал. Правда, в этот раз без гитары. Тревожно уже. Бомбят все чаще. Помнится, читал, что Гитлер собрал под Москвой свыше тысячи самолетов. Их сбивали, но меньше не становилось. Суки, и бомбили-то сплошь одни жилые кварталы. Проезжали по какой-то улице, так увидел место, где раньше стоял большой дом. Осталась только коробка, каким-то чудом еще державшаяся. Внутри не было ничего.

В госпитале царил аврал. Собирали для эвакуации тяжелораненых. Да легких-то и не было. Те, кто хоть чуть-чуть поправился, отправлялись на фронт, сбегали, полностью не долечившись. Истомин тоже был весь на нервах. Ходил он, скрючившись, рана давала о себе знать. Ему вообще-то запретили ходить, да разве его удержишь. Он и в госпитале-то оставался, только из-за приказа Берии.

– Серег, чего там на фронте?

– Вам сводку вспомнить или сказать, что будет? – спросил я, когда мы остались одни.

– Конечно, второе, точно хватит сил?

– Точно. Берия сообщил, что каждые два-три часа, прибывают все новые части. Танков только маловато. И с самолетами не густо.

– Видишь ли, тут попадают люди, причем с высокими званиями, говорят, что под Москвой совсем беда.

– Да, тяжело. Как и в моем времени, на фронте сейчас, кого только нет. И студенты, и курсанты, и старики и дети. Но устоим. Ничего нового немцы не придумали. А вот у меня появилась одна идея... – Я хитро прищурил глаза. – Надо Берии рассказать.

– Слушай, после всех твоих идей я уже бояться начинаю, когда вижу твою хитрую рожу!

– Не берите в голову, товарищ майор. Все вполне мирно. Вы сами-то как? Лаврентий Павлович, интересуется вашим здоровьем, кадров, говорит, не хватает.

– Да лучше уже, поправляюсь. Чего-то отрезали там, все нормально будет. Ты, я слышал, с приемщиками сцепился?

– Да с одним. А до вас-то как докатилось? А, не берите в голову.

– Учти, там местами все так прогнило, что гадят и не обращают внимания. Их еще перетряхнут всех, скоро. Дай только выйти отсюда, поплотнее займемся. Я перед самой войной работал в этом направлении. Там на одного рабочего десять дармоедов.

– Да хрен с ними со всеми. Лишь бы дело не губили.

– Ладно, через недельку, я думаю, встану. Дел по горло.

– Лучше выздоравливайте! Это важнее.

– Ты куда сейчас? – майор заинтересованно посмотрел на меня.

– Так опять на завод. Сами знаете, глаз да глаз нужен, а то Лаврентий Павлович меня не поймет.

– Да уж, он на тебя надеется. Не подводи. Я, кстати, вообще не ожидал, что тебе такую волю дадут.

– Я сам не ожидал. Честно? Думал, что законопатят куда-нибудь и забудут. Постараюсь не подвести, до встречи.

– Пока!

Я уходил, глядя, как грузят раненых, люди стонут, но просят оставить их здесь. Кричат, причитают. Врачи не обращают внимания на их потуги. Делают свою работу. Что поделать, эти люди должны уцелеть. Ведь им потом предстоит гнать немчуру назад. Опытные бойцы, знающие цену жизни и смерти. Именно они составят костяк армии-победительницы.

Глава 18

На заводе я долго не задержался. Мне предложили попробовать ПТР, сказали – переделка. Инженеры что-то намудрили с прикладом, якобы смягчили отдачу. Когда я произвел всего лишь один выстрел, еперный театр! Да как хоть из него можно стрелять, чтобы самому руки не оторвало? Вот это мощь! Но, блин, вранье, когда в кино показывают, как лихо из него шмаляют все кому не лень. Реально надо быть сильным человеком, чтобы терпеть такую отдачу и еще попадать куда нужно. Я сказал, что с меня хватит, а эти яйцеголовые, ехидно посмеиваясь, протягивают другую бандуру.

– Вот эту попробуй, Сергей.

– Не понял, вы чего мне, обычную подсунули?

– Ну, а как бы ты разницу ощутил?

Покачал головой и взял в руки новое ружье. Осмотрел внимательно приклад, внешне ничего нового. Дали патрон, зарядил. Прицелился в мишень. Бах! Не понял.

– Дайте еще патрон!

– Дай ему, Коля, еще. Понравилось, – обратился один из рабочих к мастеру.

– Держи, – сказал Коля-мастер, протягивая мне новый патрон.

Зарядил – бабах!

– Блин, вот это дело! – И правда, бронебойка лягнулась, но чуть сильнее мосинки. – Да, с этой и я бы справился. Молодцы! Нечего сказать.

Из другого конца цеха кто-то кричал.

– Что там случилось, – спросил мастер у кого-то из рабочих.

– Не знаю, сейчас спрошу, – проговорил паренек, который просил для меня патрон, и убежал. Когда вернулся, сказал, что меня зовет начальник цеха. Я побрел мимо станков в кабинет. Встретивший меня начальник выглядел взволнованно.

– Сергей, зайди в кабинет.

– Что-то случилось? – спросил я заходя.

Тот только многозначительно поднял брови и показал на телефон. Трубка лежала на столе. Я взял ее.

– Новиков, слушаю.

– Ты должен быть у меня через час! – услышал я знакомый голос и даже представил, как сверкнули глаза за стеклами пенсне.

– Понял, Лаврентий Павлович! Выезжаю, – и положил трубку.

К Берии я примчался через сорок минут. Сказал Андрюхе, что надо побыстрее, ну он и расстарался. Но секретарь, Дима, попросил подождать.

– Лаврентий Павлович приказал передать, чтобы никуда не уходил.

– Понял, жду, – ответил я. Секретарь уткнулся в свои бумаги, а я присел на стул. Вынул пистолет. Положил на стол. Дима машинально подхватил его и спрятал к себе в стол. Даже глаза не поднял.

Минут через десять от Палыча вылетел какой-то майор гэбист. Не замечая меня, подлетел к секретарю. Тот, так же как и раньше со мной, не говоря ни слова, достал ТТэшник и положил перед майором, который судорожно запихнул его в кобуру и припустил как ветер. Зазвонил телефон, Дима снял трубку. Выслушав, коротко проговорил что-то. Я не прислушивался.

– Проходи.

Я подошел к двери и потянул ручку. Но остановился и посмотрел на секретаря. Вопросительно кивнул головой на дверь и поднял брови, но Дима, смотрящий мне вслед, показал большой палец. Войдя, остановился.

– Здравия желаю, Лаврентий Павлович.

- Здравствуйте, товарищ Новиков, – Берия опять был чем-то озадачен, но улыбался.
- Сергей, через час мы должны быть в Кремле, – произнес он наконец.
- Неужели к товарищу Сталину поедем?
- Точно. Приведи себя в порядок и выезжаем.
- Слушаюсь, – я осмотрел себя насколько мог.
- Почему награды не носишь? – нахмурил брови Лаврентий Павлович.
- Так вроде и повода особого не было? Все по цехам лазаю. Потерять боюсь.
- Вот тебе и повод. Товарищ Сталин оценит. Где у тебя награды?
- Дома, то есть у Алевтины Игоревны.
- Заедем по пути, прицепишь.
- Хорошо, как скажете.

Когда заехали домой, я еще и по форме щеткой пробежал, и сапоги протер.

Награды, награды. Сколько людей без единой, даже самой дохленькой медальки воюет, а я тут украшаться буду. Пришлось цеплять-таки и орден Красной Звезды, и медаль «За отвагу». Если честно, то мне было не по себе. Молодой еще, сижу в тылу. Где-то рядом люди в окопах, бьются с врагом, а мне тут медалями фасонить.

Берия заценил, сказал, что вот так я и должен ходить.

– Не нужно стесняться, наоборот, награждают не просто так. Люди должны видеть, что перед ними человек, служащий своему народу верой и правдой. Это, если хочешь, небольшая пропаганда. Люди сами будут стремиться лучше работать, лучше служить, когда будут знать, что их оценят.

– Я понял, Лаврентий Павлович. А как мне вести себя у товарища Сталина?

– Точно не так, как ведешь себя со мной!

– Виноват. Я перегибаю, да?

– Я-то ладно. Привык уже. Хотя иногда мне хочется указать тебе на твое место. Или просто по шапке тебе дать как следует, – засмеялся Берия. Блин, первый раз я его таким веселым вижу. Не к добру.

– Лаврентий Павлович, – я совсем поник, – я просто не знаю, как нужно себя вести. Ведь я родился и вырос совсем в другое время. Вы меня осаживайте почаще, можно в ухо. Я буду знать.

– Ты говори поменьше. Только по существу. Вот. С товарищем Сталиным нужно просто отвечать на вопросы, без лишней болтовни, ясно?

– Все понял, буду стараться!

– То-то же, – Берия удовлетворенно кивнул, – если товарищ Сталин попросит что-то добавить от себя, тщательно обдумывай то, что хочешь сказать.

Когда перед нами открыли ворота в Кремль, я прилип к окну. Ни разу не видел ничего подобного. Вроде и знакомо, и в то же время... Как-то красивее, чем в двадцать первом веке, что ли?

– Что, в своем времени не приходилось Кремль видеть?

– Что вы, Лаврентий Павлович. Какой Кремль. Нет, экскурсии есть, но знаете, там и тут, две большие разницы. Да и не показывают ничего на экскурсии. Там все вылизано было, а здесь... Здесь – настоящее все! – во, подобрал подходящий эпитет.

– Что, ваши власти совсем от народа отодвинулись?

– У нас, сильные мира сего, к себе на пушечный выстрел не подпустят. Иногда показывают, по телевизору, как кто-нибудь из них в народ выходит, так видно не вооруженным взглядом, полк охраны с ними. Даже с простыми чиновниками.

– Это как надо издеваться над своим народом, чтобы прятаться от него? Да, у нас тоже есть меры предосторожности, но от народа-то не спрячешься.

– Когда гнобят и целенаправленно выжимают из людей последнее, приходится бояться. По крайней мере у нас так многие думают. Да и про ваше время многое говорили. Я вам рассказывал, но так, как сам не видел, то не возьмусь утверждать.

– Да, где-то и мы перегибаем, совершенства нет ни в чем. Но мы учтем твои предположения. Товарищ Сталин особенно этого требовал. Он говорит, что потомки должны говорить о предках только хорошо или никак!

– Так вроде про покойников говорят? Или хорошо, или никак.

– Ну, так нас же и нет в твоём времени, – Берия снял пенсне и потер переносицу.

Подъехав к какому-то крыльцу, автомобиль остановился. Водитель открыл Берии дверь, я выскочил сам. Дальше нас вели какими-то коридорами. В приемной я увидел легендарного секретаря Сталина. Поскребышев сидел за своим столом. Он поднял голову и увидел вошедшего первым Берию.

– Здравствуйте, Лаврентий Павлович. Иосиф Виссарионович ждет, – проговорил Поскребышев и, подойдя к двери в кабинет вождя, открыл ее.

Оружие я оставил в машине Берии и, наверное, из-за того, что и пришел с наркомом, меня никто не обыскивал.

Когда я оказался в кабинете, то из-за спины Берии не увидел никого. Когда же тот сделал шаг вперед и в сторону, я потерял дар речи. Настолько властное лицо и пронизывающий насквозь взгляд прищуренных глаз встречать мне не доводилось. Сталин стоял у стола, положив одну руку на спинку стула. Другая была занята папирсой.

– Входите, товарищ Новиков. Смелее, я не кусаюсь, – тихо проговорил вождь, заметив мою робость. Как-то ехидно хмыкнув, поглядев на Палыча. Тот только кивнул.

Сделав три шага вперед, я негромко произнес приветствие и вытянулся по стойке смирно.

– Садитесь, товарищи, разговор будет долгий.

Мы с Берией сели рядом и, как я видел в кино, стали крутить головой за прогуливающимся вокруг стола вождем. Я, осторожно осмотревшись, отметил и стол, обтянутый зеленым сукном, и стены, обшитые лакированной фанерой. Сталин, говорили, любил казенную, неброскую обстановку и не выносил роскоши.

Вопросы, надо отметить, он задавать умел! Ни слова лишнего, сухо, жестко и властно, но все по делу. Я старался отвечать кратко и сдержанно, как научил Берия. Только когда Иосиф Виссарионович спрашивал о моих мыслях на какую-либо тему, я давал подробную информацию. Конечно, в пределах собственных знаний.

А вопросы были сложными. Сталин спросил, покидал ли он Москву в моей истории. После моего ответа он как-то восторженно посмотрел на Палыча, а тот вновь кивнул. Я так подумал, что его уговаривали уехать, а он отказался и мой ответ как бы подтвердил его мнение. Было много вопросов по войне, Сталин, казалось, разбирался во всем. От пистолетов – до самолетов.

– Сергей Сергеевич, как вам кажется, мы обгоним, известный вам ход истории? – задал он очередной вопрос.

– Думаю да, товарищ Сталин. Мы уже это делаем, – хоть разговор шел уже час, но меня еще колбасило.

– Вы следите за развитием техники, вас ведь туда определил товарищ Берия?

– Да, товарищ Сталин, пытаюсь по мере сил. Люди делают все возможное, чтобы помочь Родине.

– Возможно, но ведь вы уже сталкивались с людьми, которые не только не помогают, но еще и всячески мешают нашему общему делу?

– К сожалению, был такой случай, – видимо, Сталин решил спросить о том случае, с Алексеем Судаевым.

– А как вы думаете, такое еще где-то может произойти? – Сталин закурил папиросу.

– Слухи расходятся очень быстро, товарищ Сталин, я думаю, что теперь любой перестраховщик десять раз подумает, прежде чем сделать какую-либо глупость. Или хотя бы посоветуется с кем надо.

– Это хорошо. Я тоже на это надеюсь, тем более что я приказал публично осудить нескольких саботажников. Главная беда людей и в нашем, и в вашем времени в большей степени зависит от того, что люди не хотят выполнять свою работу как следует. Что ими руководит, не возьмусь судить, возможно, причины банальны, возможно, люди целенаправленно идут таким путем. Мы будем стараться, избегать ошибок, допущенных, с ваших слов, в вашем времени. Конечно, каждый эпизод будет серьезно проверяться, да и вы немного рассказали. – Ага, так я и поверил, что он примет мои слова всерьез. Он, говорили, вообще никому не верил. – Чего-то вы и не можете знать, так как родились гораздо позднее, чего-то слышали в искаженном варианте, но работа ведется.

Дальше он спрашивал о будущем, про Хрущева, Брежнева, нынешних своих «прихлебателей». Я давал ответы по мере знаний и просто думая логически. Тот же Хрущев. Ведь все его потуги с сельским хозяйством, управлением страной или другими идеями происходили от отсутствия образования. Человек банально мало знал, залезая на трон. Они тогда думали только о власти, не подозревая, что страной управлять – это не кукурузу выращивать, а работать в поле – совсем не то же, что в кабинете сидеть и протоколы подписывать. И там, и там нужно думать головой.

– Товарищ Берия, – произнес Сталин, вскинув взгляд на Палыча, – а почему у нас товарищ Новиков имеет всего две, солдатские, незначительные награды?

– Товарищ Сталин, Сергей награжден в соответствии с заслугами.

– Но за последнюю его выходку, – Сталин хитро прищурил глаза, – его не стали награждать. Инициатива, кажется, исходила из вашего ведомства?

Я блин, готов был провалиться. Не стоило мне этого слышать.

– Разрешите, товарищ Сталин, – сказал я, увидев как Берия несколько потерялся.

– Говорите, товарищ Новиков.

– Дело в том, что я не заслуживаю большей награды, чем благожелательное отношение руководства, – произнес я, глядя на Берию, – я хотел бы просто служить народу. Меня и так, наградили, повысив в звании, я и его-то не заслужил. Поэтому считаю, что получил свое, и даже больше. Тем более что нарушил приказ своего непосредственного начальника.

– Слышали мы про ваше разгильдяйство. Но вы выполнили важную работу. Вы и майор Истомин пресекли работу вражеской диверсионной группы. Неизвестно, сколько они здесь натворили дел и еще могли натворить. Это должно быть оценено. Лаврентий, подготовь приказ о награждении.

Берия молча кивнул.

– Работайте, товарищ Новиков. И не надо стесняться своих заслуженных наград. Мы просто так не награждаем.

– Служу Советскому Союзу! – выговорил я.

– А вот вы указывали в ваших донесениях, что к сорок третьему году мы серьезно пересмотрели воинский устав. Ввели погоны, командиров снова стали звать – офицер, и многое другое. А кому не угодил ответ: Служу Советскому Союзу?

– Виноват, товарищ Сталин. Я не знаю.

– Просто, когда принимали устав, армия была рабоче-крестьянская и ответ должен был быть соответствующим. Служить надо не союзу, а – народу! Мы с товарищами подумаем, после того как отгоним немца от нашей столицы, может, и пересмотрим устав, частично. Но вот с погонами, думаю, торопиться не надо.

– Спасибо за доверие, товарищ Сталин, – бодро сказал я, – разрешите идти?

– Идите, Сергей Сергеевич, оправдывайте доверие народа, – произнес Сталин и хитро улыбнулся.

Я повернулся на каблуках и посмотрел на Берию.

– Подожди меня в машине, – сказал он.

Выйдя на улицу, удивился, ночь уже. Глянул на часы – ого. Разговор со Сталиным длился четыре часа. Увидев меня, парень, водитель Палыча, вылез из машины. Достал пачку папирос и предложил мне.

– Спасибо, у меня есть.

– Чего, подождать просили? – спросил он у меня.

– Ага. Только не знаю сколько.

Ждать пришлось около часа. Водитель Берии поделился бутербродами, сказал, что у него так часто бывает. Берия появился неожиданно. Открылась дверь, и он упал на сиденье.

– Проголодался, ну ничего, дома поешь, – Берия был доволен, глаза сверкали под пенсне, несмотря на темень.

– Так, Алевтина Игоревна спит, наверное, давно. Ночь на дворе.

– У нее и ночью найдешь, чем перекусить. Молодец, что не стал на меня ссылаться, когда про награды говорили. Иосиф Виссарионович и сам все прекрасно знает, просто хотел увидеть твою реакцию.

– И как, я не ляпнул лишнего?

– Ему понравилось, раз он приказал наградить. Вместе с Истоминным получишь. Заслужили.

– Ну, спасибо! Лаврентий Павлович, а как на фронте? Где сейчас фашисты?

– Недалеко. Все идет так, как ты и рассказывал. Даже в Туле все совпало. Но и отличия есть, в том, что мы сумели перебросить больше войск за то же время, немцы идут чуть медленнее и, думаю, потери у них больше, чем в твоём варианте. Мы дали шанс проявить себя командирам, которых ты указывал в своих отчетах. Они не преминули отличиться и сейчас задействованы на всех фронтах и воюют. Но и некоторые прежние остались, конечно. И хорошо воюют.

– Это радует. Вот и дом показался.

– Давай аккуратнее, в городе уже замечены начавшиеся беспорядки. Внимательней будь!

– Вас понял. Буду, – сказал я, вылезая из машины. Анатолий Круглов, мой охранник, уже стоял возле машины. – До свидания, Лаврентий Павлович.

– Завтра жду к двенадцати.

Я вылез, спросил у Толи, как дела.

– Да тихо все. Постреливали где-то час назад, Алевтина дергалась.

– Лаврентий Павлович говорил что-то о беспорядках.

– Во-во! Уроды, пользуются случаем. Милиция везде не успевает.

– Ну ничего, кого не пристрелят, те сами разбегутся. Пойдем, есть охота.

Глава 19

С утра дождь хреначил, что твой потоп, который всемирный. Да холодный-то какой, зараза. Да, уже ноябрь все-таки. Как же на фронте-то? Звиздец! После небольшого дождика в сентябре еле пролезали, а что сейчас?! Дорог-то нет вообще, даже направлений не видно.

С мрачным настроением, я завтракал. Зазвонил телефон.

– Опять у кого-то что-то не получается, – сказал я, ковыряясь в тарелке с яичницей. К телефону подошел Андрей. Он тоже здесь ночевал.

– Сергей, тебя! – крикнул он из прихожей.

– Да ладно, правда, что ли? – попытался пошутить я.

– С Лубянки звонят, – серьезно сказал он. Я быстро подошел к нему и взял трубку.

– Новиков.

– Сергей Сергеевич, Лаврентий Павлович приказал срочно прибыть в Мытищи.

– Понял, выезжаю, – я положил трубку. – По коням, пацаны!

Собрались быстро, блин, забыл награды отстегнуть. По фигу, ехать надо. Все равно под шинелью не видно. В Мытищи, значит, на полигон. Кубинка-то не доступна теперь. Под немчурой все. На полигон мы прибыли вовремя. Вся комиссия была в сборе. На КПП я показал удостоверение, и нас быстро пропустили. Вдалеке, примерно метрах в семистах, стоял танк. Тридцатьчетверка. Чего они задумали? На исходную, рыкнув мощным дизелем и выбросив в серое небо столбы черного дыма, выехала еще одна. Красавица. В зимнем камуфляже, а не привычного зеленого цвета. Замерла, вдруг – бах! Старая подопытная тридцатьчетверка, казалось, содрогнулась всем корпусом. Еще выстрел, еще. Пока танк обстреливал жертву, мы с парнями подошли ко всем присутствующим и смешались с толпой. В комиссии было человек семь, технари, какие-то гэбэшники и, видимо инженеры. Их интеллигентный вид бросался в глаза. Когда закончился обстрел подопытной, все пошли смотреть результат. Три попадания, все три борт насквозь. Я тоже посмотрел.

– А в лоб, как? – спросил я, когда вся толпа вернулась на рубеж. На меня обернулись.

– Давайте попробуем, – сказал один человек в кожаной куртке. – Васильев!

Танкист, сидевший на башне, кивнул и забрался внутрь. Снова рыкнул дизель. Машина сделала небольшой крюк и встала, нацелившись в лоб. Выстрел, слабо слышимый звон. Еще выстрел. Подойдя, увидели, один снаряд явно ушел в рикошет, второй попал под башню. И отколол кусок брони.

– Замечательно! – воскликнул кто-то. А чего тут замечательного? Я пока стоял не понимая.

– Товарищи, это была стрельба новыми видами снарядов, – произнес один из инженеров.

– Товарищ капитан, – обратился этот же человек к танкисту, – давайте последнюю новинку.

Капитаном называли танкиста Васильева, тот кивнул и запрыгнул на броню. Прогрохотали ботинки, танкист скрылся в башне. Рыкнул мотор, лязгнули гусеницы.

– Вытаскивайте трофей! – приказал какой-то чин.

На поле выволокли трофейную тройку. Видимо, вытряхнули из нее мотор и все внутренности. Два тягача отцепили тросы и уехали в сторону. Тридцатьчетверка замерла метрах на шестистах. Выстрел – бабах! Ни хрена себе. У тройки башня упала метрах в трех. Видимо, боезапас не вытащили, вон как рвануло.

– Товарищи, это было действие нового снаряда. Пробивание на дистанции до семисот метров, сто двадцать миллиметров, гарантировано. С километра чуть меньше. Эффективность налицо.

Все кивали головами, трясли друг дружке руки. Что-то говорили.

– А калибр семьдесят шесть миллиметров? – спросил я.

Все опять уставились на меня, просто большинство из присутствующих не имело представления о том, кто я.

– А вы, простите, откуда будете? – спросил какой-то фрукт, одетый в кожаное пальто, с петлицами майора ГБ. Я достал удостоверение и протянул ему.

– Ясно. Товарищ Большаков, – обратился майор к человеку, делавшему доклад, – что там у вас с калибром?

– Совершенно верно. Пока экспериментально, только один. Затем будем расширять, – инженер развел руками.

– Отлично, а долго налаживать производство? – опять задал вопрос я.

– Да в принципе, уже выпускаем, просто сегодня наконец испытали, как следует. Если одобряют, то мы готовы.

– Одобряют, еще как, после таких-то результатов, – заявил я, намереваясь прямо сейчас ехать к Палычу. Хотя ему и без меня доложат. Но свои пять копеек вставлю.

Дорогой я размышлял, как же заработали-то хорошо. Ведь появляющиеся новинки превосходят все, что только могут. Э, так мы не только Гитлера и амеров догоним, мы еще и вперед убежим настолько, что устанут догонять. Ну и хорошо, в той истории мы только и делали, что пытались все время кого-то догнать. Здесь все будет по-другому. Ну и я приложу руку. Особенно на фронт скорее хочется. Скорее бы уже Истомин на ноги встал. Надоело мне в Москве сидеть, хотя вроде и делом занят, но на фронте все же лучше. Это, наверное, во мне говорит азарт. Мы, дети победившей демократии, привыкли жить, как хотим. В магазинах все есть, только деньги успевай зарабатывать. А здесь надо заслужить само право – жить! Здесь честность и порядочность значат многое. Может, я просто не осознаю, что на войне могут убить, что могу попасть в плен. Реально так и есть. Единственный раз было страшно, именно страшно, а не противно или еще что-нибудь, когда врач сказал, что есть подозрение на гангрену. Это когда я осколок словил. Но все обошлось, я на ногах, чуть прихрамываю, но это скорее по привычке, и вроде как и не было ничего. Ни ранения, ни госпиталя. Кто его знает, как это назвать. Пофигизм, дурость, легкомыслие? Не знаю. Даже когда меня «диверсы» взяли, все шло как-то на кураже, что ли? Как в кино, я действовал быстро, мозг работал как у робота. Может, кстати, оттого, что жил я во времена компьютеров, автомобилей и всяческой техники, здорово облегчающей саму жизнь, но в то же время заставляющей все делать быстро. Здесь и время как-то медленно идет. У себя, помню, все чего-то делаешь, торопишься, а времени все равно не хватает, здесь все как-то спокойнее. Я отсутствие сотового заметил только через неделю, наверное. Конечно, он здорово облегчил бы в некоторой степени общение, хотя в то же время я бы уже свихнулся, пытаясь успеть везде и всюду. Так меня отправляют в одно, два места в день, а если бы был телефон в кармане. Берия бы точно с ума сошел. Те дела, что требуют его внимания, увеличились бы в разы, а он и так зашивается.

Но на фронт хочется, хоть ты тресни. Там друзья, там ты реально видишь, что делаешь. Знаешь, что приносишь пользу. А здесь, воюешь с этими чинушами-бюрократами, которые за свое место глотки грызут. Ладно, чего-то совсем загнался. Но на фронт действительно хочу. Деда повидать, ротного, да и Лебедева тоже. Их уже пополнили, скоро отправят под Ленинград. Там, конечно, тяжело будет. Да и где сейчас легко? Войнища идет такая, что легче только уже погибшим. Здесь тоже, немцы рвутся в Москву. Бесноватый Алоизыч гонит войска как на пожар. Да и сами генералы вермахта, в сорок первом еще полны решимости и наглости. Но ничего, скоро Гудериану под Тулой прилетит, весной фон Бок свое получит, а дальше пойдет полегче. Если примут меры и не будут повторять ошибок, то не будет ни Барвенково, ни Севастополя с Керчью. Жукову не придется двести тысяч закопать в болотах на Ржевско-Вяземском выступе. Потому как надеюсь, что максимум к апрелю выпуск новой техники наладят, хоть

и не много новинок, но они на самом деле получились на славу. Лишь бы смогли выпускать в нужных количествах. Кстати, Берия говорил, что со снабжением дело заметно улучшилось. Людей кормить стали как следует, а не через раз. Да и самих людей больше стало на фронте. Полки, дивизии начали комплектовать обученными войсками, хоть тоже недолго учат, но все же это уже бойцы, а не крестьяне.

Сибиряки молодцы, в бой рвутся всеми силами, только опыта у них пока маловато и поэтому убыль имеется большая. Но с задачами справляются.

Берия встретил меня, предложив рассказать об увиденном. Рассказал, что видел. Ему понравилось, может, и вправду еще не доложили.

– Люди отдают последние силы, чтобы помочь войскам. Будем надеяться, что начнем выравнивать ситуацию. Сергей, мы подготовили серьезную операцию. Не имея возможности поставлять в нужных количествах оружие и боеприпасы, мы решили переправить в Ленинград, наших изобретателей, – Палыч заговорил о деле.

– Майор Истомин что-то говорил о каком-то важном деле, – проговорил я.

– Да он пока всего не знает, – Берия ухмыльнулся. – И тебе знать не надо.

– Лаврентий Павлович, разрешите ехать с майором Истоминым? – с надеждой спросил я.

– Это еще зачем? – картинно удивился Берия. – У тебя своя работа.

– Лаврентий Павлович, товарищ Истомин говорил, что я ему нужен, – решил врать я. Надеюсь, Истомин подтвердит мои слова.

– А больше ему ничего не надо? – Берия начинал злиться. – Ему предстоит аккуратно провести расследование. Ты же не следователь, хотя и умеешь анализировать. Но там нужен его ум и опыт, это если хочешь и есть главная задача.

– Если не секрет, что случилось? – спросил я, впрочем, не надеясь на откровенность.

– Товарищ младший лейтенант, это не ваше дело. Вы забываетесь, – все, Палыч разозлился.

– Товарищ генеральный комиссар госбезопасности, прошу прощения, но я действительно смогу помочь.

– Чем же, товарищ младший лейтенант? – а теперь ехидничает, вон глаза за пенсне блестя.

– Незамысленностью глаз, нетрадиционным подходом, – я нес такую чепуху, потому что не знал, как еще отвлечь Берию от гнева.

– Все чаще стали происходить утечки из штаба Ленинградского фронта, – Берия все же решил что-то рассказать, но взял приличную паузу.

– Лаврентий Павлович, опять диверсанты? – вставил я, решив сократить ее.

– Не совсем, хотя и без них никуда. Хуже то, что тут похоже свои. Все, данные, что идут из центра, тут же становятся известными Абверу, – Берия опять взял паузу, а я опять вставил:

– Стукачок завелся знатный.

– Более того. Стучит так, что мы не можем ничем помочь городу. Где бы ни планировали наладить проход для снабжения города, противник тут как тут – и ничего не получается. Короче, Сергей. Истомин тебе все объяснит.

– Так вы меня отпускаете? – воскликнул я удивленно. – И как майор мне что-то объяснит, он же в госпитале? Когда же предстоит операция? – из меня посыпались вопросы.

– Уже нет, говорит, что в порядке. Убедил врачей отпустить. Таким образом, нужно скорее это сделать. Если честно, нам на руку его активность, так как заменить его не кем. Все наши люди заняты, а он уже давно работает по этому делу. А с блокадой Ленинграда нужно кончать, мы не можем позволить себе такие жертвы. Хоть такое и было, в твоей истории, нам это абсолютно не надо. Плюс, нужно доставить в город военспецов, чтобы разворачивали нужные производства. Эвакуации заводов не было, соответственно мощностей хватает, дополнительные танки, пушки и стрелковое оружие позволят обеспечить наши войска. И самое главное, нужно

срочно наладить поставку продовольствия. Ты такие ужасы рассказывал, что товарищ Сталин, после того как прочитал о жизни людей в осажденном городе, три ночи не спал. А он и так мало на сон время тратит, сил-то набираться надо, он ведь уже не молодой.

– Я все понял, Лаврентий Павлович. Можно вопрос?

– Да, конечно, – Берия смотрел на меня открытым взглядом, располагающим к беседе.

– Истомин говорил о том, что просил прислать ему мою бывшую группу разведчиков, дадут?

– Лебедев, комдив 235-й, если не помнишь, когда узнал, зубами в них вцепился. Когда ты их так успел натаскать, что они лучшими в дивизии стали? И даже в корпусе.

– Да ничего я не делал. Просто объяснил парням, простите, товарищ Берия, я вам приведу слова из мемуаров одного немецкого генерала. Если Германия могла бы себе позволить так транжирить жизни солдат, как это делают советские комиссары, она давно бы выиграла эту войну. Это о том, как в Германии ценят простых солдат. Если слушать политруков, то надо обязательно идти в последний и решительный с голой жопой на танки. Кому от этого польза будет? Хоть и пришлось объяснить, но я смог до них довести, что тихо, аккуратно, вдумчиво бить врагов гораздо полезнее. Ведь оставаясь в живых, убьешь врагов намного больше. Тем самым поможешь своим же близким. А сдохнуть во весь рост – большого ума не надо.

– Да, к сожалению, многие безграмотные представители партии, находящиеся на должностях политруков, не думают о ценности жизни простого солдата. Но это тоже сверху идет. Один сказал, другой пересказал и дополнил от себя, а до пятого дошел уже полностью перерванный приказ. Мы пытаемся это искоренить. Уже запрещено политрукам и особистам отменять приказы командира или приказывать что-то самим, не согласовав это с командиром подразделения. Делаем все, что можем. А разведчики вам будут! Лебедев, конечно, ворчал, но есть дела более важные.

Он еще пару минут говорил о сложности задания, о том, что не хочет меня пускать на фронт. Я продолжал настаивать на своем участии, поняв, что все уже решено: я – еду!

– Тебя один раз уже отправили на фронт, рассказать, что вышло? – Берия нервно кинул карандаш, который держал до этого в руках, на стол. – Слушай, Сергей, а ты выполнил поручение товарища Сталина? Это я про песню для парада 7 ноября, подготовил? – вдруг сменил тему нарком.

– Конечно. Я и думать не буду даже, так как лучшей и более подходящей к месту, еще не написали.

– Что за песня? – спросил с интересом Палыч.

– «Вставай, страна огромная». Лучше нет ничего!

– Я знаю эту песню. Иосиф Виссарионович ее и хотел, но подумал, что может у потомков есть что-то лучшее?

– Товарищ Берия, это именно то, что надо, особенно сейчас.

– Хорошо, можешь идти. Сейчас ко мне прибудет Александр, нужно поговорить, а ты подожди его в приемной. И не уходи, я еще позову.

– Разрешите идти? – отчеканил я.

– Иди, – коротко ответил нарком.

Выйдя в приемную, столкнулся с Истоминим. Видимо, Берия хотел поговорить с нами порознь.

– Ну, здравствуй, младший лейтенант, – произнес Истомин и протянул мне руку. Я пожал ее.

– Здравия желаю, товарищ майор. Как ваше здоровье?

– Не дожدهшься, – шутливо бросил Истомин, направляясь к двери в кабинет наркома, – подожди меня.

– Жду. Мне товарищ Берия приказал ждать.

Присев на стул, задумался. Как же они решили меня отпустить, ведь явно не расценивают как матерого следака? Да я и рядом не стоял. Но они меня привлекают. Ладно, на фронте был уже, может, и здесь сгложусь.

– Ты уверен, что его нужно туда тащить? – спросил всесильный нарком.

– Да, уверен. Я видел, как у него глаза горят, он на месте соображает втрое быстрее. Чутье ли сказывается, или еще что, не знаю. Но он хорошо чувствует ситуацию, – отвечал полковник Истомин. – Ему известно о сути дела?

– Нет, посмотришь, сработает ли у него его чутье, про которое ты мне твердишь. Только пусть следит за языком! Все идеи, мысли или предложения только через тебя. Никто не должен знать больше, чем требуется. Товарищ Сталин, вообще, был против его привлечения, я настоял, по твоей просьбе. Так что с тебя и спрашивать буду. И не только я! Позови его.

– Я все понял, Лаврентий Павлович. – Истомин встал и вышел.

Выглянув из открытой двери, майор обратился ко мне:

– Зайди!

Мы встали с майором перед Берией.

– Товарищи, мне поручено вас наградить, так как времени нет, да и выставлять напоказ вас не нужно, я сделаю это сейчас.

Берия вернулся к столу, взял две коробочки и какие-то бумаги. Повернулся к нам.

– Товарищ майор государственной безопасности, за проведенную операцию по выявлению особо опасных преступников и по совокупности заслуг вы награждаетесь правительственной наградой «Орден Ленина», и присвоением внеочередного воинского звания – старший майор государственной безопасности.

– «Ого, вот это Истомин взлетел!» – пронеслось у меня в голове.

Дальше Берия повторил почти то же самое относительно меня и вручил мне Орден Боевого Красного Знамени. Мы со старшим майором ГБ синхронно козырнули, и Берия нас отпустил.

– Не знаю, что у вас получится, мне бы твою уверенность, старший майор, – пробормотал тихо нарком, когда дверь за нами закрылась.

– Идем, – произнес Истомин, когда мы оказались в приемной. Было видно, что он о чем-то сосредоточенно размышляет.

– Идем, – протянул я, – пока, Дима.

– Счастливого, удачного дня, – ответил мне и скользнул взглядом по нам обоим секретарь Берии.

В машине Истомина мы молчали, он заговорил со мной, только когда прибыли к подъезду дома, где я временно жил.

– Собирай вещи и едем на аэродром. Там встретимся с твоими друзьями, – сказал старший майор.

– Так парни уже здесь? – вскрикнул я радостно.

– Чего орешь-то? Здесь, сегодня прибыли. Их разместили прямо в казарме у летунов. Впереди долгая дорога, с нами еще эти, изобретатели, едут.

– Почему долгая, мы что, не полетим?

– Во-первых – погода! Во-вторых – инспекторские обязанности с меня никто не снимал. Где-то под Тихвином потерялся арtpолк и приданный ему полк пехоты. Много разрозненных подразделений. Надо искать и помочь с их объединением, – зло процедил Истомин, – так что грузимся на поезд, а километров за сто до Волхова нас сгрузят. Дальше двинем на машинах, а потом, может, и вообще пешком. Как получится.

– А как же научники? У них, наверное, оборудования вагон? – я недоумевал.

– Ящики, как снарядные. Пять штук. Да должно все получиться. Хотя сам не понимаю, почему ученых с нами отправляют. Запланировано наступление под Тихвином и Волховом.

Войска постараются отжать фрицев, ну а мы попытаемся проскочить под шумок. Увидишь, короче, там такие силы задействованы, нам крайне важно попасть в город, – майор еще что-то говорил, но я уже думал о предстоящей поездке.

Поднявшись в квартиру, собрал вещи. Да и чего там собирать-то. В сидоре все уместилось. Только форму старую одел. Попрощался с нашей доброй хозяйкой, которая все уговаривала поужинать, и спустился обратно к Истомину.

Берию даже просить не пришлось, водителя Андрея и охранника Толю я брал с собой. Лаврентий Павлович сам указал на этот момент, я лишь порадовался. И сейчас они тоже подъехали к дому.

– Серег, мы готовы, – за обоих сказал Круглов.

– Тогда давайте, за машиной старшего майора. Только я с ним поеду, надо многое обсудить.

Но выпытать у Истомина маршрут, имена тех, кто едет с нами, не вышло. Сказал, что в свое время сам увижу.

Глава 20

Приехали на аэродром, когда уже стемнело. Ноябрь во всей красе. С утра был снег, но уже подтаял, и на улице было темно. Темно-серые тучи висят на одном месте, не давая пробиться солнечному свету. Да еще и темнеет так рано, что, казалось, и не светало.

Когда увидел ребят, сердце застучало сильнее. Потому как увидел – Его!

Как рассказал майор, нашей группе требовался связист, а учитывая, что разведку забирали в 235-й, решили взять и связиста. И взяли деда. Тот, конечно, ничего не знал, он и внимание с моей стороны удивился, но майор что-то ему наговорил и он успокоился.

– Сергей, ты всех знаешь, познакомь ребят друг с другом, – обратился ко мне Истомин.

Я быстренько представил всех, парни пожали руки. Я очень рад был видеть друзей. Обнимались, хлопали друг дружку по спинам. Один Иван, дед то есть ничего не понимал. Ну, так он первый раз с нами идет. Только высказал замечание, что вроде два месяца назад, я, как и он, был рядовым, а теперь младший лейтенант ГБ.

– Ну, теперь и я, может, подрасту. Вон мужики моложе меня, а все уже в званиях. Глядишь, и мне достанется.

– Будешь так же служить, как эти трое – достанется, – ответил ему Истомин.

– Ну, вы как, поправились? – спросил я, когда страсти немного улеглись.

– Да все в порядке, командир, – за всех проговорил Зимин, как старший группы, – командуй.

– А вот командовать нами будет, старший майор ГБ Истомин, прошу любить и жаловать, – ответил я.

– Мы готовы. Только у нас оружие забрали, когда сюда везли, – подал голос Ваню.

– Все отдадут, даже добавят, сейчас распоряжусь, и еще, ко мне обращаться как прежде, просто, товарищ майор. Все ясно? – майор направился в штаб.

– Ясно, – хором выпалили все.

– Ну что, не жалеете, что я вас с отдыха сдернул? – спросил я, обращаясь к парням. Те в один голос начали смешно ворчать.

– Вот, сидели, никого не трогали, а тут бац! Собирайтесь, в распоряжение Новикова поступаете, – а это подал голос казах.

– Ну, так можно и обратно отправить, – уже смеялся я.

– Не-не! Мы с тобой хотим, хотя с тобой у нас дырок прибавляется, – у Мурата от смеха глаза вообще превратились в две щелки.

– Да фигня! Я вам заплаток нарежу, из первого же пойманного языка.

Вернулся майор, сообщил, что выезжаем прямо сейчас, правда, сначала загрузимся оружием. Оружия нам дали, блин, роту можно вооружить. Нет, это, конечно, зашибись, но таскать мы его замучались. Одних патронов – два ящика. Парни похватили ППШастики, даже Истомин взял. Я, увидев СВТ-40 с оптикой, выпросил ее. Уж больно понравилась, когда на испытаниях стрелял. Тем более, что эта уже была модернизированная. Хотя, что там переделали, мне никто не сказал. Внешне все было, как и раньше. Дали нам и пулемет. Дисков к нему несколько штук. Как обычно, пулемет всучили «Здоровому Ваню», да он и не сопротивлялся. Только посетовал, что лучше бы МГэшник дали. Он ему, видите ли, больше нравится.

– Из МГ я как на швейной машинке строчу, – Ваню осклабился.

– Ты еще и шьешь, такими-то ручищами? – спросил у него Зимин. И все хором заржали.

– Товарищ Жуков тоже одежду шил, ничего в этом зазорного нет, – ответил серьезно вместо Ваню Истомин. А Мурат добавил:

– Все одно, у первого же немца МГ утащишь! – И все опять прыснули от смеха.

Да, когда снаряжали магазины и диски к пулемету, обратил внимание, что к «папашам» тоже были магазины рожкового типа, а не диски.

Порадовала новая форма. Камуфляж здорово походил на городской из моего времени, его только начали шить и не известно, пойдет ли он в основные войска. Попроще, чем в двадцать первом веке, конечно, но это уже был камуфляж. Порадовали и разгрузки, их еще и довели до ума, от того, что я сшил, отличий было немного, но они как-то серьезней были, что ли. Я-то на коленке тогда сваял, а тут уже фабричное производство.

Гранат дали целый ящик, причем там были и новые, дымовые. Классная вещь, видел на полигоне, выдают густой дым разных цветов. Когда все оделись, подогнали снарягу, я офигел. Передо мной стояли солдаты, практически не отличимые от солдат моего времени. Отличия были минимальны. Броники бы еще, но их пока не сумели воспроизвести так, чтобы в них можно было бы двигаться.

Оружие пристрелять решили, когда будет первая остановка, где-нибудь по дороге. Едем-то практически в сторону от фронта, можно будет без опаски пострелять. Истомин захватил на всякий случай еще пару ПП и одну СВТэшку. Про запас.

Ехать предстояло на грузовую железнодорожную станцию, находящуюся за городом. Там нас должны будут погрузить на платформу. С этим составом мы доедем до Сонково, там должны прицепить к другому эшелону. Но до Тихвина все равно не доедем, чтобы не рисковать, будем сходить раньше.

Как выяснилось, когда мы выехали, ученые будут ждать нас в Калязине, их туда по воздуху доставят. Кого-то из Москвы, кого-то – из Горького. Поезд нужен был для того, чтобы быстрее, а главное без расхода горючего, прибыть ближе к фронту. Наша колонна состояла из одной «эмки», той, которая была закреплена за мной, грузовика «трехтонки» и «эмки» Истомина. Свою машину Истомин брал исключительно для изобретателей. ЗиС был новенький, кузов затянули брезентом. Парни, выпросили на аэродроме какой-то ветоши, ехать-то не одни сутки, устроили себе целое лежбище. Ящики с патронами, канистры с топливом разместили и закрепили у бортов, в тылу-то, наверное, не обстреляют, а сами развалились по центру. Я сел с Истоминим в легковушку. За руль, конечно, уселся Андрюха – мой водила, это же его машина. Толя тоже забрался к нам, так как функцию охранника, с него никто не снимал. В грузовик водителем дали какого-то седого дядьку, лет пятидесяти, его с собой из штаба на аэродроме привел Истомин. Сказал, что этот дядька – отличный водила. Михалыч, так он назвался, с грузовиком был на ты. Сразу видно опытного шоферюгу. В эти времена профессия водителя была в почете. И он ей соответствовал на все сто.

Я спросил у майора, будут ли еще люди, научников-то охранять? Тот ответил, что охрана находится уже с ними. Да, жаль «бэтээров» еще долго не будет. Ехали бы и не парились.

Погрузили нас быстро. На станции техники уже не было, вся стояла на платформах. Нам досталась последняя в эшелоне. Пока водилы загоняли технику, мы с Истоминим прошли вдоль поезда. Солдаты укрывали технику брезентом, натягивали маскировочные сети.

– А у нас нет, – сказал Истомин.

– Не понял, товарищ старший майор?

– Говорю, у нас нечем накрыть, – майор развел руками.

– А-а-а, так может, поискать где? – спросил я.

– Да где ты чего найдешь? – Истомин сплюнул под ноги. – Ладно, так доберемся.

К нам подошел дядька в фуфайке и сообщил, что эшелон отправляется через пять минут.

– Давайте, товарищи командиры, грузитесь. А то без вас уедут, – слегка съехидничал дядька.

Мы вскарабкались на свою платформу и забрались в машину.

– Скажи своим, чтоб спирту оставили, а то весь выхлебают. Там его целая канистра, – серьезно сказал Истомин.

– Да вы что, товарищ майор. Я отвечаю за людей, не притронутся даже. Не дети, – ответил я, недовольно глядя на Истомина.

– Да кто их знает, вдруг охренеют от количества, – продолжал майор.

– Я знаю, – отрезал я и вылез из «эмки». Придерживаясь за нее, двинулся в сторону грузовика.

Поезд уже набирал ход, поэтому трясло прилично. На какой-то станции, примерно в двадцати километрах от Москвы, наш эшелон завели на запасник. Пропускали состав на Москву.

– Тяжелые танки везут. Видимо, протащили наконец. Состав из Ленинграда, два месяца добирается. Город в кольце, железка не доступна, а этот где-то в запаснике стоял, – майор поморщился.

Я смотрел на проплывающие мимо платформы с огромными танками, укрытыми брезентом. Даже не видя их полностью, ощущается мощь и сила, исходящая от этих гигантов.

– КВ? – спросил я у майора.

– Ага! Вот еще снарядов новых им подкинут и вообще красота.

– Зашибись! Немцы обосрут теперь. Побольше бы их еще.

– Делают сколько могут, переправлять никак. Да и не только ведь под Москвой нужны. Хотя новинки в основном, конечно, идут сюда. Надо отогнать фашистов от столицы. На другие фронты тоже идут пополнения, но пожиже.

– Главное, что они вообще идут.

Пока разговаривали, к нам подошел рабочий с перегона.

– Вы на Сонково идете? – спросил он нас.

– Да, – ответил Истомин, – а что?

– Придется подождать. Сообщили только что, еще эшелон идет, будет через полчаса. Почему-то раньше вышел, должен был только через час. Так что придется пропустить.

– Как скажешь, отец, – майор хлопнул слегка рабочего по плечу, – а скажи, можно где неподалеку немного пострелять?

– Это в кого пострелять? – испуганно пролепетал старичок.

– Да ни в кого, отец. Просто оружие проверить надо. На фронте некогда будет.

– А-а-а! – воскликнул стрелочник. – Ну, так идите в лесок. Недалеко, вон за диспетчерской, – и махнул рукой, показывая направление.

Крикнув мужиков, мы с Истоминим пошли вперед. Парни догнали нас, принесли наши стволы. Я, прошагав вдоль леса триста шагов, повесил на ветку пустую банку из-под тушняка.

– Ну, давай, снайпер. Покажи, на что способен. А то отберем винтовку, – ехидно сказал Истомин.

– Сами такие, – ответил я. Ща я вам покажу, как стреляют в моем времени. Расчехлив винтовку, зарядил. Проверил прицел. Первая пуля пролетела почти в метре от цели. Ой-ей-ей. Не опозориться бы.

– Поправку сделай! – крикнул майор. – На прицеле.

Я, сделав несколько щелчков, вновь прицелился. Бах! Уже ближе, но теперь высоковато. Еще подкрутил, теперь и вертикаль. Ветра нет, прямой выстрел. Бах! Банка звякнув, осталась на месте.

– Блин, только зацепил, что ли? – пробормотал я, подходя к висящей банке. Ни хрена себе, четко по центру банки была сквозная дыра. Это с какой же скоростью пуля летит, что, пробив навывлет, банка осталась висеть?

– Зашибись! Прямо мечта, – сказал я, вернувшись к ожидавшим парням.

– Попал? – спросил Зимин.

– А то! Попробую еще подальше отойти. – Пара магазинов, и я этой «Светкой» буду гвозди забивать с полукилометра.

Отсчитав еще полторы сотни шагов, я повернулся и встал на колено. Парни отошли к лесу, чтобы не мешать. Вскинул винтарь, прицелился. Бах! Через секунду, бах!

– Серег, я сбегая, посмотрю, – крикнул мне Зимин.

– Давай! – я поднял винтовку стволом кверху и пошел к ним. Сбегал этот сайгак быстро.

– Три дыры. Ну, ты можешь! – удивился Истомин. – И это с колена, молодец.

– Старался. Давайте пацаны. Шмаляйте, да пойдем. А то уедут без нас. Вон уж встречный слышно, – и, правда, где-то слышались гудки приближающегося состава.

Парни выпустили по магазину патронов. Кто-то в дерево стрелял, кто-то по моей же банке. Конечно не с такого расстояния. Майор тоже немного пострелял.

– Идем, – обратился к нам Истомин. – Оружие почистим потом, когда ехать будем.

Пока шли, прошел встречный. Этот был уже практически без техники. Теплушки да три платформы с орудиями.

Истомин попросил у парней ветоши и расстелил на досках тряпку. Разобрав ППШ, начал чистить. Я пару минут думал, как правильно разобрать свою винтовку. Вот уж сколько раз удавалось из нее стрелять, а до чистки как-то и не доходило. Помог все тот же Зимин. Медленно разобрал, показывая, как и что снимать. Почистив, нагара было немного, ствол-то новый, настрела всего магазин, собрал уже без посторонней помощи. Для закрепления разобрал и снова собрал. Щелкнул бойком. Порядок. Остальные закончили намного раньше меня.

Наш поезд тем временем тронулся, начал набирать ход. Когда я завернул винтовку в брезент, ко мне подсел дед.

– Слушай, Сергей, скажи, почему именно меня взяли? Ведь я же на передовой-то почти не бывал. А тут в такую группу попал?

– Да я и сам не знаю. Не я ведь группу-то укомплектовывал, – не говорить же ему, что Истомин его взял, потому что Иван – мой дедушка. Во блин, был бы номер.

– А как у тебя получилось аж в Москву попасть? – не унимался дед.

– Как-то само собой. Удачное расположение звезд на небе, давай спать, скоро Калязин, там грузиться еще, а потом ехать долго. Надо выспаться впрок.

Улеглись спать. Под монотонный перестук колес я уснул как младенец. Снилось мне мое время. Жена, дочь. Кладбище. Тьфу ты, черт. Кто-то мне в ухо зарядил! Распахнув глаза, я уставился на Истомина, который приготовился мне пощечину залепить.

– О! Третий раз не пришлось! – майор опустил руку. – Ты чего разрыдался-то и сжался весь как пружина? Аж кулаки хрустели.

Я протираю влажные глаза, пытаюсь понять, что происходит. Щека зудела.

– Сон, что ли, плохой? – продолжал майор.

– Если вам собственная могила приснится, это хороший сон, или плохой? – решил рассказать я.

– Даже так? Я, кстати, и не спрашивал раньше, у тебя ТАМ кто-нибудь остался?

– Из самых близких, отец, жена и дочь, – ответил я и отвернулся.

– Да! Прости, тяжело тебе, наверное, – их во сне видел?

– Да, у своей могилы. И приснится же такое. Жена после смерти моего родного брата несколько месяцев назад часто говорила, что не представляет себе, как бы стала жить без меня. А тут на тебе.

– Сколько дочке? – голос у майора подрагивал.

– Полгода всего было, когда я взорвался. А во сне на вид лет шесть. Может, не забыли, навещают могилку?

– Ну, раз ты так видел, то, наверно, так и есть.

– Слушайте, товарищ майор, а ваши где? – Мне тоже стало интересно, да и хотелось стряхнуть воспоминания.

– Должны быть в Ленинграде. Я тебе рассказывал, что я оттуда. У меня тоже жена Аленка и дочь Катюшка. Доче пять сейчас. – Теперь и майор отвернулся.

– Прибудем в город, познакомите? – я решил подбодрить Истомина. Воспоминания о родных терзали души всем, кто был далек от своих любимых.

– Обязательно, знаешь, как у меня Аленка готовит? Ух! Пальчики оближешь. А Катеринка рисует хорошо. Ей портреты особо удаются. Скажу, чтобы тебя нарисовала.

– Да, с удовольствием. Особенно еды хочется домашней, с любовью приготовленной.

Мы разговаривали еще долго, подбадривая друг друга. Майору было, конечно, легче, его родные наверняка были живы. И он тоже это чувствовал. Поэтому старался меня утешить. Хотя хреново у него это выходило. Я ведь и раньше вспоминал часто, но старался гнать от себя эти мысли. Толку думать о том, чего не вернуть. Вначале я еще думал, вот, может, вернусь, когда время придет, и все пойдет как раньше. А потом понял, нет, меня ведь ТАМ – убило! Подорвался я. Дали мне второй шанс, так и использовать его надо. Вот, наверное, почему я и безбашенный такой. Ведь я уже умер. Поэтому ни хрена я не боюсь еще раз умереть. Только сначала сделать хочу побольше.

В Калязине нас прибавилось. Инженеры, загрузив вещи, довольно быстро запрыгнули на платформу. Охранники подавали нам ящики с оборудованием. Тяжелые, зараза. Размещались, когда поезд снова начал движение. Ехали мы долго. Поезда в эти времена ходили намного медленнее. Часто останавливались. То пропускали встречные, то паровоз меняли. В Сонково нас прицепили к другому составу, следом за вагоном, облепленным пломбами. Потом в Чагоде отцепили. Стояли примерно два часа, пока подошел новый эшелон. На этот раз последняя пересадка. Двигался состав напрямую под Тихвин.

Бойцы наши шутили. Рассказывали истории, кто о чем. Я сидел рядом с дедом, тот рассказывал о семье.

– Как у тебя братьев и сестер зовут? – спросил я деда. Просто хотелось разговор завязать.

– Михаил и Нифонт – братья. А сестренки – Сашка с Юлькой. А что?

– Да просто интересно. Столько детей в семье, – я изобразил свое удивление, ведь всех их знал, кроме его братьев, правда. Они умерли до моего рождения. А бабушку Шуру и Юлю знал очень хорошо. Более того, с последней я прожил в одной квартире двадцать лет. Пока не женился и не переехал. Она с нами жила. В смысле с моими родителями. Бабушке сейчас всего-то двенадцать лет.

– А у нас в деревне у всех много детей. Родители, конечно, уже пожилые. Но работают. Отец в первой мировой воевал, в плену был, бежал. Братья сейчас воюют. Где, даже и не знаю.

– Да. Сейчас все воюют, – поддакнул я.

– Сколько фриц силы накопил, когда хоть кончится? – как бы сам с собою говорил Иван.

– Нескоро, это точно.

– Думаешь? Вроде столько войск насобирали. Мы вон, в запасном пока сидели, так к нам кого только не привозили. И из Сибири, и с Дальнего Востока. А этих, – он показал на казаха, – вообще море.

– Что ж поделать, надо всех поднимать. Зато как соберемся с силами, так врежем.

– Это точно, – подхватил подошедший Зимин, – замучаются ноги уносить. Серега, а ты чего в Москве-то делаешь? Делал точнее?

– Да отдыхал, можно сказать. Вас дожидался, – рассмеялся я.

– А мы так и думали, – подхватил Мурат. Тоже подсевший к нам.

Разговоры были долгими. Конечно, раньше-то и времени свободного столько никогда не было. Встретимся, – в бой, встретимся – в бой. Я ведь полностью осознал, что нахожусь в

другом мире только когда в госпитале лежал. Там времени было много, вот и думал обо всем сразу.

Эшелон двигался дальше почти без остановок, но медленно, как будто его лошади тянули.

Все успели выспаться, поесть не один раз. Я со скуки СВТэшку изучал. Раза после десятого мог очень быстро ее раскидать и заново собрать. ТТэшник тоже почистил. Хотя уж давным-давно не стрелял из него. Пусть, лишним не будет.

Погода стояла дрянная, приходилось все время сидеть в кузове ЗиСа. То снег идет, то дождь ледяной, холодно уже. Все сидели в новинках – бушлатах. Точнее – фуфайках, конечно, но зато и они были черно-белые, с переходом в серый цвет. Во наделали. На станциях, когда стоим, на нас во все глаза таращатся. Когда по приказу майора его водитель достал их из машины, я офигел.

Наши научники не сидели без дела. Среди них я узнал только Судаева. Алексей Иванович был бодр, сначала забрался в кузов ЗиСа, достал какие-то бумаги, что-то писал. Потом вылез, подойдя к майору, долго ему что-то объяснял. Увидев меня, свернул разговор.

– Здравствуйте, Сергей Сергеевич! – радостно воскликнул он. – Вот мы опять с вами встретились.

– Здравия желаю, Алексей Иванович. Зовите просто по имени, какой я к черту Сергеевич? Вы старше, я еще салага. – Мне было стыдно, когда люди старшие по возрасту обращались ко мне на вы. Правда, прежнему мне, из той жизни.

Судаев почти ровесник. Но все же.

– Так уж привык. Родители так воспитали. Я хотел вас поблагодарить, за помощь и содействие. Дело наладилось. Вот едем теперь в Ленинград, там нужно внедрять в производство.

– Ясно, а эти двое, что с вами, ваши помощники? – спросил я, показывая на сидящих неподалеку мужчин.

– Нет, они по своим делам. Тот, что справа, на танках специализируется, а второй – о-о-о! Этот человек – спец по боеприпасам. Гранаты, патроны, снаряды, даже бомбы авиационные – все в его ведомстве. Сейчас доводит новый патрон, «промежуточный». Симонов под него уже карабин сделал. Хорошая вещь получается.

– Хорошо, когда люди стараются. Нам всем это только поможет.

Подошел Истомин.

– Сергей, отойдем! Извините, Алексей Иванович.

– Ничего, ничего. Мне надо идти поработать, – подскочил Судаев и залез опять в кузов.

– Ты лишнего не болтай! – строго сказал Истомин.

– Вы о чем? – я удивленно посмотрел на него.

– Про Судаева. Ляпнешь чего лишнего, расхлебывай потом, – отчеканил майор.

– Да, вообще-то ничего такого не хотел говорить.

– Уверен? Любая лишняя информация может сказаться на работе! Не надо людям сейчас много знать. Пусть не забивает голову. Все для победы! Понял меня? – майор был, конечно, прав.

– Да, конечно! Вы абсолютно правы.

Майор, действительно был прав. Эти ученые – очень увлекающиеся люди. Отмочу намек на какой-нибудь подствольник, а он им голову забьет и по основной проблеме работать перестанут.

Мы приближались к месту, где нас должны сгрузить. Дальше двинем своим ходом. Водилы уже начали проверять и без того проверенные машины. Что-то подкручивали, подтягивали, протирали. Бойцы занялись оружием. Там, откуда мы поедem на машинах, уже до фронта близко. Возможны и диверсии, и еще какие-нибудь неприятности. Я сел в машину к Истому. Тот рассматривал карту.

– Как двигаться будем? – спросил я.

– Да вот думаю. Хочу пару твоих бойцов вперед на «эмке» пустить. Как дозор. Сами в грузовике поедem. Инженеров сзади пустим, – ответил майор, не отрываясь от карты. – Нам до Ладоги дойти надо. Там попробуем на связь с нашими выйти.

– Ясно. А если там бои сейчас? Я за научников переживаю.

– Естественно, там бои идут. Но «головастики» у нас тоже не пальцем деланные. Судаев сам отлично стреляет, даже свой ППС прихватил. Все парням объяснял разницу с ППШ. Да и остальные не подведут. Нам надо найти местечко, где сможем пролезть. Фронт там не сплошной стеной стоит, должны пройти.

– Стрелять-то одно, а воевать – совсем другое. Я ведь тоже ни разу не воин. Так, пришлось малость поучаствовать.

– Ты это тем фрицам расскажи, кого ножом в лесу резал. У тебя их, наверное, на личное «Новодевичье» уже набежало.

– Так тож когда было? Да и не так уж и многих я отсюда спровадил. – Я смутился. Я ведь и правда себя за вояку не считал.

– Короче, отставить панические бредни! Мы выполним задание любой ценой и точка.

– Да я разве против, сам просился.

Глава 21

Нас отцепили от состава ночью. Еще около двух часов потратили на выгрузку. Когда все заняли свои места в машинах, наконец тронулись в путь. Дорога, несмотря на погоду, была вполне нормальной, еще и подморозило на ночь. Шла дорога почти параллельно железной. Откровенной жижи попадалось немного. Первыми, как Истомин и хотел, выехали разведчики. За руль «эмки» сел Зимин, Мурат с ним рядом, а сзади развалился Ваню, со своим верным другом – пулеметом. Ехать нам предстоит долго, отделились от эшелона мы специально, у Истомина задание свое. Двигались медленно, давая возможность дозору оторваться. Все сидели тихо, вглядываясь в ночь. Скоро доедем до леса, дорога идет прямо через него, я по карте смотрел. Через несколько часов вернулся наш дозор. Остановились, но из машин никто не вылезал.

– Товарищ старший майор госбезопасности, разрешите обратиться? – подбежал к нашей машине Зимин. Мы сидели в кабине. Истомин, глянув на него, проговорил:

– Что случилось, сержант? Говори скорее.

– Впереди через пару километров пост, наши стоят. Мы посмотрели, но не показывались. Да и шумновато там, артиллеристы вроде.

– Вроде или точно пушкари? – недовольно сказал майор.

– Извините, товарищ майор, близко не подходили. Но судя по возне, они.

– А что за возня? – с интересом спросил Истомин.

– Да как будто пушки ставят. Грохочут, лязгают, но двигателей не слышно, значит, не танки. Людей много, в лесу копошатся.

– Ясно, есть хотите?

– Можно, – ответил Зимин.

– Так, давайте все на отдых. Через час выдвигаемся, – распорядился наш старший майор. – Вы опять вперед поезжайте, попробуйте опознаться. У меня на карте, в районе пяти километров, должно быть еще пусто. Посмотрим. Неужели немцы ударили так, что наши опять отошли? Или это и есть наши «потеряшки» из пятидесят четвертой?

Все сгрузились и занялись приготовлением пищи. Точнее, просто развели костер и разогревали консервы. Перекусив, Зимин убежал, дозорная «эмка» развернулась и снова исчезла в темноте. Мы постояли еще с полчаса и двинулись вслед. Но уже через несколько километров водитель резко дал по тормозам. На дороге стоял человек в нашей форме и с винтовкой в руках. Истомин хотел было выйти, но я удержал его за руку.

– Пусть сам подойдет, – тихо сказал я ему. Солдат и, правда, медленно подходил к нам. Наш водитель высунулся в окно.

– Кто такие? – спросил неизвестный и поднял оружие выше. Мы с Истоминим уже вытянули свои пистолеты. Майор сидел у окна и смотрел в кусты справа, пытаясь разглядеть, нет ли там кого.

– Красноармейцы! – ответил наш водитель и улыбнулся. Михалыч оказался еще тем шутником.

– Что вы здесь делаете? Кто старший? – продолжал свой допрос боец.

– Товарищ красноармеец, представляться нужно, подойдите сюда, – а это уже подал голос Истомин. Боец осторожно обошел машину и, подойдя к дверце, вскинул руку к пилотке.

– Красноармеец Хватов, – доложил боец, демонстрируя свое неудовольствие, – а вы кто, товарищ командир?

– Старший майор госбезопасности Истомин, – рявкнул майор и показал свое грозное удостоверение, так как на одежде не было знаков различия, – и чего так рявкать? Откуда парень знает, кто мы такие?

Красноармеец вытянулся в струну и, казалось, перестал дышать.

– Виноват, здоровья желаю, товарищ старший майор госбезопасности.
– Вольно, боец. Что вы тут делаете? – Истомин вылез из машины и встал перед Хватовым.
– Направлен в дозор командиром отделения, сержантом Бузько, – четко отчеканил Хватов, – осматриваю местность вокруг расположения.
– А почему один? – майор продолжал осматриваться.
– Да втроем мы вышли, бойцы в лесу сидят. Решили все не выходить.
– Зови своих, поговорить нужно.
Я тоже вылез из кабины, закурили.
– Вроде не похож на немца? – спросил меня Истомин, когда боец умчался к лесу.
– Да, свои, наверное, только странные какие-то. Впереди пост стоит, а они еще дозоры отправляют.

– Ну, в принципе молодцы. Зато контролируют подходы.
– Вам виднее, – сказал я и отошел в сторону.

К майору подбежали трое бойцов. Представились. Истомин о чем-то их спрашивал, те отвечали. Затем козырнули и направились в лес. А к нам уже подъезжал наш дозор. Зимин доложил, что дорога свободна. Впереди две батареи гаубиц стоят. Тылы, так сказать.

Усевшись по машинам, мы снова тронулись в путь. Но спокойными оказались лишь десяток километров. Откуда начался обстрел, я так и не успел понять. Когда впереди разорвался снаряд или бомба, хрен их разберешь, Михалыч ударил по тормозам и вывернул руль. А рядом уже всю гремели новые и новые разрывы. Михалыч направил машину к лесу, туда вроде не долетали. Остановившись, бойцы посыпались горохом из кузова. Инженеров Истомин направил в лес, сам пошел за ними. Мы с бойцами залегли возле машин, так как вокруг уже всю грохотали выстрелы из стрелкового.

– Ну, чего, Серег, приехали? Ни фиги у нас с тобой не получается тихо и спокойно работать. Начинаем воевать? – проговорил Зимин между разрывами снарядов.

– Похоже, так. Толян, Андрюха, бегом за майором. Надо инженеров прикрыть, – обратился я к своим телохранам.

– Нас к тебе приставили, – робко ответил Толя.

– Бля, если мы их потеряем, ты меня от трибунала тоже защитишь? – зло рявкнул я. – Вперед в лес, быстро! Парни быстро поднялись и побежали в лес.

– Ваня, – это я уже деду, – дуй за ними. А то ты со своей бандурой только сдерживать будешь.

– Понял. – Дед взвалил рацию на себя и потрусил за убежавшими.

– Как раньше? – казах пристально посмотрел на меня.

– А то. Как всегда вчетвером, – ответил я.

– Не думаю, – указывая на лес, произнес Ваня, – твоя охрана возвращается.

Я обернулся и увидел приближающихся бойцов. Те бежали, прижимая ППШ к груди.

– Ну и какого хрена? – спросил я.

– Майор отправил к тебе. Там у научников своя охрана есть, – ответил Круглов.

– Серег, майор приказал осмотреться, – а это уже Андрюха добавил.

– Так и сделаем. Парни, слушай сюда. Двое слева, двое справа. Мы втроем по прямой, вперед марш.

Разведчики сделали рывок, разошлись в стороны метров на пятьдесят от меня. Мы с Толяном и Андрюхой пошли, пригибаясь, вперед. Артиллерия долбит где-то впереди. До нас не долетает. Но редкая, винтовочная стрельба все чаще раздается очень близко. Прибежали казах и Зимин, они ходили в разные стороны.

– Серег, там бой, – указал влево Зимин, – похоже, что немцы вначале артиллерией вдарили, а теперь пехтура прет.

– Точно, – поддержал Мурат, – справа так же. И наших там, чего-то маловато. Стрельба уж больно редкая.

– Так, давайте в кучу, двинем все вместе, – я показал вперед. Свистнули остальным.

Не пройдя и двух сотен метров, наткнулись на ячейки. Нас окликнули. Ладно, хоть стрелять не стали.

– Кто такие, – спросил нас какой-то бравый старшина, в каске и с ППШ, и наставил на нас этот самый ППШ, когда нас окружили остальные красноармейцы.

– Свои, старшина! Младший лейтенант ГБ Новиков.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант, – бодро проговорил старшина, козыряя. Остальные бойцы опустили оружие и стали выпрямляться.

– Отставить тянуться, товарищи. Старшина, что тут у вас? – Надо узнать подробности.

– Да тут амба. Мы тут и окапаться не успели, командир вперед послал, сам с остатками роты двигался позади, немцев не было всю дорогу, а сейчас вон они, – и он показал рукой куда-то вперед.

– Сколько у вас бойцов и кто старший? – продолжал я.

– Так, кроме нас, здесь и нет никого. Меня на взвод поставили, двадцать три бойца, больше некому. Рота тоже, видно, бой приняла, мы стрельбу слышали позади справа. А батальон вообще в двух километрах почти, – старшина в сердцах махнул рукой. – Из 191-й стрелковой мы, из Ленинграда, шли на Тихвин, в подкрепление. Теперь самих укреплять надо.

– А как так получилось, почему раскидали-то так? – Я слегка офигел от услышанного.

– Так говорю, немцев здесь не ждали. Они прямо из леса, танками ударили, когда мы на марше были. Наша 191-я еще блуждает, а 44-ю, считай всю сразу и положили. Мы вместе с Ленинграда вышли. Из-под Тихвина нас сюда бросили. Выдвинулись на соединение с подходящими войсками. Если бы ротный нас дозором вперед не отправил, здесь вообще никого бы не было. Просто здесь гаубицы из 54-й армии развернуть хотели, вот к нему и шли.

– Артиллеристы здесь, – я показал за спину, – разворачивают свои бандуры.

– Вот это хорошо, дадим немцу по сопатке, – воскликнул старшина.

– И чего, немцев много лезет? – я смотрел по сторонам. – Кто сейчас тут воевал?

– Да здесь не очень. Пара взводов, может рота. Пулеметов три штуки работало. Они, видно, думали, что тут после артобстрела нет никого. Шагом шли, а мы тут как тут. Откинули они нас немного, а сами вперед не полезли. Они ведь дальше сидят, на железке закрепились. У них там такие укрепления – мама дорогая.

– Молодцы. Занимайте оборону, старшина, немцы могут повторить атаку. Скорее, даже артиллерией повторят. Глубоко в лес они не полезут. Мы пройдем вперед, посмотрим, где они окопались.

– Слушаюсь, товарищ лейтенант. Бойцы! – старшина крикнул своим бойцам, – занять оборону, проверить оружие.

Бойцы разбежались, а мы побрели тихонько вперед. Казах затерялся в деревьях. Лес был поганый, ольшаник, даже без листвы, как кусты, хрен пролезешь. Снега в лесу было еще мало, но грязи хватало. Появился Мурат так же неожиданно, как и исчез.

– Там они, – показывал рукой в сторону, – но чего-то не густо их там. Вроде никуда не спешат.

– Серьезное есть что? – спросил я.

– Танков точно нет, – Мурат, кажется, был этому особо рад. – БТР вроде виднеется, но ему сюда не проехать. Пулеметных точек заметил две. Часовых двое, выдвинуты вперед метров на пятьдесят. Ходят навстречу друг другу. Два минометных расчета. Но вроде не батальонные.

– Слушай, Мурат, ты чего там, между немцами, ходил?

– Да нет, поползал немного. Сидят они тихо. Готовятся к чему-то.

– Сейчас минометами накроют – вот к чему, – зло бросил Ваню и поправил пулемет.

– Нет, парни, в лесу из миномета стрелять они не будут. Не дураки. Скорее друзьям своим пожаловались, а вот те могут снарядами забросать.

И тут же что-то засвистело в небе.

– Ложись! – кричу парням и сам падаю, даже голову в каске накрыл руками.

Бабах! Бабах! Бабах! Вот ни хрена себе. В полусотне метров за нами, с неба падала земля и деревья.

– Парни, прижмитесь, потрясет! – я кричал и не слышал сам себя. Снаряды рвались все чаще. Сделав выстрелов двадцать, немчура успокоилась. Стреляли они куда-то нам за спину. Наверное, по старым позициям пехоты.

– Толян, глянь, чего там у старшины, остальные, к бою, – скомандовал я, понимая, что немцы в атаку не пойдут. Не дураки они от своих укреплений уходить.

Круглов, пригибаясь, засеменил назад, туда, где располагались красноармейцы. Мы с разведчиками рассредоточились, прикрываясь деревьями. Послышалась тихая трель свистка. Через рукавицу свистит, что ли?

– Во, сейчас полезут, – заметил Зимин.

– Парни, не высовывайтесь, лежим за деревьями, – проговорил я, укрываясь за основание дерева и вглядываясь в темноту деревьев.

Фрицы шли тихо. Скорее всего, это группа прикрытия, корректировщиков ведут. Увидел их, только когда они были буквально в двух десятках метров. Мне стрелять было неудобно, в оптику видно плохо – темно. Бойцы открыли огонь.

– Рацию ищите. Нельзя их отпускать, – крикнул я.

Вытащив пистолет, отложил винтовку. Рядом простучала очередь из автомата. Глянув из-за дерева, увидел немца, меняющего магазин. Чуть сзади – еще один. Вскинул пистолет, выстрел, второй, третий. Фашист так и не успел перезарядиться. Шедший за ним повернулся в мою сторону и дал очередь. Я чудом успел спрятаться за дерево, но одна пуля дернула бушлат-фуфайку. Прострекотал ППШ, я выглянул, немец лежал на земле. Во, блин. Стрелять стал, даже не думая. Черствею понемногу. Остальные недобитые фрицы, начали пятиться.

– Отходят, – прокричал кто-то.

Я поднял лежащую рядом винтовку и взглянул в оптику. Пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, долго всматривался в сторону отступающих. Есть! Фриц, в фуражке и с пистолетом в руке, показывал что-то отступающим, указывая в нашу сторону. Я застыл. Мягко потянул спуск. Выстрел, бьет в плечо отдача. Немец раскинув руки, заваливается вёбок. К нему бегут двое, выстрел, еще один. Черт, мимо. Стреляю еще. Готов один, второй залег. Звонко шелкает холостую боек. Меняю обойму. Только сейчас замечаю, что никто не стреляет. Подбегает Толя.

– Серег, там наших потрепало.

– Сильно? – спрашиваю и смотрю на рукав ватника. Клочок выдрали, суки.

– Пятеро целы, восемь ранено. Остальные погибли. Старшина тоже, – докладывает Круглов.

– Собирай живых, пусть займутся ранеными. Узнай, кто у них старший по званию. Может, сержант какой есть? Зимин, ко мне!

– Слушаю, – рядом появился Саня.

– Организовать преследование, но в плен не брать. Просто перестреляйте их, пока они не ушли. С ранеными быстро не пойдут.

– Есть! – коротко бросил Зимин и махнул рукой остальным.

Через минуту слышу выстрелы где-то впереди. Наверное, догнали. Спустя каких-то полчаса вернулись мои «добывальщики». При трофеях... Все освободившиеся начали сбор трофеев, присоединяюсь к ним. Воздух насыщен запахами крови и пороховой гари. Трупов насчитали одиннадцать человек. Слава богу, мои все целы.

– Назад пойдем или попробуем прощупать железку? – спросил Зимин.

– А на хрена? Под пулеметы ложиться? – Я вогнал в подобранный МР-40 магазин.

– Может, их немного там? Дали бы им «транды» по-полной. – Вано в горячке, готов идти хоть на Берлин.

– Парни, у нас совсем другое задание. Кто забыл, могу напомнить. А кроме того, вспомните, что сказал старшина. У фрицев на железке укрепления – хрен подойдешь, тут полки ложатся, а вы отделением собрались.

– Серег, вот, бойца шустрого нашел. Он там своих строил грамотно, когда старшина погиб. – Круглов привел с собой невысокого паренька, в шинели и шапке-ушанке.

– Товарищ командир, красноармеец Зайцев по вашему приказанию прибыл.

Машу ему рукой, чтобы остановить его пламенную речь.

– Вот, что, Зайцев. Собирай всех своих и отходите к пушкарям. Там вас к делу приставят. До батальона вы все равно не дойдете теперь. Да и там, наверное, уже нет никого.

Вдруг откуда ни возьмись появился казах. Я и не заметил, что его нет. Вылез из кустов, да еще и не один.

– Вот это казах у нас, заглядение просто! – воскликнул Зимин.

А ташил Мурат – немца. Да еще и офицера. Зимин сразу приступил к беглому допросу. Я этим временем пытался убедить красноармейца Зайцева покинуть позиции. Тот упирался как мог. Пришлось рывкнуть.

– Не могу я, товарищ командир, приказ-то был здесь стоять, – все не унимался Зайцев.

– Ты что, боец, совсем охренел, что ли? – я уже почти орал на него, пытаясь сдерживаться правда. – Ну ляжете вы здесь через полчаса, как и твои сослуживцы, какой толк от того будет?

– Мы свой долг выполним! – яростно ответил мне новоявленный командир отделения.

– Твой долг состоит в том, чтобы солдаты противника прошли через твои позиции и убили еще больше людей? Людей, которых ты не хочешь предупредить. Объединившись с другой частью, ты сможешь уничтожить еще больше врагов. – Меня уже несло, что за тупость и узость мышления. Да, я знаю, что без приказа нельзя бросать позиции, но нужно и думать немного. Ведь это не позиции, а вот дальше, уже да. Все-таки убедил. Зайцев собрал всех, раненых несли на сделанных тут же носилках.

– А мы, командир? – осторожно спросил подошедший казах.

– А чего мы? Зимин, Саня?

– Да, командир?

– Чего там немчура напел?

– Так нормально все. Там батарея тяжелых орудий стоит. С ней была рота пехоты. Была! Они связались со своими и будут ждать помощи. Укрепрайон дальше на запад. Здесь на железке их немного и...

– И???

– Танков нет, – закончил Зимин и протянул мне карту, отнятую у пленного.

– То, что надо, – воскликнул я, – тут все их позиции. Давайте быстро назад. Надо к пушкарям, немца Истомину срочно. Пусть жахнут хорошенько. А нам дальше ехать надо.

– Потопали. Да, Серег, казах чего-то придумал, – проговорил Зимин.

– Ну, говори, главный выдумщик, – я ухмыльнулся.

– Командир, я тут ловушек поставлю немного, как ты показывал. С гранатами, – хитро щурился Мурат.

– Растяжек что ли? – я удивился.

– Точно. Только гранат немного. Двенадцать штук всего. Но ничего, думаю, хоть ненадолго, но задержат они фрицев.

– Мурат, только вдоль дороги и немного. Смысла нет. Здесь-то вряд ли они снова полезут. Помощь нужна?

– Пусть Ваню поможет, быстро управимся.

– Добре. Давайте быстренько и догоняйте. Мы пойдем назад. Помнишь, как сюда пробивались?

– Помню. Ваню, пошли, – казах махнул рукой Ваню. Тот с пулеметом наперевес двинулся за казахом.

Молодцы ребята, особенно Мурат. И повоевали с ним всего ничего, а башка варит, ух. Возле дороги нас ждал водитель Истомина.

– Товарищ младший лейтенант, разрешите обратиться? – быстро отчеканил он.

– Чего ты так официально? Что случилось? – напрягся я.

– Товарищ майор госбезопасности с остальными вышли к месту дислокации артиллеристов. Мне приказано дожидаться вас и проводить скорейшим путем, – доложил водитель.

– Понял, веди. Только, подожди пару минут. Еще двое придут.

– Хорошо. Можно вопрос, товарищ младший лейтенант? – засмущался тот и посмотрел под ноги.

– Да, хватит уже мяться. Говори.

– Много там немцев? Стрельба такая была, товарищ майор, все переживал. Да и изобретатели наши тоже.

– Всем хватит, – отрезал я, проведя ладонью по горлу.

Показались выходящие на дорогу Ваню с Муратом.

– Как дела, Мурат?

– Хорошо командир. Мы им там вокруг подарочков наставили. Вот побегают, – Мурат заржал, широко раскрыв рот, обнажая ровные зубы.

К позициям пушкарей мы вышли минут через пятнадцать. Я сразу направился искать Истомина. Нашел его в одной из палаток. Их тут много стоит, подсказали артиллеристы – куда идти. Пройдя в палатку, по пути отмахнувшись от преградившего дорогу часового, увидел Истомина.

– Что за шум? – обернулся он.

– Товарищ старший майор, да вон, боец уж больно ретивый попался. Говорю ему – у меня срочное дело, «язык» за спиной идет, а он не пушу, не велено.

– Боец, свободен. Благодарю за службу! – обратил свой взор на часового Истомин.

– Служу трудовому народу, – бодро отчеканил боец и, повесив винтовку на плечо, вышел.

– Ну как? Постреляли? – спросил он, оглядывая мой порванный рукав.

– Немного. Их там мало было. Вот, немца послушайте.

– С удовольствием! Свободен пока, отчеты напишешь позже – отдыхайте, вызову.

– Есть, разрешите идти?

– Иди.

Командиры сейчас будут решать, как немчуру накрыть. А мы пока перекусим и поспим чуток.

Глава 22

– Не понимаю, если у них данные с фрицевской карты есть, зачем им корректировщики? – Я непонимающе смотрел на Истомина. Тот вызвал меня спустя всего час. Естественно, в наглуую прервав мой сон.

– Серег, тут без тебя связались с частями, что в двух километрах от нас стоят. Окапываются, только прибыли. Так вот, они попробуют прорвать оборону с той стороны от железки. Нужен точный огонь, необходимо уничтожить вражеские доты и заграждения для прорыва пехоты.

– Без танков им все равно далеко не пройти, – покачал я головой.

– Да и не надо. В четырех километрах западнее немецкий танковый полк. Если удастся его развернуть сюда, то наши в том месте ударят. Там у нас дивизия застряла, танки ей мешают прорвать оборону.

– Ясно. Разрешите выполнять?

– Я разве сказал, что ты туда пойдешь?

– Конечно, – нагло ответил я.

– Когда? – выпучил глаза Истомин.

– Когда сказали о важности задания, – я хмыкнул и отдал честь.

– Аккуратней. Не лезь на рожон.

– Вас понял, разрешите идти?

– Иди. Пришли мне радиста своего, коды дам.

Я вышел из палатки и пошагал к своим бойцам. Парни уже не спали, ждали меня.

– Куда идем? – встретил меня Зимин.

– Да вот идем, – загадочно ответил я, – Иван, – я повернулся к деду, – дуй в ту палатку, откуда я вышел.

– Понял. – Дед умчался получать ЦУ, а я рассказал парням о предстоящем деле.

– Ладно, командир, попробуем. Дело-то важное, – заметил Мурат, когда я закончил.

– Важное, это ты правильно заметил.

– Оружия много брать?

– Бери больше. Пулеметов пару берите. Толя, – я повернулся к своему телохрану.

– Я!

– МГ знаешь?

– Разберемся, Ваню подскажет. Он его лучше «дегтяря» знает.

– Давайте собираться. Оружие нужно, но, если честно, хотелось бы тихо сходить.

– Когда ты так говоришь, всегда стреляем много, а патронов оказывается мало, – заключил Мурат.

До железки добрались быстро. Пришлось, правда, крюк на восток заложить приличный, впереди стрельба была, но зато прошли тихо. До немецких позиций по железной дороге было с пару километров, когда мы оседлали полотно. Откосы здесь были вполне проходимыми. Вот дальше...

Возле своих позиций, как нам рассказали, немчура залила водой железнодорожную насыпь, превратив ее в каток. Под огнем подняться – нереально. Вот и будем их с говном мешать, чтобы пехтура пройти смогла. Утро близилось, надо было торопиться. Двигались мы по стороне противника, рисковали, конечно, но выхода не было. Стрельба впереди становилась все интенсивней. Пулеметы противника стегали ленту за лентой. По ощущениям – минимум три ствола, а может и больше. Мурат ушел вперед дозором. Я с остальными пробирался медленно. Когда впереди на насыпи появились огни и вспышки выстрелов, упали в снег и стали ждать казаха. Явился тот нескоро, продрогли основательно.

– Командир, казах ползет, – шепнул Зимин, повернув голову к лесу. – И не один! Мурат и, правда, опять тащил «языка».

– Вот, командир, взял попользоваться, – улыбаясь, доложил казах.

– Ты опять рискуешь? Быстро хватятся?

– Не думаю, он в блиндаже сидел, офицер вроде... – Кивнул на погоны фрица Мурат.

– Унтер, – поправил я, – ты чего, в «блин» к ним залез?

– Да нет. Он провожал кого-то, вылезли пятеро и ушли, а он покурить решил, ну я и...

– Ясно. Сань, займись, – приказал я Зимину допросить фашиста.

Спустя пару минут мы быстренько соскочили с места и устремились вперед. Дело в том, что фриц поведал о готовящемся ударе противника. Унтер-офицер оказался артиллеристом, им приказали провести разведку и ударить по скоплению русских в лесу. Необходимо было их опередить. Их разведка только что ушла, надо наших предупредить заодно. Немец сообщил также, что после стрельбы приказано сменить позиции, а нам этого не надо.

Пока Мурат был в поиске, он присмотрел нам отличную сосну, которая росла настолько удачно, что немчура нас заметить не должна. По крайней мере сразу. Лес был довольно густой, но ближе к верхушке вид открывался прекрасный. Мы с дедом забрались наверх, парни дружно помогли. Мои бойцы заняли позиции в округе, а мы с Иваном осматривались.

– Вань, давай связь с Истоминным.

– Пожалуйста, товарищ лейтенант. – Спустя минуту он протянул мне трубку. Никак не привыкну к его обращению ко мне.

– Говори, девятый! – раздалось в трубе.

– Наблюдаю гостей. Четыре по четыре. Готовятся к дарам. Даю координаты...

– Получили. Лови гостинец.

Через полминуты в воздухе появился протяжный свист и на позициях немцев, в четырех сотнях метров от нас, взметнулся разрыв. Всю ту чушь, что я передавал, написали нам пушки. Кодами это назвали. Я передал трубку Ивану.

– Первый, гостинец опоздал, кинь вдогонку на пятьдесят, может, поймаю, – Иван повторил то, что я произнес. Первый снаряд не долетел полста метров и разорвался перед позициями немецкой артиллерии. Немцы засуетились быстрее. Шестнадцать стволов крупного калибра, это вам не игрушки. Нужно быстрее их накрыть, а то и нашим прилетит.

Новый разрыв попал akurat в центр немецкой батареи. Одно орудие разметало в щепки, еще одно завалило набок.

– Первый, я поймал. Точная девятка. Повтори, а потом по улитке четыре и восемь, сотня примерно, – я обозначил примерное расположение немецких пушек от первого разрыва. Дед передал слово в слово. И началось! Шквал огня и грохот разрывов стали перемешивать немецкие позиции. О том, чтобы сворачивать орудия и уходить от огня, не было и речи. После первого залпа всех наших восьми орудий солдат противника на позициях было не видеть.

– Девятый, повторить?

– Туман. Вправо пятьсот – муравейник, – я заметил укрепления.

– Понял. – Спустя несколько секунд на укрепления противника дальше по железке посыпались новые снаряды. Доты фашистов не выдерживали обстрел из М-30, капитальных строений они еще здесь не обустроили. Паника началась – страшная.

– Первый?

– Слушаю, девятый!

– Первые подарки понравились, повторить можешь? Добавки хочется, – Иван показал мне на бывшие позиции немецких гаубиц, там начиналось какое-то движение. Я утвердительно мотнул головой, – и еще, к вам наши коллеги вышли, встречайте.

– Понял тебя. Адресатов выбирай лучше. Гостинцы кончаются, – дед передал мне ответ.

– Уже??? – удивился я. – Черт, чего у них как мало снарядов-то?

Наши две батареи выпустили еще около тридцати снарядов и дали отбой. Нам было приказано возвращаться, так как на подходе пехота. Сейчас здесь каша заварится, не попасть бы под замес. У нас свои дела – и они не тут. Вернулись мы так же тихо и спокойно, как и пришли. Унтер кстати, довольно путный попался. Наговорил такого, что артиллеристы стали сниматься с позиций.

– Товарищ старший майор...

– Ты опять забыл? – оборвал меня Истомин.

– Виноват. Товарищ майор, а куда они так побежали?

– Фриц сообщил о танках, что находятся очень близко. Они здорово помешают нашим при наступлении. У пушкарей снаряды кончились, вот они и рванули на новые позиции. Машины за снарядами ушли. В эшелоне, что нас сюда тащил, им боезапас привезли.

Глава 23

Спустя час Истомин связался с какой-то частью и узнал обстановку. Оказалось, немцы почти вплотную подошли к Ладоге. Первый вариант нашего маршрута отпал. Майор проложил курс почти напрямую, ввиду огромного количества болот в здешних местах решено было пробираться между ними. Разведка артиллеристов подсказала, что возле болот немцы сидеть не любят. Но майор решил не рисковать, дозор на этот раз выслали пеший. Пошла вся моя четверка, то есть я тоже пошел. Деда майор отправил с нами, с рацией, будем держать связь. Толя с Андреем, телохраны, тоже собирались.

Я и не знал, что у Истомина в машине была вторая радиостанция.

– А чего ж вы раньше-то молчали. Парни мотались зря, туда-сюда, – недовольно сказал я Истому.

– Забыл. Мне водитель напомнил. Ладно, идете тихо, ни во что не лезть, ясно? – майор давал ЦУ. Ага, забыл он. Опять чего-то недоговаривает.

– Ясно-то, ясно. Вот только у немцев может быть другое мнение на нашу скрытность.

Вышли мы с рассветом. Нагрузились опять как верблюды. Помня свою промашку с винтовкой на короткой дистанции, взял один МР-40. Половину магазинов от СВТ переложил в сидор, оставшиеся пять разместил с правой стороны в разгрузке, а слева засунул шесть к ПП. Пополнили запас гранат, только взяли больше, вдруг казах опять захочет что-нибудь заминировать. Взял у Истомина бинокль. Остальные остались с ПППШ, только деду вместо винтовки, что у него была, вручили МР-40. Зимин быстренько объяснил ему, как пользоваться. Дедушка вообще оказался довольно смывленным. Не смотри, что от сохи. С рацией был на «ты», ПП освоил влет. Когда собирались, обратил внимание, как он засовывал гранаты в мешок, и увидел у него небольшой чехол, из которого торчала деревянная рукоятка топора.

– Вань, у тебя топор, что ли, с собой? – спросил я, удивленно показывая на чехол.

– Ага, сам сделал. Из немецкого. Разведка как-то приперла всякой хрени. Нужной и не очень. Я увидел и выпросил себе. Только там форма была неудобная, я его переделал, пока в запасном сидели. Там у нас мастерская была. Ну, я и повозился!

– А как это неудобная? Они чего разные бывают? – все больше не понимал я.

– Ага. Вот смотри. – Дед вынул топорик из чехла.

– Да это, блин, произведение искусства, а не топор. Красота. – Топор был удивительно похож на индейский томагавк. – И зачем он тебе с собой?

– Вот ты – командир, нож носишь? – спросил дедушка.

– Конечно, мне тоже его переделали, из штыка, только не сам я. Вот. – Я вынул из кожаных ножен, свой тесак. Обоюдоострый, чуть укороченный немецкий штык.

– Ты его бросать умеешь?

– А ты что, топор кидаешь? – До меня дошло наконец, зачем ему топор.

– А как же. Смотри.

Мы отошли в сторонку. Дед взял топор за рукоятку, крутанул в ладони и резко метнул его в стоящее рядом дерево. Метров семь до него было, топор вошел сантиметров на пять. А ведь дерево промерзшее!

– Ни хрена себе, ну ты, радист, даешь! – воскликнул Ваня.

– Да, Ваня, пипец немцам! – констатировал я. Дед бережно вытер топор и убрал его обратно в сидор.

– Все готовы, – я оглядел наше войско. Парни попрыгали, дед вопросительно смотрел на нас.

– А мне не прыгнуть с этой дурой! – он показал себе за спину, где висела рация.

– У тебя вроде нечему греметь. Кроме костей, – заржали парни.

– Вань, не обращай на них внимания, – показал им кулак я.
– Да ладно, пусть поржут, кони, – смеясь, ответил дед.
– Сергей, помни, аккуратно. Если убьют, найду и убью сам! – Как всегда доброе напутствие от командира, звучало как приговор.

– Понял, командир. Документы сдавать, кстати? – вспомнил я.

– Не надо, вдруг к нашим попадете, замучаетесь отбредиваться. Метки-то не вшили.

Идти было очень тяжело. Большой груз, плюс погода. Мороз ударил пока небольшой, градусов восемь, десять, но чувствительный. Хотя через пару километров от всех уже пар валил. Болот вокруг было множество. Такое ощущение, что мы вообще шли по островкам. Так как кругом все хлюпало.

– Местного бы найти, – проговорил Зимин, – может, провел бы тропкой какой?

– Какие местные? Погляди вокруг, – обвел рукой бескрайний лес Мурат.

– Да уж, не подумал, – ответил Саня.

– Ребят, давайте потише, не на прогулке, – прервал я их беседу. Зимин посмотрел на меня и кивнул.

Двигаться старались по местам, где смогут пройти машины. Удавалось с трудом. Приходилось постоянно сворачивать, находить более широкие участки суши. Начиная падать снег, это добавило скрытности, но и самим приходилось постоянно вглядываться. Казах, как всегда, шарился где-то впереди. Когда увидели его бегущим как лось через кусты напрямик, все насторожились и подняли оружие.

– Все, нагулялись. Иди, попроси дорожку показать. – Казах, запыхавшись, посмотрел на Зимина.

– Много? – спросил он.

– БТР и грузовик. Взвод, наверное. На БТРе что-то большое.

– Блин, с зениткой, что ли? – выматерился я. – Чего они тут забыли?

– Не знаю, но они тут надолго, – ответил Мурат.

– С чего так?

– Палатки ставят, костры разводят, офицер командует.

– Плохо! Ни хрена не боятся. Давай туда, посмотри, будут прочесывать или там засядут, – озадачил я казаха, – Ваню с собой возьми.

– Это я с радостью, – воскликнул «Здоровый».

– Не-е, командир, – протянул Мурат, – я один, потихонечку.

– Смотри, как знаешь, тебе виднее.

Мурат скрылся в кустах, а мы залегли. «Здоровый» с дедом вернулись на пару сотен метров и нарубили веток, большущую охапку. Разложили пару настилов. Сверху кинули плащ-палатки. Блин, угораздило же на них выйти, холодно ведь и костер не разведешь. Минут через двадцать вернулся Мурат. Присел рядом.

– Жрать готовят. Видно, здесь сядут. Я там пару растяжек поставил. Если двинут к нам, никак не обойдут, – доложил он.

– Молодец, а все же, чего они сюда приперлись. Стоп, – я быстро достал карту, сориентировавшись, сказал.

– Ясно, блин! Судя по карте, – а у меня была немецкая, – наши, выходя из колечка, которое фрицы пытались замкнуть, пойдут именно тут. Вот они и сели здесь. Только мало чего-то их.

Карта была и вправду хороша. Офицерскую забрал Истомин, а эту я снял с трупа унтера, подстреленного кем-то из парней.

– Давайте так. Мурат, мы с тобой как всегда прямо. Толя, идешь с Зиминим. Саня, возмешь правее. Андрюха с Ваню замыкают. Все понятно? – я махнул рукой вперед, – поскакали кони.

Быстренько скатав плащ-палатки, двинулись вперед. Идти оказалось не близко. Около километра. Удивился, во дает казах, носится как сайгак. Правильно говорят: бешеной собаке...

– Серег, здесь осторожнее, – вскинул руку, показывая вперед, Мурат, – тут я гостинцы оставил. Приглядевшись, даже увидел один из его подарков. Казах сам как будто из моего времени. Причем прошел не одну войну. Из него так и перло желание что-нибудь взорвать, заминировать. Да попозднее.

Увидев немцев, мы переглянулись. Прибавился еще грузовик с пехотой. Немцы уже вовсю копали то ли окопы, то ли блиндаж. Спинай к нам. Все правильно, ждут отступающих, готовят «каку». Что же делать? Один БТР и десяток солдат мы бы смели, а теперь силы явно не равны. Все решил случай. Мы не заметили, что одна палатка, как назло белого цвета, оказалась поставленной под большой елью. Совсем рядом с нами. И когда из нее вышел фриц, мы встретились с ним глазами. Он даже пикнуть не успел. На него смотрели все наши стволы, а казах уже летел к нему. Фриц от удивления дар речи потерял. Но, сука, успел очухаться, когда к нему подбежал Мурат. Свалив немца на землю, он не успел зажать ему рот.

– Алярм, – проорал фриц и забулькал. Нож Марата вошел в него по рукоятку. Мы упали и, выставив стволы, приготовились умирать.

Крик офицера, а это был целый гауптман, подхватили другие, но либо не поняли, либо даже не подумали, что им могут зайти в тыл, поэтому открыли огонь в противоположную сторону. Куда стреляли? Лично я не понял. Но, все-таки увидев, что никого впереди нет, они прекратили стрельбу и стали оглядываться. Нам это было на руку. Мурат и Зимин уже подбегали к БТРу. На ходу, стреляя из автоматов, они запрыгнули в кузов. Я видел все, как в кино. Ствол зенитки двинулся, немцы начинали разбегаться. Дико что-то орали, пытались стрелять. Очнулся я, когда в первый раз бухнула зенитка. От ближайшего грузовика полетели ошметки, в ребят почти не стреляли. Зенитка продолжала свою кровавую жатву. Двадцать миллиметров – тяжелый случай для пехоты. Крики немцев перекрывали пальбу. Я даже не понял, когда сам начал стрелять. Дистанция была небольшой. В ход пошли гранаты. Застрекотал МГ, это из кузова БТРа стрелял Мурат. Продолжалось избиение не долго. Немцы, не вылезая, залегли в неглубоких окопах, которые успели отрыть наполовину, зенитка и МГ не давали им голову поднять. Мы ползком приблизились на бросок гранаты. Молча, не сговариваясь, швырнули каждый по две. После того, как дым рассеялся, мы услышали крики немцев о том, что они сдаются.

Да, в который раз нам так прет? Мы насчитали двенадцать трупов. Двадцать один человек сдался в плен. Раненых было полтора десятка. Кто лежал и стонал, зажимая раны, кто был ранен легче, пытался перевязать полученные пробоины. Улов был не плох. Один грузовик, кроме пары пулевых отверстий в бортах, был абсолютно цел. Один горел. Плюс БТР. Но все было не так радужно.

– Серега, сюда! – призывно орал Ваню. Я бегом направился к нему, крикнув Зимину, чтобы смотрели за немцами.

Когда подбежал, увидел страшную картину. Андрей, мой водитель, лежал в луже крови. Она расплывалась под ним. Перед ним на коленках стояли Ваню и дед. Андрею прилетело аж три пули в грудь и одна в голову. Он умер мгновенно. Рядом, в трех метрах, лежал Круглов, Толя был ранен. Но вроде не очень сильно.

– Бля, ну как же так-то, парни. Вашу мать. Как? – хотя чего как, пальба-то была знатная. Хоть и повезло загнать немчуру в норы, но перед этим они все же постреляли.

– Серег, он гранату бросил стоя, тут в него и попали. Хорошо бросить успел, а то бы и нам досталось, – Круглов посмотрел на меня и опустил глаза.

– Тебя-то как достали. – Я показал ему на кровь, в которой была испачкана его одежда.

– Это не моя. Меня чем-то по голове ударило. Больше вроде ничего, – он похлопал себя по телу.

– Вань, – я посмотрел на деда, – ты цел?

– Да, все нормально, командир, – ответил Иван, оглядевшись.

– Посмотри, куда ему там ударило, может, серьезно? – я показал на Толю.

Забрав документы у Андрея из кармана, решили его похоронить, но не здесь.

– Грузимся в трофеи и ходу. Да соберите все целое оружие, бросайте в кузов, потом разберемся. Ваня, – я посмотрел на деда, – связь давай.

– Есть связь, командир! – через минуту Иван протянул мне наушник.

– Новиков, что там у тебя, – услышал я голос майора.

– Товарищ майор, выдвигайтесь. Мы тут с немецким заслоном сцепились. Но пока чисто.

Будьте осторожны.

– Почему не отошли, я же просил тихо, – раздраженно прокричал майор.

– Так получилось, нельзя было отойти, при встрече доложу, мы вперед, по пути оставим вам метки, в тех местах осторожнее, у меня все пока.

– Давайте внимательней. Конец связи.

Отдав наушник Ивану, пошел посмотреть на сбор трофеев. Ребята уже заканчивали, я огляделся. Подбежал Зимин.

– Серег, вот это урожай, только пулеметов аж четыре штуки. А уж винтовок!

– Отлично! Гранаты есть? И что с боеприпасами к зенитке?

– Нормально все, всего много. К зенитке полоторный похоже. Около тысячи. Еще ящик взрывчатки в «бэтэре» лежит, запасливые суки.

– Пакуемся, выезжать пора.

– Слушай, командир, – подошел казах, – а если еще приедут? Вдруг – наши нарвутся?

– Бля, идиот я. Ты прав, – я почесал затылок.

– И еще, Серег, чего с пленными делать будем? – спросил Зимин.

– Так, давайте сделаем вот что, – я приказал Зимину заставить немцев докопать начатые ими окопы. Ставим здесь свой заслон. Ждем Истомина, а там видно будет.

Зимин довольно легко убедил фрицев взяться за лопаты. Те быстренько принялись копать. Также Саня выяснил у кого-то фельдфебеля, что до вечера приехать сюда никто не должен. Только из-за отсутствия связи могли всполошиться. Постараемся успеть, майору не так уж и далеко сюда ехать. Ребята согнали всех фрицев в один угол. Сами заняли места, выставив два пулемета, мы с Зиминим сели в БТР, к большому стволу поближе. Мурат умчался на разведку, правильно, волка ноги кормят.

Все-таки ничего не произошло. А может, наши просто быстро приехали. Прошло буквально два часа, и на поляне появились наши машины. Истомин прокричал на меня немного, быстро успокоившись, велел связать немцев и грузить. Раненых – добить! Я даже растерялся. Мало того что пленные, так ведь раненые. Это не в горячке боя – резать одного за другим. Сказал парням. Меня отослали к майору, сказали, что все сделают сами.

Андрюху похоронили под сосной. Выстрелили из трех стволов в воздух. Вот и первые потери у нас. Хорошо бы им быть последними.

Сидя в машине с Истоминим, изучали карту, когда прогремели выстрелы, вздрогнул, передернуло. Пытался вспомнить, как читал о зверствах немцев, вроде отлегло. Но что-то меня все равно изнутри грызло. Когда закончили, все попрыгали в машины. Отъезд был быстрым. По пути сначала долго молчали, но потом Истомин что-то спросил, я ответил и завязался разговор. Происшедшее отодвинулось на второй план. А потом уже и забилось другим. Когда стали попадаться идущие окруженцы, нам пришлось останавливаться. Из окружения выходило довольно много народу. Кто смог, тащил технику, была пара танков, зенитка на конной тяге. Истомин подозвал к себе появившегося лейтенанта, тот был весь в грязи, с замотанной головой. Из-под повязки виднелась запекшаяся кровь. Доложил, что идут аж из-под Тихвина. Немцы ударили по ним еще вчера днем, положили почти всю дивизию. Остатки ее выбирают кто как

может. Организованного отступления не было. Кто-то бежал, бросив оружие, кто-то вытаскивал на себе раненых и технику. Истомин показал лейтенанту на карте позиции артиллеристов, сказал, чтобы двигались туда, так как там уже начинался сбор всех отступающих. Распрощались. Мы поехали дальше, скоро и нам придется пробираться.

К Ладоге мы все же вышли. Но чуть не пришлось поворачивать обратно. Попали под минометный обстрел. Майор решил отойти на северо-восток. Прорваться было не реально. Вечером, поедая тушенку из банок, мы начали разговор:

– Товарищ майор, я думаю, нам нужно разделиться. Я со своими ребятами выйду вперед, попробуем пройти. По крайней мере посмотрим, какие силы здесь у противника.

– Это очень опасно. Ты и так все время во что-то ввязываешься, – майор посмотрел на меня.

– Ну, а что, сидеть будем? – я махнул рукой. – Нам ведь все равно надо в Питер.

– В Ленинград! – жестко поправил меня Истомин.

– Да хоть Петроград! Без разницы, сути это не меняет. Я пошел, группу собирать.

– Как намерен идти? – спросил Истомин. Я знал, что этим кончится, деваться-то некуда.

– Я «Ганоман» возьму. Фрицев мы раздели, на форме ни пятнышка. Свою с собой повезем. Потом оденем, если придется, – рассуждал я.

– Нашим только не попади! – положат, не спросят, как зовут. А вот с Зиминим тебе повезло. Для него немецкий язык, как родной. Его когда проверяли, думали даже, что он и есть немец, но нет. Просто освоил хорошо. Собирайтесь, я подойду сейчас.

Я подошел к БТРу, парни отдыхали, Саня Зимин возился у зенитки.

– Так, бойцы. Берем немецкую одежду и вперед – на мины, – скомандовал я.

– Серег, ты серьезно? – подал голос Круглов.

– Серьезней некуда, потом все объясню, собираемся. Толя, это ты с непривычки, в первый раз ведь с нами. Да, мужики, прихватите на всякий случай документы гансовские. Зимин!

– Я! – рявкнул Саня.

– Офицерское есть что-нибудь?

– Он в кровище весь был, – Саня скосил глаза на Мурата, – есть унтерский френчик.

– Сойдет, наверное, ты его и напяливай.

– Хорошо, сделаю. Только это...

– Ну, – я «подстегнул» Саню кивком.

– Подозрительно, «Ганоман» ведь командирский.

– Саня, а то, что у нас из всей группы только один «немец» по-немецки говорить может, это нормально? – Ладно, проехали. Я свернул разговор. Чего тут думать-то, вся легенда – одни лишь белые нитки.

Все занялись делом, одевались, подгоняли «снарягу».

– Стволы только немецкие, – сказал я, а сам взял свою «снайперку» и стал засовывать ее в нишу, внутри БТРа, на вопросительный взгляд Зимина ответил просто – надо!

Собрались быстро, через пятнадцать минут подошел Истомин.

– Готовы?

– Всегда! – ответил я с улыбкой.

– Ох и дошутись ты у меня, Новиков. Двигайте, давайте. И про связь не забудьте, – показал кулак майор.

– Слушаемся, – ответил я, – поехали.

БТР тронулся рывком, за рулем теперь сидел Толя. Бронетранспортер он еще не водил, да больше некому. Не казаха же за руль сажать. А сам боюсь, вдруг не справлюсь. Рядом с водителем разместился Зимин, исполняя роль старшего. Я с дедом, казахом и Ваном расселись в кузове. Саня успел показать, как работает зенитка, так что она была теперь на мне. Ван сел сзади с МГЭшником, для того чтобы не тратить много времени на перезарядку, рядом с

ним лежал еще один, готовый к бою, и десять запасных банок к ним, полностью снаряженных. Задача деда была заряжать свободный пулемет и не высовываться, ну и подавать мне магазины к зенитке. Они разряжаются быстрее, чем ленты у МГ. Это на случай войнушки. Казаха при-
вызывать к чему-либо, как всегда, не стал, от него пользы больше, если он свободный будет.

Пробирались очень медленно, осторожничали, да и дороги-то нет. Кругом топи. То, что мы задумали, было хорошо только при планировании. Первая же встреча с постом немцев вылилась в перестрелку, хотя стреляли только мы. Пост состоял из двух мотоциклов. Шестеро солдат вели себя как дома. Когда мы вылезли на них из леса, они даже не встали. Ваню с Муратом просто ударили с двух МГ разом и положили всех. Толя тормознул у стоявших на обочине байков, я с Зиминим быстро их обшмонали. Улов был нормальным, взяли еще два пулемета, шесть банок с патронами, восемь «колотух». Два МР-40. Когда мы завершили грабеж, выпрыгнул казах и быстренько сляпал пару гостинцев, тем, кто захочет покататься на мотоциклах. Трупы убирать не стали. Поехали дальше, но через пару километров нас спасло только охрененное знание Зиминим немецкого языка.

Выехав на небольшую полянку, мы встали, так как затруднительно ехать, если на тебя смотрит танковый ствол. Подошедший фельдфебель коротко твякнул:

– Аусвайс, – и выставил ствол автомата вперед. За ним уже толкались еще двое. Я быстро отметил про себя, танкисты были у танков. Толя протянул «свои» документы, а Зимин вылез из БТРа и начал что-то бодро лепетать на твякающем языке. Фельдфебель сначала не обратил на его речь никакого внимания, затем поднял глаза и посмотрел. Что-то проговорил и закивал головой, я заметил, что стоящие за ним двое других опустили стволы. Кивнув нашему водителю, немец вернул ему документы, а сам заговорил с Зиминим. Тот яростно жестикулировал, достал из кармана какую-то бумажку, тыкал в нее пальцем. Немец улыбался и все время кивал. Затем Зимин свернул разговор, махнул на прощание немцу по-дружески рукой и хлопнул дверцей.

– А теперь ходу отсюда, только спокойней, – прошептал он Толяну.

Круглов плавно тронул БТР, и мы поехали дальше. Отъехав с километр, я крикнул, чтобы останавливался.

– Какого ты останавливаешься, – грубо спросил Зимин, когда я к нему подошел, – думаешь, я снова смогу такой лапши навешать?

– Тихо ты, не ори. Ты ехать хочешь?

– Конечно, надо рвать отсюда! – Саня начал размахивать руками.

– А для чего мы поедem, полковник-то с учеными в лесу сидит. Как он здесь проедет? – я вопросительно посмотрел на этого крикуна.

– Вот блин! Я чего-то и не подумал, – опустил голову Зимин.

– Потому что мозгов нет, все оставшиеся с немцем протрепал, – констатировал казах.

– Ты еще давай меня «попили», – смущенно проговорил Саня.

– Сворачиваем в лес и думаем, – резюмировал я.

Укрывшись в лесу, возле самой трясины, мы уселись в кузове БТРа.

– Мурат, твои мысли, – предложил я начать казаху.

– Два танка, в одном копались с мотором, в другой что-то грузили, возможно, снаряды. Грузовик в кустах стоит, крытый, ну и пара мотоциклов. Солдат я насчитал около двадцати, не считал только экипажи танков. В мотоциклах не сидят, а пулеметных точек не заметил.

– Ты о чем с немчурой-то так долго беседовал? – спросил я у Зимина.

– Я по документам из Кельна, хорошо на фотке написано было, а этот оттуда же. Я ему фотку жены с детьми показал, не моих, унтера конечно, ну и разговорились. А чего?

– Если ты с бойцом к нему снова подойдешь, бензину попросить, например, он стрелять не начнет? – я вопросительно взглянул Сане прямо в глаза.

– Понял тебя, командир! Думаю, получится. Он спросил куда мы, я ответил, что велено зенитку перегнать в мастерскую, он мне и путь указал. Так что я даже знаю, где именно немцы стоят, точнее их тыловые службы.

– Парни, давайте попробуем их уконтропупить, – я ткнул кулаком в ладонь.

– Чего сделать? – уставился на меня дед.

Я провел пальцем по горлу, дед закивал. Казаха как всегда отправили смотреть. Тот вернулся через час.

– Танкисты спят, – начал он доклад, – пулеметчиков не видно, в мотоциклах сидеть на холоде, дураков нет. Горит костер, возле него шесть солдат. Оружие стоит у дерева. «Друг» Зимина тоже у костра. Остальные, думаю, в двух палатках, за танком, который дальше от дороги.

– С чего такая уверенность про танкистов? – спросил я.

– Так люки закрыты и моторы недавно заглушили, грелись, наверное. Зачем тепло выпускать? Между танками, ходит часовой. Еще двое ходят навстречу друг другу, через весь их лагерь. Есть возможность подойти близко. Кстати, командир, я тебе такую позицию покажу, бери свое весло.

– Годится, расскажешь по ходу. Ставим вокруг «бронника» растяжки, если кто наведется, так издали услышим. Иван, – я обратился к деду, – отойдем отсюда, сядешь где потише. Возьми себе шинель фрицовскую, под зад подложишь, чтобы не застудить.

– Как скажешь, командир, – весело ответил дед.

Мурат и Вано быстро поставили четыре растяжки. Ставили близко к БТРу, если он взорвется, будет не важно, так как если сработают растяжки, возвращаться к броневнику уже не будем. Я взял СВТ, зарядил, подхватил все запасные магазины. Парни взяли два пулемета. У каждого еще и МР-40.

Ивана мы оставили в двух сотнях метров от нашего транспорта. Почти стемнело, я посмотрел в оптику, ну, еще вроде видно. Эх! Ночничок бы сейчас. Ладно, как-нибудь – помолясь.

Чуть не забыли прихватить канистру, бензин из которой заранее был перелит в бак. Кстати, бензина немного, если получится, надо у немцев еще дернуть. Решили перелить и вторую, последнюю канистру. Несмотря на добавку в сорок литров, бак полным не стал. Точно надо «трофеить».

– Так, Мурат. Танки не взрывать, сольем бензину.

Казах кивнул. Выходя из леса, Мурат показал мне небольшой холмик.

– Вот оттуда у тебя все как на ладони будет, командир. Хочешь я останусь? Только я из нее не стрелял никогда, – он ткнул пальцем в висевшую у меня за спиной «Светку».

– Я вроде привык к ней, сам отсюда поработаю. А ты рули сам, раз все здесь исползал, – сказал я казаху. Тот повел людей дальше, а я разместился на холмике. Положил взятую из БТРа немецкую шинель, тоже не хочу жопу морозить, выложил перед собой три магазина, взглянул в оптику. Нашел своих и стал ждать.

Ждать пришлось недолго, Толя с Зиминым вылезли на дорогу и демонстративно пошли прямо по ней. Было видно, как при подходе к гансам от них отделился давешний уроженец Кельна. Зимин поставил канистры на землю и стал отчаянно махать руками. Круглов стоял за ним. Махнув Сане рукой, фриц повел их к танкам. Сначала наполнили канистры из запасных бочек, стоявших рядом с танком. На одном откинулся башенный люк, и показалась чья-то голова. Голова приобрела руки и начала ими размахивать, явно выражая свое недовольство. Наш знакомый из Кельна тоже махнул рукой, только в его сторону. Танкист стал залезать обратно, но тут-то все и началось. От выстрела в упор полетел на землю фельдфебель, Толя, вспрыгнув на танк, забросил в люк гранату. Едва он спрыгнул, раздался взрыв и выплеснулось пламя. Зимин уже стрелял в сидящих у костра солдат. Из палаток стали вылезать отдыхающие,

но со сна явно для боя готовы не были. Круглов с Зиминным расстреливали их, не давая поднять оружие. Я тем временем старался не терять из вида второй танк, показалась голова танкиста, я выстрелил, мимо, с третьего выстрела наполовину высунувшийся танкист, повис на башне. Тут появился Мурат, закинул в люк одну за другой две гранаты. Я смотрел, как он бежит в сторону, затем грохнул приглушенный взрыв, а за ним второй, но такой силы! У второго танка, видимо, детонировал боезапас, башню сорвало и бросило в сторону. В это время, Зимин и Толя уже заканчивали добивать оставшихся в живых немцев.

Мы расхреначили этот пост почти без последствий для нас. Когда вернулись к БТРу, осмотрелись. Казах на этот раз не увернулся. Его контузило от близкого взрыва, даже из уха кровь текла, но немного. Толя отделался порванным ватником. У Сани Зимина была рассечена щека.

– Слышь, унтер-офицер, о чем ты там с приятелем-то беседовал? – спросил я.

– Да поплакался я ему, сказал, что нас командир ждет, а тут топливо кончилось. Объяснил, что шланг порвался и бензин вытек. Ну, он проникся и помог, – развел руки Зимин.

– А танкист чего, против был?

– Ага, а ты как догадался? Все орал, что жаловаться будет. Не имел фельдфебель права нас заправлять. Я чего и стрелять начал, он ведь в танк полез по радиации связаться. Доложить о «беспределе» пехтуры, ну и пришлось форсировать. Хорошо Толян понял все и гранату ему вдогонку послал, иначе...

– Ясно, – коротко закончил за него я и посмотрел на других.

Все остальные оказались целыми, особенно я. Одного танкиста только и успел завалить, и то – с третьей попытки. Связались с Истоминым, те были на ходу, ехали медленно, я посоветовал им поднажать.

Казаху в этот раз я запретил бегать по округе, заставил его поспать. Тот не сильно возражал, залез в кузов «Ганомага» и вскоре уснул. Я решил сам пройтись по окрестностям, не давал мне покоя патруль на двух мотоциклах. Если послали в одну сторону, почему бы не послать и в другую. Взял Круглова и Ваню, Зимина с дедом оставил при БТРе со спящим казахом. Пройти удалось на два километра, когда впереди показались немцы, осторожно пробиравшиеся на двух «байках». Видимо, слышали. Еще бы, шумели знатно. Разглядели их случайно, скорее услышали. Три гранаты полетели в их сторону разом, оказалось не достаточно. Стрелять пришлось со всех стволов. Бой был на короткой дистанции, целиться просто было некогда. Даже руки затряслись. Вот ведь как, это тебе не с большого расстояния, тут противник смотрит тебе чуть не прямо в глаза. Страшно было. Это я потом понял, когда Ваню меня по плечу ударил. Вроде не первой, а все равно не по себе как-то.

Мотоциклам пришел писец. Оттолкали в кусты поглубже, туда же стащили ошметки немецких солдат. Думать было некогда, впереди, уже близко, Синявинские высоты, а там – жопа. Решил отправить Ваню к майору с докладом, пусть решает, или двигаются вперед, или ждут нас обратно. Они как раз должны уже подъехать к месту ухоронки, где БТР стоит. Договорились так, если майор прикажет нам идти к ним, то пошлет Ваню обратно к нам. Мы ждем два часа, если он не вернется, то выходим вперед. Идти-то надо быстрее. Хотя, если честно, лучше бы самолетом летели, там хоть шансы повыше. Не пройдем мы, думаю. И майор бешеный, именно из-за того же. Сам понимает всю несостоятельность операции. Для такой экспедиции нужно было или бойцов побольше, или самолет. Но самолет был недоступен, так как погода была просто «жесть». Хотя ведь мы же стольким бойцам сегодня жизни спасли, да еще и поучаствовали в избиении фрицев на железной дороге. Пушкари наши артиллерию немецкую уничтожили с нашей помощью. Окруженцев вывели, оружия им подбросили. Так что, ни фига не зря шли.

Сидели с Кругловым под елкой. Холодно уже, а костер развести нельзя. Разговор начался сам собой. Я видел, как его трясло, решил поддержать, хотя и сам-то еле отошел.

– Серег, мне раньше никогда не приходилось столько стрелять, а главное убивать. Чего-то страшно даже.

– Сам боюсь, но война же идет. Знаешь, я видел, сколько стреляют на передовой, нам-то хоть отойти можно. А там люди сидят без возможности отойти, ждут приказа, а он иногда и вовсе не приходит. В окопе жить, любому из нас, две минуты, если бой серьезный. Так что отдыхай, – я успокаивал Толяна, а сам думал, бля, ну почему я такой черствый, может, менталитет человека из будущего играет роль.

– Я ведь первый раз убивал, перед глазами стоит, – Толян зажмурился.

– Держи вот, – я достал из сидора флягу, – поправь здоровье, полегчает. Истомин рекомендует.

– А ты? – он взял флягу у меня из рук.

– Да я не пью. Язвенник. – Я засмеялся.

Толян тихо выругался.

– Ты еще смеяться можешь, а я так завыл бы, да боюсь немчуру привлечь.

Вспомнил, что сегодня уже десятое ноября. А ведь дорогу по Ладоге вроде в ноябре запустят. В конце ноября, если память не изменяет. Может, предложить майору подождать, хотя вряд ли согласится. Ему приказано торопиться. Ладно, будем посмотреть. Мы просидели в кустах не два, а три часа. Я решил добавить времени и не зря. Когда к нам вышел Вано, мы начинали собираться. Вано был весь в мыле. Еще бы, набегался.

– Майор приказывает вернуться, но в другое место. Мы по пути присмотрели, они остались там, а меня за вами послали.

– Хорошо, веди, – мы тронулись в обратную сторону. Через час Вано завел нас в такой бурелом, что еле продрались.

– Ты как хоть здесь шел-то? – едва увернувшись от ветки, которая чуть не хлестнула по лицу, спросил я.

– Да как-то пролез, ты бы видел, как мы технику протаскивали. Вряд ли сюда фрицы нагрянут.

Наконец мы увидели в темноте силуэты машин. Нас окрикнули, во, даже дозоры поставили.

– Стой, кто идет? – проговорили из темноты.

– Свои, – коротко ответил Вано и добавил, – три.

– Восемь, – произнес тот же голос.

– Давайте быстрее, командир заждался.

Эту систему паролей я сам и предложил Истому, надо же, он вспомнил и решил воспользоваться. На сегодня видимо пароль 11. Майор встретил меня у палатки. Я заметил, что их стояло целых четыре.

– Жрать хотите? – спросил он вместо приветствия.

– Здравия желаю, товарищ майор, конечно, хотим, – ответил я.

– Пошли ко мне в палатку. Только сам собирался перекусить.

В палатке горела какая-то коптилка, Истомин выставил передо мной на ящик банку тушенки, положил хлеб и стал наливать что-то в кружку.

– Это ж водка, – поморщившись, заметил я.

– Это от простуды, – Истомин решительно пододвинул мне кружку.

– Вы же знаете, не пью я. Совсем! – вздохнул я.

– Чего и для здоровья не выпьешь? – удивленно поднял брови майор.

– Чаю нет? – тихо спросил я.

– Сейчас спрошу, вроде инженеры кипятили.

Он вышел, а я стал метать «тушняк». Когда вернулся майор, я уже вылизывал ложку.

– Вот, держи! – Истомин поставил передо мной котелок с дымящимся чаем.

- Зашибись, как раз его мне и не хватало, – я с вождением взглянул в котелок.
 - Как постреляли? – к моему удивлению, майор не кричал, даже голос не повысил.
 - Нормально, ну никак не получается по-тихому.
 - Ладно уж, по-другому тут и не получится. Чего думаешь предложить?
 - Вот мелькнула мысль, а нельзя ли подождать немного.
 - В смысле? Не понял?
 - Насколько помню, скоро заработает дорога по льду Ладоги. По ней бы прошли легче, – высказал я точку зрения, хотя и понимал, что зря.
 - Как скоро это произойдет? – наострил уши майор.
 - В конце месяца, – робко ответил я.
 - Ты охренел? У наших подопечных приказ – наладить производство к концу месяца. Каким образом этого достичь?
 - Я не охренел, просто впереди – Синявино. Тут всего, если верить карте, километров двадцать. А там – жопа! В прямом смысле.
 - Я помню. А вот ты забыл. Двенадцатого ноября состоится контрнаступление, я же говорил, будет большой налет авиации, под это дело операцию и рассчитывали.
 - Вы уверены, что оно принесет нам пользу. В смысле поможет нам?
 - А вот для этого и была нужна твоя группа. Общий план такой: подходим как можно ближе и ждем. Твои гаврики будут выдвинуты на самое острие. По их сигналу будем осуществлять прорыв. От берега в любом случае немцев откинут, сил хватит, мы должны просто во время успеть. А про Синявино – я помню. Говоришь, большие потери будут?
 - Сейчас везде много убитых, но там, да, очень много.
 - Война, – задумчиво произнес Петрович и продолжил: – Ты опять со своими пойдешь? Я так думаю, что приказывать тебе без толку, все равно найдешь доводы?
 - Да зачем чего-то искать, просто пойду, да и все. Я нужен им.
 - Ты и нам нужен. Всем.
- Я достал трофейную карту, на ней было изображение котла, на Синявинских высотах. На данный момент у немцев там стояли два стрелковых полка со средствами усиления. Но по той же карте выходило, что туда идет танковый полк. А это уже серьезно. Чего бы наши не задумали, в этом месте им будут нужны серьезные силы. Майор говорил об авианалете, но у немцев прекрасно налажена взаимосвязь с авиацией, как бы не спустили на землю наших соколов, еще до того, как они смогут отбомбиться.

Глава 24

Выдвигаться решили рано утром. Сейчас все свободные от караула спали как убитые. В первую очередь, спали мои разведчики и я сам. Разбудили нас в пять утра. Светает поздно, успеем по темноте далеко пройти. Можно было бы раньше выйти, но Истомин решил дать нам отдохнуть. И так почти сутки на ногах. С утра, когда вылез из палатки, чуть не окоченел, ночью ударил мороз, не знаю, но думаю градусов двадцать. «Дубак» был серьезный. Быстро собравшись, глотнул чаю, Саня Зимин позаботился – молодчага. Стал собирать парней. Казах оклемался вроде, остальные в порядке. Вышли уже через двадцать минут. Хотел я ехать на «Ганомаре», но майор не дал. Слишком опасно было, пришлось топать.

– Зато не замерзнешь! – сказал с ухмылкой Истомин.

Двигались больше часа. Болота не промерзали, приходилось осторожничать, обходить. Иногда где-то в стороне вспыхивала стрельба, но довольно вялая. Партизаны или окруженцы, их тут вроде много должно быть. Не знаю. Еще через час услышали уже что-то посерьезней, похоже, мы где-то близко к позициям, отчетливо слышится грохот артиллерии.

– Серег, это чего, фронт? – спросил Зимин.

– Наверное, слышишь хреначат как? – показал я рукой в направлении грохота.

– Да уж, вроде даже огонь видно, – добавил Ваню.

– А много там фашистов? – задал вопрос дед.

– Не знаю, должно быть много. Мало бы сюда не дошло, – заключаю я.

Дальше двигались молча, тишину нарушал хруст ледяного наста под ногами да редкие матюги, когда кто-нибудь запинался. Странно, но никого еще не встретили, хотя мы уже явно близко. Я чего-то представлял, что будут какие-нибудь штабы, госпитали или еще что, а вокруг – никого.

Вскоре послышался гул моторов, казах поднял в небо взгляд и указал рукой.

– Немчура, наши таким количеством не летают.

Я тоже поднял голову и увидел медленно проплывающую в небе тучу из самолетов. Шли они, делая пологую дугу, куда-то на северо-запад.

– Наверное, Ленинград бомбить, – произнес Зимин.

– Может быть. Смотри как их много, – откуда-то в небо устремились трассы выстрелов, зенитки долбили, но явно не попадая. Да и сложно это.

– Суки, весь город разбомбят, – показал кулак в небо Круглов, – я был в Ленинграде до войны, такой красивый город.

– Это точно, – поддакнул я.

– Тише вы, – рыкнул на нас Мурат. – Влево, метров двести, – он указал направление.

Приглядевшись, я увидел вдалеке движение и не одно.

– Похоже, начинаются тылы, – продолжил Мурат.

– Скорее всего, – кивнул я. – Давай, Мурат, проверь, только как всегда – тихо.

– Обижаешь, командир, – шепнул он и пополз вперед.

Мы залегли, осторожно поглядывая вокруг.

– Наши это, – доложил вернувшийся через пять минут, казах.

– Точно? – переспросил я.

– Да! Вряд ли немцы могут ТАК ругаться. Крыли какого-то Евсюка.

– Ну, так только наши могут. Сидите здесь, – приказал я бойцам, – если все нормально, свистну.

Махнув казаху следовать за мной, я преодолел открытый участок и оказался в тени деревьев. Да, ни фига не лето, на нас ватники, но от холода все равно сопли застывают, не долетая до земли.

Передо мной что-то чернело, приглядевшись, понял – воронка. Ни хрена это не тылы, это же линия обороны, была. Вон и остатки полузасыпанных окопов. Двинулся дальше, через несколько метров наткнулся на изувеченный труп. Судя по остаткам формы – наш боец. Рядом лежала винтовка с расщепленным прикладом. Передернуло, бля, под бомбежку попали. Господи, да сколько их тут? Вокруг, то тут, то там, виднелись фрагменты тел. Некоторые были целы, но со множественными осколочными ранениями. Спустившись в траншею, пополз дальше, прислушиваясь. Где-то в стороне рвались снаряды. Слышалась редкая стрельба. Вдруг мне в затылок что-то уперлось, и тут же я услышал голос:

– Товарищ старшина, вот, гада поймал. Мародерит или шпионит тут.

Второй голос раздался где-то в стороне.

– Тащи его сюда, третий уже за утро. Чего они все здесь лазают? – Второй голос был с хрипотцой, явно не молодого бойца.

– Вставай, курва! – меня чувствительно пнули в бок. Ватник толстый, смягчил удар, но я все же сжался. – Вставай, говорю, а то еще добавлю.

– Хотя бы спросил для приличия, кто я такой. А вы сразу пинаться, – недовольно пробормотал я и оглянулся, пытаюсь рассмотреть казаха.

– Заткнись, сейчас доведу до старшины, он и спросит. Или шлепнет, как и других, – угрюмо проворчал мой конвоир.

Во дела, как встречаюсь с кем-то на фронте, обязательно бьют. Пока не буду нашим свистеть, а то, правда, шлепнут, не спросят, как зовут. Пройдя метров пятьдесят по траншее, увидел кучку бойцов. Сидели все вместе на дне окопа. Кто-то курил, кто-то дремал. При моем приближении поднялся один красноармеец.

– Наверное это и есть, старшина, – подумал я, глядя на человека лет пятидесяти, в каске и с ПППШ в руках.

– Да сколько их еще там ползает? – спросил кто-то.

– Кто такой? – задал вопрос старшина.

– А вы кто, что можете задавать вопросы? – ответил я по-еврейски.

– Ты гля, какой борзый, – опять раздался чей-то голос, но старшина, не оценил шутку.

– Голованов, замолкни! – приказал он и повернулся ко мне. Внимательно оглядел меня и, видимо, что-то почуяв, ответил:

– Старшина Евсюк, – коротко пробормотал он, не вдаваясь в подробности.

– Младший лейтенант государственной безопасности Новиков, кто у вас за командира, старшина?

Все сразу подскочили, старшина выпрямился, а ствол, упирившийся мне в спину, опустился. Я достал корочки и показал их старшине.

– Извините, товарищ лейтенант, – стал извиняться старшина, застегивая ворот на гимнастерке.

– Отставить, старшина, сядьте все, а то немцы увидят. За бдительность – хвалю, но ты, – я повернулся к бойцу, который меня поймал, – все-таки не пинайся, до выяснения. Вдруг какого генерала затопчешь, – и я усмехнулся.

– Виноват, – тихо сказал парень и устался в землю.

– Ладно, проехали. Кто, говорю, главный у вас? – повторил я.

– Капитан Лобачев!

– Капитан?

– Да, командир батальона погиб, капитан и принял командование.

– Ясно, отведите меня к нему. Хотя, отставить. Старшина, я возьму у вас этого ретивого служаку? – указал я на своего пленителя. Тот опять стушевался.

– А куда, товарищ лейтенант, можно спросить?

– Тут недалеко, туда, откуда он меня привел. Я не один здесь.

– А сколько вас? – наострил уши старшина.
– Увидите, – коротко бросил я. Пройдя по траншее обратно, пригнулся и, выйдя с позиций батальона, я три раза свистнул. Тотчас откуда-то вылез казах, затем показались остальные.
– Ты чего, рядом прятался? – спросил я у Мурата.
– Да, видел как тебя скрутили, хотел уж выручать идти.
– Хорошо не пошел, тут ребята бдительные и злые, – показал я на совсем смущенного бойца. – Да ладно тебе, успокойся, не было ничего.

Парень шумно выдохнул и улыбнулся. Наверное, подумал, что я его теперь загоняю.

– Мурат, собирай всех, будете ждать меня здесь, с этими веселыми парнями. При опасности уходить в лес. Все понятно?

– Да, командир.

– Вперед. Ну а с тобой, боец, мы пойдем к твоему начальству. Веди.

Парень козырнул, повернулся и пошагал в глубь оборонительных сооружений. Хотя, какие тут сооружения, все раздавлено давно. Бойцы больше в воронках сидят, чем в окопах, только брустверы небольшие накидали.

Капитан встретил меня настороженно, на его лице читалась накопившаяся усталость.

– Здравия желаю, товарищ капитан, младший лейтенант госбезопасности Новиков, – я протянул ему документы.

Тот внимательно их изучил, поднялся, вернул документы и протянул руку.

– Будем знакомы, капитан Лобачев. Каким ветром, лейтенант?

– Исключительно порывистым. Разведка местности. У меня приказ найти дорогу в обход Синявино, дорогу для транспорта.

– А чего там делать, к Ленинграду рветесь? – спросил капитан, прищурив глаза.

– Извините, товарищ капитан, большего сказать не могу, не имею права, – я развел руками.

– Ясно, где же я тебе дорогу найду, лейтенант? Видел ведь, сами как мыши ползаем. У меня бойцов осталось три десятка. С оружием – беда. Патронов почти нет. Со штабом полка нет связи, да и штаба-то, наверное, уже нет. Немец прет и прет, как ужаленный.

– Когда прибудет мое начальство, думаю со стволами и патронами, немного поможем, – я не врал, у всех гансов, что мы расхреначили по дороге, мы старательно собирали оружие, не брали только винтовки. Но там и автоматического скопилось навалом. И гранат было много. – Но пройти нам надо.

– Со стороны Ленинграда, под Шлиссельбургом, стоит наша дивизия, там, наверное, бойня. Немцы их окружить пытались, комдив, при последнем сеансе, говорил. Вот по нам и ударили, скинуть хотели и выйти в тыл основным силам. Все бы ничего, только связи нет, – махнул рукой капитан в отчаянии.

– Сейчас мои бойцы подойдут, да, наверное, уже в окопе, у нас радист с собой.

– Выручай, лейтенант! – вдруг вскрикнул Лобачев. – Мы ведь без связи больше суток, нас, наверное, похоронили уже. Вдруг приказ был отойти к дивизии или к наступлению готовиться, а нас просто не могут вызвать.

– Да ладно вам, товарищ капитан, сейчас позову радиста, попробуем связаться.

Выйдя из землянки, я быстренько сбегал к ребятам. Они и вправду уже сидели в окопе, вместе с бойцами капитана. Позвав деда, сказал, чтобы тот прихватил рацию.

Связь удалось наладить довольно быстро. Капитан доложил о ситуации, ему обещали помощь, вот только когда и в каком виде, умолчали. Вот блин, знать бы, что здесь такая жопа, можно было всех встреченных окруженцев сюда вести. Подождав, пока капитан наговорится, взял у него тангенту и спросил о важном для своей группы. Узнал, что соседям обещали серьезное подкрепление, это доказывало то, что говорил майор о контрударе. Также соседи сообщили о наступающей на них большой группе танков, сказали, что пока Лобачеву придется держаться,

а мне посоветовали им помочь. Я сослался на задание, меня объявили трусом. Истомин придет, посмотрим, может, и правда поможем, я ведь не против, но как начальство, не знаю. Потом связался и с Истоминным, сообщил ситуацию. Выслушал приказ сидеть на жопе и никуда не соваться. Обещал выполнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.